

**Национальная Академия Наук Азербайджана
Институт Языкознания имени Насими**

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**СИСТЕМА ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ
ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(в сравнительно-историческом освещении)**

**Издательство «Язычы»
Баку-2016**

*Монография печатается по решению Ученого Совета
(протокол № 5 от 27.05.2015) Института Языкознания
им. Насими Национальной Академии
Наук Азербайджана*

Научный редактор: **Тофиг Гаджиев**
академик

Рецензенты: **Масуд Махмудов**
*доктор филологических наук,
профессор*
Виляят Алиев
*доктор филологических наук,
профессор*

Айнель Энвер кызы Мешадиева. *Система дее-
причастных форм глагола в тюркских языках (в сравни-
тельно-историческом освещении). Издательство «Язычы»,
Баку-2016, 234 с.*

ISBN 798-9952-8306-2-0

*В монографии впервые проводится системный, сравни-
тельно-исторический анализ морфолого-синтаксических функ-
ций деепричастий, а также выявляются их общие и отличи-
тельные признаки, различные фонетические варианты в совре-
менных тюркских языках и их диалектах. К исследованию так-
же привлечены материалы древнетюркских письменных памят-
ников. Монография предназначена для научных сотрудников,
филологов-тюркологов и востоковедов.*

E-mail: aynel.meshadiyeva@mail.ru

©Айнель Мешадиева, 2016

А 5204000384 – (029)
М-656 -2016

Издательство «Язычы», 2016

РЕЦЕНЗИЯ

Монография А.Э.Мешадиевой «Система деепричастных форм глагола в тюркских языках (в сравнительно-историческом освещении)» посвящена сравнительно-историческому анализу системы деепричастных форм глагола в современных тюркских языках.

Сравнительно-историческое изучение отдельных структурных элементов и грамматических категорий тюркских языков, в частности, деепричастных форм, имеют немало важное научное значение.

Сравнительное исследование грамматического строя тюркских языков выявляет дифференциальные признаки в их грамматических структурах, на первый взгляд кажущиеся незначительными.

Некоторые из этих различий восходят к прошлым эпохам развития рассматриваемых языков, некоторые же являются результатом таких тенденций в их развитии, которые наметились в настоящее время. Этим предопределяется актуальность темы данной монографии.

Актуальность монографии Мешадиевой А.Э. заключается в том, что синхронно-диахроническое описание деепричастных аффиксов пролегает путь к проникновению в историю их развития. Изучение деепричастий тюркских языков в синхронно-диахроническом плане стимулирует системное исследование в сравнительном и историческом аспектах неличных форм глагола в современных тюркских языках.

Автором проведена серьезная работа по определению сходных и отличительных особенностей деепричастных

форм не только в современных тюркских языках, но и их диалектах и говорах.

Немаловажным является и то, что А.Э.Мешадиева в рецензируемой монографии проводит детальный этимологический анализ деепричастий в тюркских языках.

Особо следует подчеркнуть, что этимологическое изучение деепричастных форм проводилось с учётом достигнутых предшественниками результатов, которые уточнялись и восполнялись на достоверных материалах современных тюркских языков, их письменных памятников и диалектов.

Как положительный факт можно отметить то, что автор успешно аргументирует свою собственную точку зрения касательно происхождения деепричастных аффиксов.

В научной монографии подвергнуто критическому анализу большое количество работ отечественных и зарубежных авторов по различным аспектам исследуемой проблемы. Перечень использованной литературы, приведенный в монографии, включает новейшие публикации по теме исследования и свидетельствует о широком научном кругозоре автора, умении критически переосмыслить и синтезировать результаты исследований, предпринятых ранее другими тюркологами.

Монография состоит из предисловия, введения, 3-х глав, заключения и списка использованной литературы.

В предисловии автор характеризует предмет изучения, используемые научные методы, языковой материал, определяет значение своего исследования в теоретическом и практическом плане.

Каждая из трёх глав монографии заслуживает специального анализа, ибо все они, исключительно важные

по своей тематике и глубине ее изучения, соответствует актуальным проблемам современной лингвистики и служит по своему раскрытию общего замысла монографии.

В первой главе монографии именуемой *«Проблема изученности деепричастных форм глагола в тюркологии»* содержится краткое изложение состояния вопроса, рассматриваются основные понятия и термины деепричастных форм глагола.

Занимательные экскурсы в историю языкознания, богатство лингвистического материала, разъясняющего теоретические воззрения автора и безукоризненная логика изложения, дают возможность читателю проникнуться внутренним единством всей монографии.

В данной главе анализируются проблемные вопросы о неизменяемости деепричастий и принципы их классификации в тюркских языках. Здесь также затрагивается вопрос принятия деепричастными формами глагола аффиксов лица, принадлежности, падежей.

Особый интерес вызывает вторая глава монографии под названием *«Грамматические особенности деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах»*.

Эта глава посвящена анализу лексико-семантической сущности, морфологических свойств первичных и вторичных деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах. Детальный анализ каждой деепричастной формы дал возможность выявить как их схожие, так и дифференциальные морфолого-семантические признаки.

В рассматриваемой главе прослеживается ход исторического развития каждой деепричастной формы глагола

современных тюркских языков. Здесь на конкретных примерах указывается степень распространенности той или иной формы, а также проводится подробный анализ характера управления деепричастий различными падежами. Вызывает интерес тот факт, что автор достаточно подробно изучил гипотезы относительно этимологии деепричастных аффиксов тюркских языков.

К положительным сторонам монографии можно отнести то, что автор успешно аргументирует свою собственную точку зрения касательно происхождения деепричастных аффиксов современных тюркских языков.

Не меньший интерес вызывает третья глава монографии, посвященная сравнительно-историческому анализу некоторых специфических аффиксов деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах.

В этой небольшой по объему главе предпринимается попытка объяснить происхождение специфических аффиксов деепричастных форм глагола в отдельных тюркских языках. В данной главе также прослеживается их генетическое родство с другими формами в современных тюркских языках. Вместе с тем в рассматриваемой главе анализируются лексико-семантическая сущность и морфологические свойства специфических аффиксов деепричастных форм глагола в отдельных тюркских языках.

Рецензируемая монография является обстоятельным, фундаментальным трудом, который продолжает лучшие традиции сравнительно-исторического исследования современных тюркских языков и имеет большое практическое значение.

Основными достоинствами рассматриваемого научного труда являются углубленная теоретическая база и ме-

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

тодика, нацеленная на синтез синхронического и диахронического аспектов исследования.

Теоретическая важность монографии А.Э.Мешадиевой заключается в том, что выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы при создании общей теории сравнительно-исторического исследования.

Библиографический список, включающий 316 работ (из них 117 – на иностранных языках) дает целостное представление о развитии тюркского языкознания в отечественной лингвистике, с одной стороны, и о становлении сравнительно-исторической грамматики современных тюркских языков, с другой.

Монографическое исследование А.Э.Мешадиевой вносит весомый вклад в дальнейшее глубокое изучение вопросов современной и исторической морфологии современных тюркских языков, восполняя имеющиеся пробелы в системе тюркских деепричастных форм.

С глубокой убежденностью мы можем сказать, что рецензируемая книга А.Э.Мешадиевой актуальна, многогранна по обсуждаемой тематике и заслуживает высокой оценки.

Масуд Махмудов,
доктор филологических наук,
профессор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неличные формы глагола в современных тюркских языках хоть и изучены подробно, но все же есть проблемы, требующие новых подходов. В частности, в тюркологии ещё не исследована проблема системного сравнительного функционально-семантического анализа неличных форм глагола в тюркских языках и их диалектах. В связи с этим, сравнительное изучение данных форм глаголов в тюркских языках дает возможность раскрыть их общие и отличительные черты.

Деепричастия пронизывают лексическую, морфологическую, синтаксическую системы современных тюркских языков.

Многогранное исследование деепричастных форм современных тюркских языков в сравнительном аспекте является одной из актуальных задач тюркологии, так как посредством сравнительно-исторического анализа раскрывается история развития фонетических, морфологических и синтаксических особенностей деепричастий, а также исследуются некоторые вопросы их становления и формирования.

Раскрытие особенностей, существующих между родственными языками, составляет предмет сравнительно-исторических и этимологических исследований.

Сравнительно-исторический метод, несомненно, был одним из ведущих методов, используемых при сравнении материалов тюркских языков и способствовал дальнейшему развитию различных областей языкознания.

Настоящая монография посвящена сравнительно-историческому анализу структурно-семантических и синтаксических признаков деепричастных форм в современных тюркских языках и их диалектах, что дает возможность всесторонне осветить спорные вопросы их этимологии и функционирования.

Подробное исследование системы деепричастных форм создают богатую теоретическую базу для углубленного анализа деепричастий в отдельных тюркских языках.

Как известно, деепричастия в современных тюркских языках в основном являются идентичными по своим семантическим и синтаксическим функциям. Однако, несмотря на это, существуют такие формы, которые встречаются лишь в отдельных тюркских языках, т.е. являются специфическими для того или иного тюркского языка. В данной монографии также проводится сравнительный и этимологический анализ специфических деепричастных форм тюркских языков.

Вопрос изучения специфических форм неличных глаголов в тюркских языках относится к числу наименее изученных вопросов тюркологии.

Предлагаемое читателю исследование осуществляется в двух аспектах: синхроническом и диахроническом.

Синхронический подход позволяет осуществить качественный анализ деепричастий в современных тюркских языках.

Диахроническое исследование необходимо для выявления сходных и отличительных особенностей деепричастных форм, а также для раскрытия истории их образования и функционирования в более ранние периоды существования тюркских языков.

Применение синхронического и диахронического аспектов изучения грамматического строя современных тюркских языков является актуальной не только для всестороннего исследования тюркских языков и их исторического развития, но и одним из условий, создающих материальную базу для составления сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. При развитии и эволюции тюркских языков выявляется неразрывная связь синхронии и диахронии. Вследствие этого для исследования этих процессов используются описательный и сравнительно-исторический методы.

Научная новизна данной монографии определяется недостаточной изученностью и разработанностью указанной темы в тюркологии. Научные исследования, посвященные этой проблеме нельзя считать обстоятельными.

В этой монографии автор впервые проводит системный анализ в сравнительно-историческом аспекте структурной организации, семантического содержания и морфолого-синтаксических функций деепричастных форм в современных тюркских языках.

Настоящая монография имеет большое значение для изучения грамматического строя тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте, а также может способствовать структурно-типологическому анализу глагольных форм, в связи, с чем целесообразно привести высказывание А.А.Белецкого: «...сравнительно-историческое языкознание не может обойтись без описания фактов и явлений, сопоставляемых на разных ступенях родственных языков».

ВВЕДЕНИЕ

Категория деепричастия в современных тюркских языках и их диалектах давно является объектом исследований ученых и представляет собой важнейшую грамматическую категорию.

В тюркских языках система деепричастных форм характеризуется общими признаками, вместе с тем каждая из них имеет свои особенности.

Подробное изучение деепричастных форм тюркских языков в сравнительно-историческом аспекте является одной из актуальных задач тюркологии, поскольку посредством сравнительно-исторического исследования раскрывается историческое развитие фонетических, морфологических и синтаксических признаков деепричастий, а также рассматриваются некоторые вопросы их становления и формирования.

Выявление характерных черт, существующих между родственными языками, является одной из основных задач сравнительно-исторического исследования, в том числе и этимологии. Сравнительно-исторический метод, как известно, был одним из основных методов, используемых при сопоставлении материалов тюркских языков и способствовал дальнейшему развитию различных областей языкознания.

Деепричастиям тюркских языков посвящены специальные монографические исследования на материалах азербайджанского, турецкого, казахского, татарского, караимского, ногайского, шорского, карачаево-балкарского, каракалпакского, туркменского, узбекского, уйгурского,

тувинского, хакасского, тофаларского, крымско-татарского, чувашского, киргизского, алтайского, якутского, кумыкского и других языков.

Деепричастные формы в современных тюркских языках характеризуются как сходными, так и отличительными особенностями, участвуют в слово и формообразовании глаголов, выражают различные модальные оттенки действия, а также оформляют зависимые сказуемые деепричастных оборотов в сложных предложениях. Довольно часто деепричастия в тюркских языках входят в состав аффиксов личных временных форм глагола, лексикализуются, становятся самостоятельными лексемами.

Следовательно, деепричастия пронизывают лексическую, морфологическую, синтаксическую системы тюркских языков.

В монографии Ю.Д.Джанмавова «*Деепричастия в кумыкском литературном языке*» проведен тщательный анализ деепричастных форм в кумыкском языке сравнительно с другими тюркскими языками. В данной книге проанализированы морфологическая и синтаксическая характеристики каждой деепричастной формы, а также приводится этимология деепричастных формантов.

Монография Ю.Д.Джанмавова, на наш взгляд, является одной из фундаментальных работ, посвященных изучению категории деепричастий в кумыкском языке.

Подробному изучению деепричастий якутского языка посвящена монография Е.И.Коркиной «*Деепричастия в якутском языке*» (Новосибирск, 1985).

Н.Т.Сауранбаев в своей работе «*Семантика и функции деепричастий в казахском языке*» (Алма-Ата, 1944)

подробно описал семантические аспекты деепричастия и их функции в предложении.

Категория деепричастий была объектом исследования многих кандидатских и докторских диссертаций: В.М.Аскаровой (1950), А.М.Хосрови (1950), И.П.Павлова (1953), А.Турсунова (1958), Ю.Д.Джанмавова (1965), Г.Г.Мамедова (1967), М.М.Текуева (1973), А.Аннаурова (1979), В.Г.Алиева (1989), И.А. Невской (1990), И.Сюя (1995), М.Б.Аскерова (2004), Е.Г.Эргин (2007), Э.Мамедовой (2015), Ш.А.Мусаевой (2015) и др.

Помимо этого, деепричастные формы тюркских языков были освещены в ряде научных статей И.П.Павлова (1953, 1955, 1957), К.Мунди (1955), Г.Ф. Бабушкина (1959, 1964), И.А. Андреева (1964), А.М. Щербака (1960), К.А.Хаджиолова (1970), А.А. Юлдашева (1976, 1977), М.И.Черемисиной (1977, 1999, 2000, 2001), Е.И. Коркиной (1983, 1985), Н.Э. Гаджихмедова (1984), И.А.Невской (1986), Л.Йохансона (1988), В.Алиева (1989), Г.Р.Абдуллиной (2009), А.В.Гатыповой (2009), Л.М.Хасановой (2010), А.Э. Мешадиевой (2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015), В.И.Рассадиной (2012), Л.М.Ульмезовой (2011), В.Г. Кондратьева (1990), М.Угурлу (1996, 2000), М.Онера (1999, 2007), Б.Юджея (2000), А.Акташа (2001), Г.Гюльсевина (2002, 2010), Е.Арыкоглу (2004), А.Карадогана (2004), Н.Байрактара (2004), М.Д. Эрдема (2006, 2012), О.Сезера (2007), Х.Савран (2007), М.З. Жамьяновой (2008), А.Гюньшена (2008), Ф.Киришчиоглу (2008), А.Байдара (2008), М.Аргуншаха (2009, 2011), М.Гюльсюна (2010), Б.Хунерли (2010, 2012), Э.Алкайя (2011), М.Гюльтекина (2011), А.Акара (2011, 2013), О.Табаклара (2011), Л.Карахан (2011, 2014), О.Дурмуша (2012),

О.Балджи (2012), Э.Учара (2012), А.Джина (2012), Ф.С. Байрактара (2013), М.Абдуррагимовой (2014), Э. Салана (2015) и др.

Следует особо отметить докторскую диссертацию В.Алиева, которая посвящена исследованию неспрягаемых форм глагола азербайджанского языка (В.Г.Алиев, Баку, 1989) и его же учебное пособие *«Деепричастие в азербайджанском языке»* (1989), в которых определены общетеоретические и специфические особенности деепричастных форм современного азербайджанского языка.

На последующее развитие категории деепричастия в современных тюркских языках в той или иной степени оказали влияние исследования Н.А.Баскакова (1958), А.М.Щербака (1960), М.Ш.Ширалиева (1960), Л.А.Покровской (1963), А.Н.Кононова (1965), А.А.Юлдашева (1977), Н.Демир (1999), М.Угурлу (2000), В.Асланова (2002, 2003, 2012), М.Б.Аскерова (2002), Н.Байрактара (2004), К.Тикена (2004), Ф.Агджа (2006), А.А.Раджабли (2008), Б.Гюнерли (2010), П.В.Гращенко (2011), Г.А.Набиуллиной, К.Фатхулловой (2012), М.Озмена (2014), Л.Карахан (2014), В.И. Харабаева (2015) и др.

Следует заметить, что в тюркологии отсутствует единое традиционное определение деепричастий в современных тюркских языках.

В грамматиках современных тюркских языков деепричастия отнесены к глагольным формам.

Так, А.Турсунов приводит следующее определение деепричастия в киргизском языке: «Деепричастие – особая форма глагола, которая, не указывая на лицо, время, число, обозначает добавочное действие основного глагола» [138, с. 4].

М.Аскарова отмечает: «Деепричастие – неизменяемая форма глагола, обозначающая собой дополнительное действие в отношении другого, основного действия: оно разъясняет, определяет и дополняет значение действия спрягаемого глагола» [8, с. 4].

Схожие определения деепричастий можно встретить в научных работах Н.П.Дыренковой [43, с.152] и И.П.Павлова [105, с. 2]. Встречаются также определения, согласно которым деепричастие рассматривается как отглагольное наречие, как такая форма глагола, которая с признаками глагола совмещает в себе и признаки наречия [60, с. 10].

Подобные определения деепричастных форм, по-мнению Ю.Д.Джанмавова, более полно отражают природу деепричастий [38, с. 7].

Отдельные исследователи тюркских языков под термином «деепричастие» понимают формы на - *ып*, - *ип*, - *уп*, - *юп*, - *п* и на - *а*, - *е*, - *й*, выступающие как предикативные формы изъявительного наклонения личных глаголов [18, с. 25-38].

Под термином «деепричастие» Ю.Д.Джанмавов понимает только атрибутивно-обстоятельственные формы, употребляемые совместно с другими глаголами [38, с. 8].

Поскольку для деепричастий не характерны категории наклонения, времени, лица и числа, то они не являются окончательной формой глагола. В связи с этим, деепричастия преимущественно выступают в роли определителя действия, выраженного другим глаголом.

Касательно этого примечательно высказывание И.И.Мещанинова: «От глагола деепричастие отличается, главным образом, своей синтаксической функцией, которая установила неизменяемость его формы» [88, с. 264].

Общеизвестно, что деепричастные формы имеют ряд специфических признаков и всегда образуются специальными аффиксами. В тюркологической литературе одни исследователи называют деепричастные аффиксы аффиксами словообразования, а другие – аффиксами формообразования.

По-мнению Н.А.Баскакова: «Деепричастия образуются только посредством присоединения особых аффиксов словообразования» [16, с. 460].

Ю.Д.Джанмавов и И.П.Павлов относят аффиксы деепричастия к аффиксам формообразования [105, с. 2].

Мы также разделяем данную точку зрения и относим аффиксы деепричастия к формообразовательным аффиксам, т.е. к аффиксам, образующим различные грамматические формы слова, не связанные с его синтаксическим употреблением.

Деепричастные формы, как известно, различны по своему происхождению, семантике, и образованию.

В тюркологии имеют место различные принципы классификаций деепричастий. Одни исследователи классифицируют деепричастия по семантическому [226, с. 1422], другие - по морфологическому принципам [26, с. 46].

С нашей точки зрения, очень удачной является классификация, основанная на единстве семантического и морфологического принципов. В такого рода классификациях деепричастия делятся на *основные, первичные, простые*, или *первообразные*, и на *вторичные, сложные*, или *второобразные*.

Как правило, деепричастие рассматривается как неизменяемая форма глагола, которая выражает побочное действие, поясняющее другое действие. К данному мне-

нию примыкают М.Аскарова, А.М.Щербак, Н.П.Дыренкова, И.П.Павлов, А.Турсунов и др.

Подобная формулировка, на наш взгляд, не полностью раскрывает природу и сущность деепричастий в тюркских языках. Деепричастия в современных тюркских языках не являются совершенно неизменяемой формой глагола. К такому умозаключению нас приводят факты, где зарегистрированы случаи принятия некоторыми деепричастиями аффиксов лица и падежа в отдельных тюркских языках.

Фактом, свидетельствующим об изменяемости деепричастий, могут служить деепричастные формы якутского языка, которые могут принимать аффиксы лица и числа. Из девяти деепричастий современного якутского языка только вторичные деепричастия на - *бытынан* и - *бычча* не принимают аффиксов лица. Аналогичное явление наблюдается и в некоторых других современных тюркских языках: карач. - балк. *келгенлейинче* - *как только ты придешь сюда* [141, с. 79]; узб. *ёзгунимча* - *до тех пор пока я не напишу*; туркм. *гелйенчем* - *пока я не приду* [42, с.414-417]; тув. *келгижемче* - *до тех пор, пока я не приду* и т.д.

Следует подчеркнуть, что деепричастные формы в некоторых тюркских языках способны принимать падежные аффиксы. Подобное зафиксировано в башкирском, кумыкском, тувинском и др. языках: башк. -*гас*, -*гяс*, -*кас*, -*кяс-киткястян- уйдя*; тув. *келгеште*, *келгештен* – *приходя*; кумык. *айтгыынчадан берли* - *как ты рассказал* и т.д.

Предлагаемое исследование осуществляется в двух аспектах: *синхроническом* и *диахроническом*.

Синхронический и диахронический аспекты изучения грамматики современных тюркских языков являются

актуальными не только для подробного исследования тюркских языков и их исторического развития, но и одними из основных условий, создающих материальную базу для составления сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. В результате развития и эволюционных изменений тюркских языков выявляется единство синхронии и диахронии. Ввиду этого, для исследования данных процессов используются описательный и сравнительно-исторический методы.

Сравнительно-исторический анализ одного деепричастного аффикса значительно расширяет возможности изучения деепричастных аффиксов современных тюркских языков в целом и позволяет более глубоко проникнуть в суть языковых фактов и их связей.

Синхронический подход исключительно необходим в научном исследовании, поскольку позволяет провести качественный анализ деепричастий в современных тюркских языках. Диахронический аспект исследования дает возможность выявить сходные и отличительные особенности деепричастий, раскрыть историю их образования и функционирования в более ранние периоды существования тюркских языков.

Известно, деепричастные формы глагола в современных тюркских языках в основном являются идентичными по своим семантическим и синтаксическим функциям. Однако, несмотря на это, существуют такие формы, которые встречаются лишь в некоторых тюркских языках, т.е. являются специфическими для того или иного тюркского языка. Специфику каждой из деепричастных форм глагола можно выявить при сравнительно-историческом анализе.

В настоящей монографии рассматриваются некоторые специфические деепричастные формы в тюркских языках, проводится сравнительно-исторический анализ их структурно-семантических и функциональных особенностей.

Актуальность исследования заключается в том, что в тюркологии отсутствуют монографические исследования, посвященные подробному сравнительно-историческому анализу деепричастных форм глагола современных тюркских языков. Деепричастные формы изучены лишь в отдельном тюркском языке.

Таким образом, деепричастные формы глагола не подвергались системному монографическому исследованию во всех существующих современных тюркских языках.

Известно, что системное и сравнительно-историческое исследование состава, значений и функций деепричастных форм глагола в тюркских языках позволит выявить как их сходные, так и отличительные особенности.

Все вышесказанное предопределяет актуальность исследования и необходимость как теоретического, так и практического анализа деепричастных форм глагола в современных тюркских языках.

Научная новизна настоящей монографии определяется недостаточной исследовательностью категории деепричастия в тюркологии. Научные исследования, посвященные данной проблеме нельзя считать обстоятельными.

В монографии впервые в сравнительно-историческом аспекте системному анализу подвергаются структурная организация, семантическое содержание и синтаксические функции деепричастных форм в современных тюркских языках и их диалектах.

Настоящая монография имеет большое значение для изучения грамматического строя тюркских языков в сравнительно-историческом освещении.

Целью данной монографии является исследование грамматических и семантических особенностей деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах.

Теоретическая значимость монографии определяется кругом поставленных задач и полученными результатами. Данный анализ позволяет по-новому определить место и роль деепричастных форм глагола в системе языка.

В предлагаемой монографии использован комплекс лингвистических методов: описательный, сравнительно-исторический.

Богатый фактический материал тюркских языков и их диалектов, письменных памятников исследуемых языков, а также древнетюркских памятников почерпнут из общетюркологических исследований, толковых, этимологических и двуязычных словарей конкретных языков и письменных памятников. Наглядный материал исследования заимствован из классических произведений тюркских писателей, периодической печати и образцов народно-поэтического творчества.

Приводимый в монографии языковой материал взят из тюркской и зарубежной лингвистической литературы. Изложение исследования иллюстрируется литературными примерами, взятыми в основном из тюркской художественной литературы различного периода.

В качестве научных источников использовались, прежде всего, работы по грамматике современных тюркских языков и их диалектов. Однако автор не ограничивал свой выбор

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

лишь научными трудами последних десятилетий. В данной монографии использовались ранние работы тюркологов, в которых отражены их взгляды и теоретические концепции касающиеся категории деепричастия в современных тюркских языках.

ГЛАВА I

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ТЮРКОЛОГИИ

Деепричастия в современных тюркских языках всегда были объектом исследований ученых.

Деепричастным формам были посвящены специальные монографические исследования. В монографии Ю.Д.Джанмавова «*Деепричастия в кумыкском литературном языке*» проведено подробное исследование деепричастий в кумыкском языке сравнительно с другими современными тюркскими языками. В этой книге проанализированы морфологические и синтаксические особенности каждой деепричастной формы, а также изучается этимология деепричастных аффиксов.

Монография Ю.Д.Джанмавова, на наш взгляд, является одной из фундаментальных работ, посвященных изучению деепричастий в современном кумыкском языке.

Детальному изучению деепричастных форм якутского языка посвящена монография Е.И.Коркиной «*Деепричастия в якутском языке*» (Новосибирск, 1985).

Деепричастия современного азербайджанского языка подверглись основательному анализу в работе В.Алиева «*Деепричастия в азербайджанском языке*» (Баку, 1989).

В монографии Н.Т.Сауранбаева «*Семантика и функции деепричастий в казахском языке*» (Алма-Ата, 1944) обстоятельно описаны семантико-морфологические аспекты деепричастия и их функции в предложении.

Вместе с тем, деепричастия были объектом исследования многих кандидатских и докторских диссертаций: М. Аскарлова «Деепричастие в современном узбекском языке», автореф. канд. дис., Ташкент, 1950; И.П.Павлов «Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции», автореф. канд. дис., М., 1953; А.Турсунов «Деепричастия в современном киргизском языке», автореф. канд.дис., Фрунзе, 1958; А.М.Хосрови «Деепричастия в туркменском языке», автореф. канд. дис., Ашхабад, 1950; Г.Г.Мамедов «Деепричастия в письменных памятниках азербайджанского языка XIV-XIX веков», автореф. канд. дис., Баку, 1967; А.Аннауров «Категория деепричастия и его функции в туркменском языке в историческом аспекте», автореф. докт. дис., Ашхабад, 1979; Ю. Сеидов «Деепричастные обороты в современном азербайджанском языке», автореф. канд. дис., Баку, 1955; Б.Джафарова «Деепричастие в азербайджанском языке», автореф. канд. дис., Баку, 1948 и др.

Деепричастные формы в современных тюркских языках получили дальнейшее развитие в научных трудах М.Ш.Ширалиева (1960), А.Н.Кононова (1965), Н.А.Баскакова (1958), В.Г.Алиева (1989), А.А.Юлдашева (1977), А.М.Щербака (1960), Л.А.Покровской (1963) и др.

Заметим, что в этих научных исследованиях отсутствует единое однозначное определение деепричастий в современных тюркских языках.

Зачастую деепричастие рассматривается в качестве неизменяемой формы глагола, которая передает значение побочного действия, поясняющее другое действие. Аналогичной точки зрения придерживаются Н.П.Дыренкова, А.Турсунов, М.Аскарлова, А.М.Щербак, И.П.Павлов, и др.

Такие формулировки, с нашей точки зрения, не полностью раскрывают сущность и характер деепричастий в современных тюркских языках.

Деепричастные формы в тюркских языках не являются абсолютно неизменяемой формой глагола. Основанием данного утверждения является тот факт, что деепричастия в отдельных тюркских языках принимают падежные и личные аффиксы.

В связи со значением второстепенности действия деепричастий следует заметить, что в основном деепричастные формы выражают, подобно личным глагольным формам, основное действие.

Обращает на себя внимание высказывание исследователя деепричастий удмуртского языка П.Н.Перевозинова: «В литературе нередко встречается указание на то, что деепричастие выражает добавочное действие. Материалы наблюдения, однако, показывают, что в ряде случаев действие, выражаемое деепричастием, не является добавочным, ни в самой действительности, ни в сообщении о нем... Восприятие действия как главного или добавочного в ряде случаев определяется не формой, а лексическим значением глагола, выражающего действие, а не контекстом. Поэтому скажем ли мы, *сидел за столом, просматривая план...* или *сидя за столом, просматривал план...*, просматривание плана не будет осознаваться в качестве добавочного действия по отношению к действию *сидел за столом...* Поэтому при описании особенностей деепричастия, видимо, надо говорить не столько о добавочном действии, сколько о том, что оно (деепричастие) своей специфической формой указывает на присутствие другого глагола в предложении, и о том, деепричастие

выражает такое действие, которое непременно имеет отношение к другому действию, однако это отношение необязательно зависимое» (П.Н.Перевошиков, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск, 1959, с. 11–12).

Разделяя данную точку зрения, мы также не рассматриваем деепричастие в современных тюркских языках в качестве неизменяемой глагольной формы, которая передает значение второстепенного действия. Доказательством изменяемости деепричастий могут служить деепричастные формы современного якутского языка, которые могут принимать аффиксы лица и числа. В современном якутском языке только вторичные деепричастия на *- бытынан* и *- бычча* не сочетаются с аффиксами лица.

Как правило, деепричастие трактуется в тюркологии как неизменяемая глагольная форма. Такого рода формулировку деепричастий можно встретить в исследованиях Н.П.Дыренковой [43, с.130], А.Турсунова [138, с.4], М.Аскаровой [8, с. 4], И.П.Павлова [105, с. 2] и др.

Деепричастные формы также именуют неличными формами, так как главной особенностью неличных форм глагола является их неизменяемость по лицам.

Весьма затруднительно отнести данную дефиницию к деепричастиям в современных тюркских языках. Поскольку в тюркских языках довольно часто встречаются факты принятия деепричастными формами не только аффиксов лица, но и падежа.

Описание тюркских деепричастий как неизменяемой формы нередко подвергалось критике в трудах некоторых лингвистов.

Для наглядности рассмотрим некоторые формулировки. Так, Ю.Джанмавов отмечает: «...Деепричастия в тюркских языках не представляют собой совершенно неизменяемую глагольную форму. Они, как правило, не принимают после себя аффиксов морфологических категорий, но они могут иметь положительную и отрицательную формы, формы залогов. Более того, нередко некоторые деепричастные формы в отдельных языках принимают личные, а иногда даже и падежные аффиксы» [38, с. 5-6].

Е.И.Коркина пишет: «Большинство якутских деепричастий способно, кроме того, изменяться по лицам и числам» [60, с.11]. Далее подчеркивает: «Так, могут принимать личные аффиксы (аффиксы сказуемости) деепричастия на -ан, -а-ыы, -аары, -маоры, -ымына, -бакка во всех трех лицах обоих чисел» [38, с.11].

В своей работе «Исследования по синтаксису якутского языка» Е.И.Убрятова верно отмечает: «Якутские деепричастия должны быть отнесены к формам словоизменения еще и потому, что они принимают личное оформление чаще всего в форме аффиксов сказуемости» [139, с. 42].

Факты принятия деепричастиями формантов морфологических категорий часто встречаются в некоторых современных тюркских языках. Данное явление в основном распространяется на деепричастия якутского языка, так как почти все деепричастия в указанном языке сочетаются с аффиксами сказуемости.

Деепричастные формы якутского языка, в качестве глагольной формы, обладают всеми грамматическими категориями глагола, т.е. залоговыми формами, положительными и отрицательными аспектами.

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

Рассмотрим несколько примеров.

Деепричастная форма на - *ан* в якутском языке принимает аффиксы лица:

<i>Ед.ч.</i>	<i>Мн.ч.</i>
1. <i>бараммын</i>	1. <i>бараммыт</i>
2. <i>бараннын</i>	2. <i>баранныт</i>
3. <i>баран</i>	3. <i>баранна</i>

В якутском языке деепричастия на - *а/-ыы* лишь при удвоенном употреблении присоединяет к себе аффиксы сказуемости. Например: ед.ч., 1л. –*барабарабын*, мн.ч., 1л. - *кэлэ - кэлэбит, көрөкөрөбүн – поглядывая* [60, с.32].

Следует подчеркнуть, что в современном якутском языке редуцированные формы деепричастия на - *а/-ыы* в отдельных случаях не принимают аффиксов лица.

Приведем примеры: *Кыыс мутугу ылан буору хаһа-хаһа, Александр диэки көрү тэлиир - Девушка, взяв сук и все время ковыряя землю, поглядывает в сторону Александра* [60, с.32].

Отметим, что в якутском языке есть случаи, когда удвоенная форма деепричастной формы на - *а/ - ыы* в 1-м и 2-м лице выступает без личных аффиксов.

Приведем примеры: *Биһиги күнүһүн үөрэнэ -үөрэнэ, киэһэтин үлэлибит - Мы, днем учась, вечером работаем* [60, с.32].

Для наглядности рассмотрим еще несколько деепричастий современного якутского языка, которые сочетаются с личными аффиксами: форма на - *ымыны - барымынабын* - 1л., ед.ч.; форма на - *аары - онороорубут* - 1л., мн.ч.; форма на - *ымаары* (отметим, что данное

деепричастие может выступать как с личными аффиксами, так и без них) – *барыма- арыбын* - 1 л., ед.ч.

Следует отметить, что деепричастия на – *аат*, в отличие от других якутских деепричастий, не принимают личные аффиксы. Вместе с тем, рассматриваемая деепричастная форма, употребляясь с послелогоми *кытта* и *кытары*, принимает аффикс винительного падежа и обозначает лицо; например: *мин барааптын кытта (кытары)* - 1 л., ед.ч.; *эн барааккын кытта (кытары)* 2 л., ед.ч.

Исследователи якутского языка О.Бётлингк, Э.К. Пекарский, С.В.Ястремский и Л.Н.Харитонов трактовали деепричастие на - *бычча* в качестве наречия. Е.И.Убрятова же рассматривала форму - *бычча* как деепричастие. Исследуемое деепричастие отличается от других деепричастных форм якутского языка тем, что оно является абсолютно неизменяемой формой, т.е. не принимает ни личных, ни падежных аффиксов, а также не имеет отрицательного аспекта.

Деепричастие на - *гъаниша*, - *генше*; - *къаниша*, - *кенише* в каракалпакском языке также принимает аффикс лица. Например: *Юйге келип джеткенимше, юйде отыргъанымда арадан тагъы да еки саат ётти* - пока я доехал домой, посидел дома, прошло еще два часа [16, с. 472].

Подобные случаи можно встретить и в тувинском языке. Например, *келгижемче - до тех пор, пока я не приеду*; *келгиженче - до тех пор, пока ты не придешь* [49, с. 405].

В современном узбекском языке также зарегистрированы факты принятия вторичными деепричастиями аффиксов лица. Действующее лицо сочетаясь с деепричастной формой на – *гунча*, выражается соответствующим

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

аффиксом принадлежности. Этот аффикс присоединяется к первому элементу аффикса – *гунча*. Например: *Узим бормагунимча кампирнинг кунгли тулмайди - Пока я сам не пойду; сердце старухи не успокоится (Биз) укигунимизча - до того как мы прочитаем* [57, с. 244].

Небезынтересно отметить, что в староазербайджанском языке деепричастная форма на - *dıqda*, - *dikdə*, - *duqda*, - *dükdə* - (-дыгда⁴) нередко принимает аффиксы принадлежности, которые ставятся между элементами *dıq* и *da*. Рассмотрим примеры: *gəldiyində - когда он пришел; açdığında - когда я открыл* и т.д.

Представляет интерес тот факт, что в героическом эпосе «*Китаби-Деде Коркуд*» эта деепричастная форма зачастую употребляется со словом «*ləyin*». Употребление деепричастия на - *dıqda* со словом «*ləyin*» обозначает немедленное осуществление действия.

Рассмотрим примеры: *Qazılıq Qoca onu gördü-gündələyin yel kimi yetdi - Казылык Коджа увидев его, примчался словно ветер; Qazılıq Qoca qələyə yetdigindələyin səngə başladı - Казылык Коджа как только добрался до крепости, начал сражаться* [186, с.106-107].

Деепричастная форма на - *dıqda*⁴ в современном азербайджанском языке не принимает аффиксов принадлежности и не употребляется со словом «*ləyin*». В письменных памятниках азербайджанского языка деепричастия на - *dıqca*⁴ также употребляются с аффиксами принадлежности.

Исследуемая деепричастная форма, сочетаясь с аффиксами принадлежности, получает следующие фонетические варианты: - *dığınca*, - *dığınca*, - *duqınca*, - *düqınca*, - *dıqınca*, - *dıqınca*, - *duqınca*, - *düqınca*.

Приведем примеры: *Rəqibindən cəfalar çəkdgimcə qırlımən bəd dualar dürlü-dürlü* (Хатау, XV век); *Baxduqunca hər nəzərdə qeyri-zat Allahu gör* (Насими, XIV век) [69, с.18].

Заметим, что деепричастная форма на - *dıqca*⁴ (-дыг-джа⁴) не сочетается с аффиксами принадлежности в современном азербайджанском языке.

Некоторые вторичные деепричастия в современных тюркских языках принимают падежные аффиксы.

В некоторых современных тюркских языках деепричастия принимают падежные аффиксы лишь при сочетании с послелогом.

К примеру, в современном кумыкском языке деепричастие на - *гъынча*, - *гинче*, - *гъунча*, - *гюнче* употребляясь с послелогом *берли* - *с*, *начиная с*, принимает аффикс исходного падежа.

Например: *Сен айтгъынчадан берли де англагъан эдим мен о хабарны* - *Эту вестъ я слышал задолго до того, как ты рассказал* [38, с.39].

Приведем примеры: *основной падеж* - *келгеш* - *ед.ч.*, *келгештер* - *мн.ч.*; *род.п.* *келгештин* - *ед.ч.*, *келгештернин* - *мн.ч.*, *местный падеж* - *келгеште* - *ед.ч.*, *келгештерде* - *мн.ч.*; *исходный падеж* - *келгештен* - *ед.ч.*, *келгештерден* - *мн.ч.* [49, с.335].

Как отмечается в грамматике тувинского языка, данное явление наблюдается особенно в языке фольклора [49, с.335].

Интересно отметить, что в тувинском языке деепричастная форма на - *пышаан* изменяется не только по числам и падежам, но также принимает аффиксы лица. Данное деепричастие в тувинском языке имеет два различных толкования: 1) данная форма рассматривается как

деепричастие; 2) это деепричастие обоснованно считать причастием с некоторыми деепричастными признаками.

Деепричастие на - *гас* в современном башкирском языке иногда принимает аффикс исходного падежа: *кайткастан* - *возвращаясь*, *уйлагастан* - *подумав* и т.д. [41, с.186].

В некоторых тюркских языках при помощи аффиксов местного и исходного падежей образуются деепричастные формы. Приведем примеры: азерб. - *anda*, - *əndə* - *danişanda* - *когда говорил*, *gələndə* - *когда шел*; - *dıqda* / - *dikdə* - *aldıqda* - *купив*, *gördükdə* - *увидев*. Такие деепричастия могут сочетаться с послелогом: азерб. *Oxuyandan sonra* - *после того, как прочитал*, *gəldikdən sonra* - *после того, как пришел*, *yedikdən sonra* - *после того, как поел* и т.д.

В современном турецком языке деепричастие на -(y) *alı²*, употребляясь с послелогом *beri*, может принимать аффиксы исходного падежа.

Например: *Ben mektubunuzu alalı(dan) beri iki hafta oldu* - *Прошло две недели с тех пор, как я получил ваше письмо* [56, с. 481].

В старых османских текстах, как отмечает А.Н. Кононов, деепричастие на -(y) *alı²* в исходном падеже употребляется без послелога *beri* [56, с.481].

Данное явление наблюдается и в письменных памятниках азербайджанского языка XIV-XIX веков. Так, в произведениях выдающегося азербайджанского поэта XIV века Насими, деепричастная форма на - *alı* / - *eli* иногда употребляется с аффиксами исходного падежа - *dan* / - *den*. Приведем примеры: *Saçların düşəlidən bədri-zülfün tabına*; *Ey latə tapıcı sənə eyb etməzəm nədən*; *düşəlidən* – *падая* [69, с.16].

В ризенском диалекте (иль Ризе) турецкого языка зафиксированы случаи употребления деепричастия на – *arak / - erek* с аффиксами как исходного, так и местного падежей. Примеры: “ *gelu, diyor, şindi nerdeyse, diyerekten buni nasi duydisa miktat diyanamadi...; Bindi, bi şey yaptı, bi marifet yaptı, kuşlar bağladı attına ustine et kodi falan diyerekte...[246, с. 267]; Tek tek basaraktan, bade süzerekten, ince dizerekten, gel yarım, gel aman”*; *diyerekte – говоря, süzerekten - наливая* [214, с. 431].

Как видим, падежно-числовые формы и другие категории обычно характерны для вторичных тюркских деепричастий.

Следует заметить, что первичные деепричастия, довольно редко принимают падежные аффиксы.

Факты сочетания первичных деепричастий с падежными аффиксами зарегистрированы преимущественно в диалектах и говорах тюркских языков, а также в народно-разговорном языке.

Примеры: *Qızarıfdan yerə keçmərsən, hələ bir üzümə də baxersan?* - Почему ты, краснея, не провалишься сквозь землю, а еще смотришь на меня? [153, с. 98-99].

Таким образом, рассмотрев материалы тюркских языков, мы пришли к такому выводу, что интерпретация тюркских деепричастных форм как неизменяемой формы – необоснованна. Поскольку, в некоторых тюркских языках деепричастные формы сочетаются с аффиксами лица, числа и падежа. В первую очередь, это явление можно отнести к деепричастиям современного якутского языка, которые принимают аффиксы лица и числа, а также падежные аффиксы.

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

Как видим из проведенного анализа, деепричастия в современных тюркских языках в большинстве случаев сочетаются с аффиксами исходного и местного падежей: тур. *basaraktan* – *наступая*; башк. *кайткастан* – *возвращаясь*; кумык. *айтгъынчадан берли* – *задолго до того, как ты рассказал*; тув. *келгеште* – *придя* и т.д.

ГЛАВА II

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ДИАЛЕКТАХ

Деепричастия в современных тюркских языках различны по своему происхождению, семантике, и образованию. В тюркологии деепричастные формы классифицируются по различным принципам.

Некоторые ученые группируют деепричастные формы по семантическому [226, с. 1422], другие по морфологическому принципам [26, с. 46].

По общепризнанной классификации деепричастия делятся на: 1) первичные или первообразные, и на 2) вторичные или второобразные.

Первичные формы деепричастий в современных тюркских языках образуются от глагольной основы при помощи простых аффиксов, сочетаются с вспомогательными глаголами, а также могут употребляться в удвоенной форме. К первичным формам относятся деепричастные формы, образованные посредством аффиксов - *ып*, -*ип*, -*уп*, -*юп*, -*п* и -*а*, -*е*, -*й*.

Эти деепричастия, будучи самыми древними по происхождению, встречаются почти во всех тюркских языках и семантически очень близки.

По-мнению большинства тюркологов, первичные деепричастные формы подобно вторичным деепричастным формам имеют причастное или отглагольно – именное

происхождение. Относительно происхождения первичных деепричастных форм, примечательно высказывание Н.А.Баскакова: «Исторически деепричастие на *-ын/-ип, -п* восходит к именам действия или причастиям, что особенно подчеркивается в сочетаниях этой формы деепричастия с переходными (определяемыми) глаголами [16, с. 461].

В связи с предположением о причастном происхождении первичных деепричастных форм, интересно отметить, что в современных тюркских языках деепричастия могут употребляться в роли причастий, а причастия – в роли деепричастий. Как отмечает Е.А. Поцелуевский, в туркменском языке причастия на *-ар, -ер* и на *-яр, -йер* часто выступают в роли деепричастий на *-ын*⁴.

*Деепричастие на **-ын**⁴ (-**ип**⁴)*

В данной главе монографии рассматриваются основные структурно-семантические, синтаксические признаки и этимология первичной деепричастной формы на *ын, -ип, -уп, -юп, -п* в современных тюркских языках и их диалектах.

Деепричастная форма на *-ын, -ип, -уп, -юп, -п* является самой употребительной формой из всех деепричастий современных тюркских языков.

Причина распространенности этого деепричастия в языке заключается в том, что эта форма, в большинстве случаев, в стилистических целях заменяет часть однородных сказуемых и выражает самые различные значения.

Данная форма зарегистрирована во всех тюркских языках за исключением якутского и чувашского языков. В современном чувашском языке деепричастной форме

на - *ын*⁴ соответствует деепричастие на - *са/ - се*, в якутском - деепричастие на -*ан, -эн, -он, -өн*.

В языке орхоно-енисейских памятников деепричастная форма на – *ын* была более широко распространена, чем в современных тюркских языках. Эта форма в языке орхоно-енисейских памятников употребляется с глухим согласным «*п*», а в современных тюркских языках - как со звонким согласным «*б*», так и с глухим согласным «*п*». Первичной формой является форма с глухим согласным «*п*».

Этимология деепричастия на - *ын*⁴ до сих пор не установлена. По поводу происхождения этой деепричастной формы существуют противоречивые высказывания.

В связи с этимологией деепричастной формы на – *ын*⁴ впервые высказался Ф.Е.Корш. Элемент – *п*, как он отмечает, восходит к аффиксу прошедшего времени на - *б, - би* в монгольском языке [62, с. 15].

Данная гипотеза, в дальнейшем, было развита выдающимся алтаистом Г.И.Рамstedом [58, с. 110].

А.М.Рясянен деепричастную форму на - *ын*⁴ связывает с причастным аффиксом - *па, - пе* в угро-финских языках [119, с. 191].

Другое предположение касательно этимологии этой формы выдвигается А.Н.Кононовым.

По-мнению А.Н.Кононова, морфема -*б, -п* в вышеназванных тюркском и монгольском деепричастиях подобно соответствующим деепричастным формам тунгусо-маньчжурских языков, вероятно, восходит к общеалтайскому глаголу -*б* = тюрко-монгольскому глаголу *бол*- быть, делаться, становиться [58, с. 110].

Деепричастные формы на - *ын*⁴ в тюркских языках огузской группы, в которую входят азербайджанский, турецкий, гагаузский и туркменский языки, получили широкое распространение.

В современном турецком языке формы на -*ын*⁴ передают следующие значения действий:

1) действие, которое предшествует другому действию, характеризуя сказуемое в качестве образа действия, причины, времени, или условия: *oturup - sev* (когда сел, так как сел, коль скоро сел).

Рассмотрим примеры с: а) одинаковыми субъектами: *Başımı kaldırıp baktım* – Подняв голову, я посмотрел; б) разными субъектами: *Fakat dakikalar geçiyor, odanın kapısı açılıp Behir Vecdi görünmüyordu* – Но проходили минуты, двери комнаты не открывались и Бехир Веджи не появлялся;

2) действие, которое происходит одновременно и параллельно с действием, выраженным сказуемым в главном предложении, иначе говоря, в таком случае деепричастие на - *ын* обозначает однородное сказуемое: ...*oturup gevezelik ediyordu*-... сидела и болтала (т.е. *oturuyordu ve gevezelik ediyordu*) [56, с. 475].

В современном турецком языке при сочетании в предложении нескольких однородных глагольных форм (причастия, личные формы глагола и др.), предпоследняя из них чередуется деепричастием на - *ын*.

y (ıp) = dik (y) acak: Alakamın sahi olup olmadığını araştırır gibiydi – Он словно доискивался того, является мой интерес подлинным или нет.

y (ıp) = ma: Kızın gülüp ağlamasından mağaranın içi güller, incilerle dolar. – От смеха и плача девицы пещера наполняется розами и жемчугом.

у (*ip*) = *malı*: *Bin ölçüp bir biçmeli* – Тысячу раз отмерь – один раз отрежь.

В турецком языке деепричастные формы на - *ын* сочетаясь с энклитикой -*ta/-te*, подчеркивает сильное логическое ударение этой формы. Пример: *Sabah olup ta kız hatata gitmeğe hazırlandığı zaman...* А когда настало утро, и девица собралась идти в баню... [56, с. 476].

Нередко в современном турецком языке деепричастия на - *ын* могут употребляться в удвоенном виде. В удвоенной форме они передают значение многократности, непрерывной повторяемости, длительности действия и являются грамматическим синонимом деепричастной формы на - *й(a)*.

Заметим, что в этой роли деепричастия на - *ын* употребляются гораздо реже деепричастия на - *й (a)*, - *й (e)*: *İçip içip öyle coşmuştu ki...* Он непрерывно пил и пришел в такое возбуждение, что...

В современном азербайджанском языке аффикс – *ыб*⁴ исследуется как в разделе времен глагола, так и в разделе деепричастий. Исследуемый аффикс в истории азербайджанского языка имел два общих грамматических особенностей. Форма на -*ыб*⁴ исторически и в настоящее время образует в предложении в зависимости от образа выражения как форму прошедшего времени глагола, так и форму деепричастия.

Деепричастие на - *ыб* в современном азербайджанском языке передавая временной оттенок в предложении, выступает либо в значении деепричастия на - *анда*; - *энде*, либо в значении слова *sonra* - *потом*. Например: *Bütün Təbriz yorğanına bürünüb Təbriz haqqında düşünürdü* – Население Тебриза укутавшись в одеяло, думало о городе [193, с. 381].

Деепричастие на - *ыб* в азербайджанском языке передает следующие значения:

1) при функционировании определенных слов между деепричастием на - *ыб* и основным глаголом, а также при относительной самостоятельности глагола с -*ыб* в предложении деепричастие выступает однородным членом предложения; 2) форма на - *ыб* придает глаголу – сказуемому дополнительный оттенок предикативности: *Salamat gəlib çatdım* – Я благополучно прибыл; 3) деепричастие на – *ыб* передает значение обстоятельства или состояния, при котором осуществляется действие: *Qız gülüb oynayırdı* – Девочка, смеясь, танцевала; 4) форма на - *ыб* выражает причину совершения действия: *Mariana getməyə hazırlaşdı ki, yanında minik maşınının dayandığını görüb yüyüdü* – Мариана, собиралась уходить, но увидев остановившийся возле нее транспорт, побежала [93, с. 383]; *Onu başa düşməyəcəklərindən ehtiyat edib danışmadı* - Он не говорил, так как боялся быть непонятым [182, с. 223].

Нередко деепричастная форма на - *ыб* сочетается с другими членами предложения: а) относится к спрягаемой форме глагола; б) причисляется к инфинитиву; в) восходит к причастию; г) деепричастие на - *ыб* относится к другой деепричастной форме; д) временной оттенок, выраженный формой на - *ыб*, специфицируется посредством других деепричастных форм, которые в предложении предшествуют деепричастию на - *ыб*.

В этой связи примечательно высказывание В.Алиева: «Характер связи деепричастия на - *ыб* с отдельными членами предложения не только предопределяет место этого деепричастия в предложении, но и в значительной степени воздействуют на порядок расположения других членов предложений» [3, с. 30].

Деепричастная форма на – *ын* наблюдается и в древних письменных памятниках азербайджанского языка. Заметим, что рассматриваемый аффикс в древних памятниках азербайджанского языка, в противоположность современным тюркским языкам функционировал лишь в двух вариантах: *-уб, -иб*: *Baş endirub salam verdilər* – *Они склонив голову, поздоровались* [191, с. 282].

Следует подчеркнуть, что в памятниках азербайджанского языка деепричастная форма на – *ын* не нашла широкого употребления. Причиной этому является использование аффикса – *ын* в древнеазербайджанском языке преимущественно в качестве аффикса повествовательного прошедшего времени.

В письменных памятниках, помимо деепричастного аффикса на *-ын*, зафиксирован также фонетический вариант на – *йын/ -ийн* и – *ыбан/ -ибән, -убан/ -үбән*.

Деепричастный аффикс – *ибен, -убен, -үбән* в азербайджанском языке был последовательно представлен до XIX века. Семантика описываемых деепричастий абсолютно идентична с семантикой деепричастий на – *ын*. Фонетический вариант на *ибен, -убен, -үбән* зарегистрирован также и в диалектах современного азербайджанского языка - в Казахском, Кубинском, Закатальском, и частично в Шемахинском диалектах: *Mən gidibən işi una başa saldım, bu mənə öz adəmi hicab eləyibəni şota salmadı* – *Уходя, я объяснил ему, что надо делать, но он, посчитав меня своим, не послушался*.

Примечательно, что деепричастная форма на - *ыбан*³ наблюдается также в древнетатарском, древнетуркменском и древнеосманском (турецком) языках. К примеру: в древнетатарском - *Аглаеп уннубән гэләримди (Гиссейи Юсуф)* – *Я плача шел* [191, с. 286]; в древнетуркменском -

**Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)**

Хергиз яман билен биле болманлар, ойнайып, гүлүбан биле иймәнлер – Не будьте никогда вместе с плохим, играя, смеясь, не ешьте с ним (Махтумкули, Сайланан эсерлер) [33, с. 372]; в староосманском: Bahadır olubən teydana gældim – Став богатырем, пришел на майдан (XV век, Эшрефоглу).

Следовательно, этот аффикс, главным образом, функционировал в тюркских языках как в древние, так и в средние века.

В языке «Книги моего Деда Коркуда» исследуемый аффикс сочетается также с элементом - и / - ы; убаны / - убәни. Данная форма зарегистрирована лишь в языке «Книги моего Деда Коркуда» и в шекинском диалекте азербайджанского языка.

Рассмотрим примеры: *Bu yanda dæxi bəzirganlar gəlibəni qara Dərbənd ağzına qonmuşlardı – Купцы уже прибыв в город, остановились у врат черного Дербента; Gizliü yaqa /tutubani /iyləşdilər/Tatlu damağ /verübəni /soruşdılar. Ağ-boz atlar binübəni yortuşdılar/ (Книга моего Деда Коркуда); Görüvəni - увидев, alavanı – купив (шекинский диалект азербайджанского языка) [191, с.286; 181, с.128-129; 199, с.314].*

Как видно из примеров, в шекинском диалекте азербайджанского языка деепричастный аффикс –*ubani/-ibəni* функционирует в фонетическом варианте –*iivəni, -avanı*.

В современном гагаузском языке деепричастная форма на – *й/ -ын* передает значение действия, предшествующего другому действию, выраженному личной формой глагола или инфинитивом, а также способ, образ выполнения этого действия.

К примеру: *Йатып йуварланэр – лежа катается (о капризном ребенке) [109, с. 241].*

Подобно современному турецкому языку, в гагаузском языке, деепричастие на – *й/ -ын* нередко сочетается с безударной энклитикой – *да/ -та – и, также*; например:

*Аалаин та аннадыйм,
Аннадын та сойлейем*

*Заплачу и расскажу,
Расскажу и скажу*

(гагаузская песня) [109, с. 242].

Необходимо подчеркнуть, что в современном гагаузском языке, в отличие от других тюркских языков, слова, относящиеся к деепричастию, могут следовать не только перед ним, но и после него.

Как можно заключить, эта специфичность деепричастия является следствием влияния на гагаузский язык синтаксиса славянских языков, например, сравним: *в гагаузском языке – топланы бир ера – собравшись в одном месте; в азербайджанском языке – bir yerə toplanib.*

В современном туркменском языке деепричастие на – *ын* является самой распространенной деепричастной формой. Эта форма большей частью функционирует в качестве обстоятельства образа, времени, действия, причины, цели.

Выражение действия, предшествующего основному действию, является одной из самых основных семантических свойств деепричастной формы на – *ын* в функции обстоятельства. В таком случае сначала осуществляется

действие выраженное деепричастием, а вслед за этим – действие основного глагола. В этой функции форма на - *ып* употребляется почти со всеми обстоятельственными значениями: 1) обстоятельством причины: *Агзуны жөвхери горуб йаны дукана галмишэм – В устах твоих я увидел бриллианты, так что я пришел в ювелирную мастерскую;* 2) обстоятельством образа действия: *Балтаны кётуруб бурханларын улугынын егни уза койды – Подняв топор, положил на плечо наибольшего из идолов.*

В туркменском языке форма на – *ып* употребляется с постпозитивными основными и функционально-служебными глаголами, передавая различные значения с корреспондирующими оттенками условия, времени, причины и цели [33, с. 371].

Это деепричастие в современном туркменском языке передает следующие значения: а) параллельное действие, которое происходит одновременно с главным действием: *Олар жаккгылдашып гүлүшдилер. Огулгөзели мүйнүргетдилер (Б. Кербабаяв, Айгытлы эдим) – Они, громко засмеявшись, смутили Огулгөзель;* б) выражает предшествующее, законченное действие. Помимо этого, оно указывает на побочный, поясняющий признак главного действия: *Хер ким эдип отуран гүррүнини ташлап, оюндан денип, төверегине дин салды (Б. Кербабаяв, Айгытлы эдим) – Каждый, прервав разговор и отрываясь от дум, прислушивался;* в) при глаголах, выступающих в качестве вспомогательного глагола, форма на - *ып*⁴ передает основную концепцию данного процесса действия.

Заметим, что употребляясь в этих функциях, значение деепричастия полностью связано с постпозиционным глаголом и вместе они передают единое лексическое поня-

тие: *Эллери титреп башлады (Б.Сейтеков, Гыз салгыды) – Руки его начали трястись; г)* деепричастия на *-ып* довольно часто функционируют в удвоенной форме.

Двойное употребление одинаковых деепричастий или антонимичных сочетаний деепричастных форм выражает непрерывную повторяемость действия, длительность, в течение которого происходит другое действие, вместе с тем оно имеет усилительный оттенок.

Рассмотрим примеры: *Узаклы гун чары аганын еркүмесине гелип-гидип дурдулар (Б.Сейтеков, Гыз салгыды) – Целый день приходили (и уходили) к землянке Чарыага [315, с. 72].*

Форма на *- ып, - ип, - уп, - юп, - п* (положительная форма) и *-ман/ - мән* (отрицательная форма) в современном туркменском языке является одной из употребительных деепричастных форм.

Деепричастная форма на *- ып* выражает, в основном, завершенное действие, предшествующее основному действию.

В туркменском языке отрицательная форма деепричастия на *- ып* наблюдается в фонетическом варианте *-ман /-мен*. Например: *алып - взяв – алман - не взяв [33, с. 372].*

Следует подчеркнуть, что в языке произведений туркменской литературы 18-19 вв. употребляется так же отрицательная форма деепричастия на *- май/ - мей*.

Интересно отметить, что отрицательный аспект деепричастия на *- май/ - мей* функционирует в некоторых современных тюркских языках кыпчакской группы, например, в современном каракалпакском языке. В данном языке форма на *- май/ - мей* употребляется в качестве основной отрицательной формы.

Например: *Гол дегмей чекилен, оксуз атылан, чиллесиз гурулан яя саташдым – Без рук натянутый, берет*

*прямой прицел, он, - да, столь чудесный лук я робкой взял
рукой (Махтумкули, Сайланан Эсерлер) [314, с.175].*

В старописьменном языке также встречалась сложная отрицательная форма - *майын /- мейин*. В настоящий момент отрицательный аспект деепричастий на – *май / - мей* и – *майын /- мейин* является устаревшим.

В современном туркменском языке нередко употребляется вариант – *маздан / - мезден*.

Описываемая форма с функциональной точки зрения совпадает с используемой отрицательной формой на – *ман/ - мен*: *алмаздан - не взяв, гитмезден - не уходя* и т.д.

В туркменском языке форма на – *ын* может сочетаться с аффиксом – *жык/- жик*. Деепричастная форма употребляясь с аффиксом – *жык/- жик*, передает уменьшительно-ласкательное значение: *алтыжык гит – возьми-ка да* *иди* и т.д.

Следует отметить, что деепричастие на – *ын* в туркменском языке употребляется также с аффиксом - *рак / - рэк*, который указывает на неполноту совершения действия. К примеру: *агсабрак йөрейәр – он ходит прихрамывая*.

Деепричастие на – *ын* принимает активное участие в образовании различных временных форм: *гелипмиш – он (говорят) пришел, гелипди - он пришел, пришел (сравнительно недавно)* и т.д.

А теперь рассмотрим деепричастную форму на *-ын* в современных тюркских языках кыпчакской группы и в их диалектах.

В большинстве современных тюркских языков деепричастие на *-ын* функционирует не только как деепричастие, но и как формы изъявительного наклонения личного глагола.

Интересен факт, что в современном кумыкском языке форма на - *ын* употребляется только как деепричастие. Лишь в диалектах современного кумыкского языка форма на - *ын* употребляется не только в качестве деепричастия, но и в качестве личного глагола. Например, в кайтакском диалекте кумыкского языка: *о алып - он (оказывается) брал* [38, с. 35].

Прежде, формы на - *ын* и на - *а,-е,-й*, по-мнению Н.К.Дмитриева и некоторых других тюркологов, выступали в качестве деепричастий, а позже служили основой личных форм изъявительного наклонения.

Свидетельством этому предположению служат данные памятников древнетюркской письменности.

В древнетюркских языках деепричастия на - *ын* не употреблялись в качестве временных форм изъявительного наклонения личного глагола, а функционировали в атрибутивно-обстоятельственной функции относительно другого глагола. Это является доказательством того факта, что деепричастия на - *ын* сначала использовались в качестве деепричастия, а затем легли в основу временных форм изъявительного наклонения личного глагола.

Темпоральная связь двух глаголов, обозначаемая формами на - *ын*, может проявляться по-разному.

Как правило, действие деепричастия на - *ын* предшествует действию другого глагола.

Например: к. - калп. *Орамалды кьолгъа алып енъкилдеп джылай берди - Он взял в руки платок и, всхлипывая, начал плакать* [16, с. 462], тат. *Зэнгэр тышлы хатны ачыл, ашыгып укый башлады - Вскрыв голубой конверт, она торопливо (торопясь) начала читать* [125, с. 254], казах. *Күн батып, ел орынга отырды - Солнце зашло, люди сели на*

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

места [124, с. 316], ног. *Батей шиберекти алып, куванышылы кетти – Батей, взяв тряпочку, радостная ушла; Алиме ога карамай, уйди йыйыстырады - Алиме, не обращая на него внимания, убирает в комнате* [30, с. 254], кумык. *Бёркюн чечип, икрам эте - Сняв шапку, кланяется* [38, с. 55], карач.-балк. *берип келди – пришел, отдав* [28, с. 222].

Действие, выражаемое деепричастием на - *ып*⁴, может происходить и одновременно с действием основного глагола. Например: казах. *Ел шакыртып, той кылып, таратты - Созвал народ, дал пир, проводил гостей* [124, с. 317], кумык. *Байланы этиклерин ялап яшамагъа гъаспретмисен? - Очень ли ты хочешь жить, облизывая сапоги богачей?* [38, с. 56].

В современных тюркских языках кыпчакской группы, подобно другим группам тюркских языков, деепричастные формы на - *ып*⁴ преимущественно обозначают законченное действие.

Следует подчеркнуть, что значение многократности нехарактерно для форм на -*ып*, передающих значение законченного действия. Для обозначения многократности действия употребляется удвоенная форма.

Редуцированная форма состоит из идентичной основы деепричастия на - *ып*.

К примеру: тат. *Кулмәкләр, канатланган кебек, очып-очып гардеробтан чыга баилады - Платья поочередно начали вылетать из гардероба, как на крыльях* [125, с. 256]; кумык. *Къапуланы къыйып-къыйып салсана - Изрубика ворота* [38, с. 56] и т.д.

Удвоенные формы деепричастий на -*ып*⁴, как указывает А.Н.Батырмурзаев, выражают продолжительность, длительность действия [312, с. 115]. С точки зрения

Ю.Д.Джанмавова, они обычно выражают многократность или интенсивность действия [38, с. 57].

Необходимо подчеркнуть, что в современных тюркских языках кыпчакской группы для обозначения чрезмерной многократности, интенсивности действия деепричастие на *-ып* в отдельных случаях может повторяться не два, а несколько раз.

Приведем примеры: кумык. *Алдым булан барагъан Арслан сокъмакъны уьстюнде турагъан йылангъа уруп-уруп-уруп йиберди* - Арслан, который шел впереди меня, непрерывно бил змею, которая лежала на тропинке [38, с. 57].

Что касается семантики деепричастия на *-ып*, то заметим, что самым распространенным значением этой формы является значение образа действия.

Приведем примеры: башк. *Ул рэхэтләнеп кәлдө* - Он с удовольствием посмеялся [31, с. 302]; тат. *Хуш ис бөркен, чәчәк атты чөлләр* - Распространяя аромат, расцвели цветы [125, с. 255].

Форма на *-ып* в тюркских языках передает также значение причины действия. Например: караим. *Туйуп буну йолдаслары гаханнын тынисыз болдулар* - Услышав это, спутники мудреца забеспокоились [90, с. 298].

Помимо этого, деепричастие на *-ып* в отдельных случаях сочетается с аффиксами, выражающими характер протекания действия.

В современном кумыкском языке аффикс *-окъ*, прибавляемый к деепричастию на *-ып*⁴, выражает завершенное действие. Наряду с этим, согласный *-п* деепричастного аффикса переходит в звонкий согласный *-б*. Заметим, что после деепричастной формы на *-ып* с

аффиксом *-окъ* нередко следует и усилительная частица *-да/-де*.

Приведем примеры: *Хайрулла ягына ювукъ баргъанда, ат токътабокъ да къалды - Когда Хайрулла поближе подошел к лошади, она совсем остановилась* [38, с. 73].

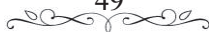
Деепричастная форма на *-ып* в кумыкском языке сочетается также с аффиксом *- сув*, передающий значение неполноты действия: *Айшат, уйге гигендокъ, тёрде къызарыпсув олтургъан янтыкъны гёрдю ва сесгенди - Айшат, как только вошла в комнату, увидела Янтыка, который, слегка покраснев, сидел в той части комнаты, где сидят старшие, и вздрогнула* [38, с. 73].

Для выражения неполноты действия в современном ногайском, татарском и каракалпакском языках к деепричастию на *-ып* присоединяется аффикс *- ракъ, - рек*, который в кумыкском и азербайджанском языках прибавляется к прилагательным для ослабления признака, качества.

Рассмотрим примеры: тат. *көлемсерэбрэк* – *чуть-чуть улыбаясь*, ног. *коьтерипрек* – *приподняв*, к.- калп. *көтери-бирек* - *приподняв*, азерб. (к прилагательному) *уахşıрақ* – *хорошенький* [38, с. 75] и т.д.

Необходимо отметить, что из кыпчакских языков лишь в караимском языке при подлежащем во множественном числе формы на *- ып* согласуются с ним в числе, принимая аффикс множественного числа *-лар/ -лер*.

Например: *Мени эшитипляр тэзяр эдляр – Услышав меня, (они) всегда ждали (меня); Кёрюпляр мени йаш уланлар йашыныр эдляр - Увидев меня, дети обычно прятались* [90, с. 299].



В некоторых случаях в современном кумыкском языке деепричастие на - *ын* может сочетаться и с вопросительными частицами - *мы*, -*ми*, -*му*, -*мю*.

Так, например: *Абурун сакъылапмы, ол гиччи яшны йимик гъаран-гъаран жымкъынып тура – оттого ли, что (старается) вести себя прилично, он ест медленно, как ребенок* [38, с. 74].

А теперь проанализируем данную деепричастную форму в современном киргизском языке.

Деепричастие на – *ын* в современном киргизском языке также является наиболее употребительной формой и обозначает: 1) дополнительное действие, которое происходит одновременно с действием основного глагола: *Катты шашып ача баштады – Торопясь, начал распечатывать письмо*; 2) дополнительное действие, которое предшествует действию основного глагола: *Түшүп үйгө кирдик – Сойдя (с лошадей), мы вошли в дом*; 3) обстоятельство цели, меры, времени, причины, объема, которые определяют способы совершения основного действия: *Ал коркуп келбей калды – Он, испугавшись, не пришел* (причина) [29, с. 297].

Удвоенная форма деепричастия на – *ын* в современном киргизском языке передает оттенок усиления и длительности действия: *Көзүн ирмен-ирмен алып туруп, теректи тигиле карады – Поморгав глазами, он уставился на тополь* [29, с. 297].

Подобно другим тюркским языкам, в киргизском языке удвоенная деепричастная форма на –*ын*, образуется не только от идентичной глагольной основы, но и от синонимичных и антонимичных основ.

Рассмотрим для наглядности несколько примеров: *жадырап-жайнап* – *блаженствуя-красуясь, жалынып - жалбарып* – *умоляя-моля* и т.д. [там же, с.297].

Обращает на себя внимание тот факт, что в киргизском языке исследуемая деепричастная форма сочетается с аффиксом сравнительной степени –*ыраак*.

Аналогичный факт зарегистрирован также в узбекском языке. Сравним: *Күлүбүрөөк сүйлөдү* – *Он, слегка улыбаясь, говорил* (кирг.яз.) [29, с.298]; *oyläbraq savab bermaq üçün* – *Немного подумав, ответить* (узб.яз.) [221, с. 171].

Следует подчеркнуть, что в узбекском языке деепричастие на –*ып* сочетается с аффиксом стяжения и уменьшения – *ginä*.

Рассмотрим пример: *Miryaqub faqat külib-ginä qoydi, başqa heç narsa demädi* – *Однако Мирьякуп всего лишь засмеявшись, ничего не сказал* [221, с.73].

Отметим, что в киргизском языке форма на –*ып* может выступать в качестве сказуемого одного из предложений сложного предложения.

Приведем пример: *Күн батып жер бетин карангылык каптай баштаган* – *Солнце село, и темнота стала покрывать землю* [29, с. 299].

В языке желтых уйгуров деепричастная форма на –*ып* передает лишь одно значение: предшествование действию основного глагола.

Например: *карап келты* – *посмотрев, пришел* и т.д. [135, с. 34].

Деепричастие на –а/-е (-а/-е)

Деепричастные формы на - *а*, - *е*, - *й* наблюдаются почти во всех современных тюркских языках и относятся

к первичным формам деепричастий. В тюркологической литературе деепричастие на - a^3 именуется «слитным», «попутным», деепричастием настоящего времени, «несовершенным», «третьим» [127, с. 474].

Тюркология располагает различными воззрениями относительно происхождения деепричастного аффикса на - a^3 .

Аффикс данного деепричастия, как отмечает Ж.Дени, восходит к аффиксу желательного наклонения *-гай*, *-гей* [226, с. 882].

Данную точку зрения разделяет также Н.А.Баскаков: «Исторически это деепричастие, как по своей семантике, так и по форме, по-видимому, соотнесено с причастием желательной формы будущего времени на *-гъай* /- *гей*, *-къай* /- *кей* и с формой причастия будущего времени на *-ар* /- *ер*» [16, с. 464-465].

Деепричастный аффикс - *а*, - *е*, - *й*, как полагает А.Н.Кононов, восходит к аффиксу будущего времени *-ар* /- *ер*, который в свою очередь восходит к архаичному аффиксу направительного падежа *-гъар* /- *гер* /- *гъару*, *-герю* [56, с. 478].

Деепричастие на - a^3 , будучи одной из древних форм, зарегистрировано также и в языке орхоно-енисейских памятников: *Уч огуз суси баса калти - Войско трех огузов пришло, чтобы нас поразить* [65, с. 20].

Заметим, что в языке памятников древнетюркской письменности наблюдались также формы на - *у*, - *ү*, - *йу*, - *йү*, - *ы*, - *и*.

В языке орхоно-енисейских памятников это деепричастие распространено широко. В языке памятников древнетюркской письменности деепричастие на *-а*, *-е*, *-й* передает два действия: а) действие, выраженное деепри-

частием на $-a^3$, предшествует действию основного глагола. Иными словами, в данном случае форма на $-a^3$ может заменять деепричастие на $-ыл^4$, действие которого обычно предшествует действию основного глагола.

Например: *Ак Термал кечә ограклатдым - Перейдя реку Ак Термель я разбил лагерь; Алтун йысыг аса калтимиз - Мы пришли, перевалив лес Алтун* [195, с. 119-120]; б) действие, выраженное деепричастием на $-a^3$, осуществляется одновременно с действием основного глагола. Например: *Тога, Ертис үкүзик кечә йорыдымыз - Мы шли, поднимаясь наверх и переходя реку Иртыш* [там же, с. 74]; *Сәләнакә сыка санчдым, йазы кылтым – Добравшись до реки Селенга, я разгромил врага и победил* [там же, с. 146].

Как видим, в языке памятников древнетюркской письменности деепричастие на $-a^3$ употребляется лишь в одиначном виде.

В отличие от современных тюркских языков, в языке орхоно-енисейских памятников деепричастие на $-a^3$ не выступает в отрицательном аспекте.

Рассмотрим примеры: кумык. *Гирмей япыб кьойду - Он закрыл не заходя; Ашамай-ичмей чыккытагъыз - Не выходите не поев (букв. не поев, не выпив)* [19, с. 106].

Исследуемые деепричастные аффиксы тесно примыкают по своей семантике и функциям к деепричастиям на $-a$, $-e$, $-й$ и, как полагает А.М.Щербак, «представляют собой архаический вариант деепричастия на $-a \sim -a^3$ » [158, с. 171]. Например: *казгану – приобретаю, башлауу - предводительствуя, йарайу - организуя* [19, с. 90].

Деепричастия на $-a^3$, как отмечалось выше, наблюдаются почти во всех современных тюркских языках. Однако, с семантической и функциональной точек зрения, а так-

же форм ее употребления, деепричастие на - a^3 в каждом языке имеет свои сходные и отличительные особенности.

Деепричастные формы на - a^3 в тюркских языках выступают: а) в одинарном виде; б) в удвоенном (редуплицированном) виде; в) в составе аналитических форм.

Следует подчеркнуть, что в тюркских языках огузской группы эти деепричастия в одинарной форме почти не функционируют. В данных языках наблюдаются только удвоенные формы. В современных тюркских языках огузской группы эти деепричастия не распространены широко. Возможно, причиной этому является тот факт, что в данных языках более активным было деепричастие на - *арак* / - *ерек*, которое семантически схоже с формой на - *а*, - *е*. Например: *Muazzez yaşlı gözlerini Yusufu dikerek haykırdı* - *Муаззез, пристально смотря на Юсуфа («своими») влажными от слез глазами, вскрикнула* [56, с. 477]; *Cavanşir sevinclə bağıraraq Urmuza töhkət bir zərbə vurdu* - *Джаванишир, крича от радости, сильно ударил Урмуза* и т.д. [182, с. 223].

Отметим, что в некоторых современных тюркских языках деепричастие на - a^3 редко используется как в одинарной, так и в удвоенной формах.

В современном языке (башкирском А.М.), как отмечает Н.К.Дмитриев, употребление этого деепричастия ограничено главным образом фольклорным жанром и отдельными фразеологическими оборотами [41, с.186].

В редуплицированной и в одинарной формах деепричастия на - *а*, - *е*, - *й* используются в казахском, кумыкском, карачаево-балкарском, каракалпакском и ногайском языках форм.

Интересно, что в карачаево-балкарском языке употребляются сочетания, первым компонентом которых

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

являются деепричастия на - a^3 , а вторым – деепричастие на - $ыб^4$, образованные от идентичной основы.

Например: *бара-барыб* - *Идя да идя* [38, с. 91] и т.д.

Деепричастия на - a^3 в современном азербайджанском языке передают следующие значения:

1) эти деепричастия выражают способ осуществления действия глагола-сказуемого [3, с.30].

Рассмотрим пример: *Edik isə qayalardan tuta-tuta, itəkləyə-itəkləyə yeri yirdi* [182, с. 228] - *Эдик шел, хватаясь за скалы и ползая.*

2) формы на - a^3 передают состояние осуществления действия, обозначенного глаголом-сказуемым: *O yenə gülə-gülə Nərgizi təriflədi* [182, с. 228] - *Он, опять смеясь, похвалил Наргиз.*

Следует подчеркнуть, что в современном азербайджанском языке формы на - a , - e , образованные от различных глагольных основ выступают в предложении преимущественно в качестве наречия: *Qız kökəni tıxa-basa uçuğək, məktəbə yollandı* - *Девочка, быстро поедая лепешку, направилась в сторону школы.*

В современном турецком языке деепричастные формы на - a^3 , передавая значение развернутого обстоятельства образа действия, употребляются лишь в удвоенном виде.

Необходимо подчеркнуть, что повторяются деепричастия, образованные как от идентичных, так и от разных глагольных основ.

Рассмотрим примеры: *...etrafinə bakına bakına yürüməyə başladı* - *...он зашагал, то и дело, оглядываясь по сторонам;* *beş on sıska öküzü bağıra-çağıra bir araya toplamak istiyorlardı* - *...подняв вопли и крики, они старались собрать в одно место пятьдесят хилых быков* [56, с. 478-479].

Неудвоенное употребление рассматриваемого деепричастия в современном турецком языке встречается в застывших (устойчивых) образованиях: *Film on bire beş (dakika) kala biter* - Фильм кончается без пяти минут одиннадцать; *Doğum gününe iki gün kala gel!* - Приходи за два дня до дня рождения! и т.д.

Представляет интерес, тот факт, что в западной группе анатолийских диалектов турецкого языка (*Гиресун, Сивас, Малатья, Адыяман* и т.д.) в удвоенном употреблении деепричастной формы на - a^3 используются гласные i^4 .

Рассмотрим примеры: *оунауи оунауи* – танцует, *karışturi karışturi* – помешивая и т.д. [257, с.136].

В современном гагаузском языке деепричастие на - $(\ddot{u})a/$ - $(\ddot{u})e$ выражает длительное действие и употребляется в основном в удвоенном виде. Например: *Бакына-бакына гиттик* - Мы шли, оглядываясь по сторонам [109, с. 242].

Заметим, что в одиночной форме это деепричастие употребляется лишь как компонент формы невозможности: *алабилмйй* - мочь взять и т.д. [109, с. 243].

Деепричастные формы на - a^3 в современном туркменском языке передают длительное, продолжительное действие, происходящее одновременно с главным действием.

Рассмотрим примеры: *ала-ала гелтим* - беря я иду, *сорай-сорай гитдим* - спрашивая-спрашивая я ушел [33, с. 379] и т.д.

В современном туркменском языке деепричастие на - $a/$ - e , - \ddot{y} , функционируя с основными глаголами, в удвоенном виде, проявляется в следующих случаях:

1) повторение идентичной основы: ...*Көмек бериле-бериле гелйәр ахыры* - Уже помогали и помогали все время.

2) парного сочетания слов различной основы синонимичных по значению: *Сен гөре-биле бу ишlere нәхили ел бердин?* - Как ты, видя-зная, позволил такие дела?

3) сочетание антонимичных основ в парном виде: *Олар отура-тура өз бармалы ерине бардылар* - Они, не торопясь, спокойно доехали до места своего назначения.

4) повторного сочетания положительной и отрицательной форм сходных основ: *Ол анырдан геле-гелмән, чуканак гөзлерини юмжукладып самрап башлады* - Пока он не пришел оттуда (идя - не дойдя), моргая заплавшими глазами, начал бормотать [33, с. 376].

В современном туркменском языке исследуемое деепричастие с глаголами *билмек* - знать, *бермек* - давать, *гөрмек* - видеть образует одно семантически сходное понятие и функционирует в качестве неотъемлемой части данного сложного слова - глагола в одинарном виде.

Например: *алавери – возьмите - ка, гидиберерис - мы (тогда) пойдём* и т.д. [33, с. 377].

Проанализировав особенности деепричастий на - *a*, - *e*, - *й* в тюркских языках огузской группы, можно прийти к следующим выводам.

1) Деепричастие на - *a*³ в языке орхоно-енисейских памятников зафиксировано лишь в одинарном виде;

2) деепричастная форма на - *a*³ в памятниках древнетюркской письменности не имеет отрицательной формы;

3) деепричастие на - *a*, - *e*, - *й* в современных тюркских языках огузской группы используется, как правило, только в удвоенной (редуплицированной) форме;

4) данные деепричастия передают значение многократности и длительности действия;

5) при повторном использовании деепричастий на - *a*, - *e*, - *й*, образованных от различных основ в современных тюркс-

ких языках огузской группы, деепричастные формы функционируют либо с синонимичными, либо с антонимичными глагольными основами. Рассмотрим примеры: гаг. *бакына-бакына – оглядываясь по сторонам*, *дүйшй- калка – падая-вставая*, туркм. - *сага-сага - доя*, *гөре-биле - видя-зная*, *отура-тура - сидя-стоя*, тур. *korka korka - боясь*, *bağıra çağıra - подняв вопли и крики*, азерб. *danişa-danişa – говоря*;

6) обращает на себя внимание тот факт, что в современном азербайджанском языке рассматриваемое деепричастие, образованное от разных глагольных основ, выступают в предложении преимущественно в качестве наречия: *Qız kökəni tıxa-basa ueyərək məktəbə yollandı – Девочка, быстро поедая лепешку, направилась в школу*;

7) в современном турецком языке неудвоенная форма деепричастия на - a^3 функционирует в застывших образованиях: *Film on bire beş kala biter - Фильм кончается без пяти минут одиннадцать*;

8) неудвоенная форма исследуемого деепричастия в современном гагаузском языке наблюдается лишь в качестве компонента формы невозможности - *ала – билмйй – мочь взять*;

9) в современном туркменском языке деепричастная форма на - a^3 в одинарном виде употребляется с глаголами *билмек - знать*, *бермек - давать*, *гөрмек - видеть*, *ала-вери – возьмите-ка* и т.д.;

10) в современных тюркских языках огузской группы деепричастие на - a^3 обычно выражает способ, состояние осуществления действия, обозначенного глаголом-сказуемым.

В современных тюркских языках кыпчакской группы деепричастие на - a^3 используется в следующих формах: 1) в одинарном; 2) в удвоенном (редуплицированном) и 3) в составе аналитических форм.

В аналитической форме данное деепричастие выражает основное действие, а в одинарном и редуцированном формах выражает действие, сопутствующее другому действию.

В отличие от тюркских языков огузской группы, в современных тюркских языках кыпчакской группы, деепричастие на -а, -е, -й используется не только в удвоенной, но и в одинарной формах.

Необходимо указать, что в современном кумыкском языке одинарная форма употребляется довольно часто. Удвоенные положительные или отрицательные формы деепричастия на -а³ в кумыкском языке передают значение многократности, а в отдельных случаях и длительности действия.

Например: *Къарай-къарай гетди* - Он ушел, оглядываясь [38, с. 91].

Подчеркнем, что длительность действия в основном выражается редуцированной отрицательной формой: *Этмей-этмей этегенде къыйын тие* - Когда берешься за что-нибудь, с чем долго не имел дела, бывает трудно [там же, с.91].

Удвоенные формы деепричастий на -а³ в отдельных случаях формируются из различных синонимичных и антонимичных основ.

Например: *Шулай ойгъа батыла-чомула гетди* - Ушел, погруженный (утопя-ныряя) в такие мысли; *Олтура-тура гетдилер* - Они пошли, то присаживаясь, то вставая [там же, с. 92].

В современном кумыкском языке зафиксированы случаи сочетания в деепричастиях на -а³ как положительной, так и отрицательной форм.

Рассмотрим примеры: *Чыгъа-чыкъмай - едва вышел* (букв. *выходя - не выходя*) и т.д.

Поскольку деепричастные формы на - a^3 выражают действие одновременное, параллельное действию основного глагола, в тюркологии рассматриваемые деепричастные формы называются «деепричастиями настоящего времени».

Деепричастия на -*a*, -*e*, -*й* в современном кумыкском языке передает значение образа действия, например: *Ону авазы бизин устьюбюзден созула гете - звук его идет, растягиваясь над нами* [38, с.99].

Помимо этого, формы на - a^3 в кумыкском языке выражают также путь, метод, способ, цель и причину действия: *Айта-айта рази етдик – неоднократно говоря, мы уговорили* и т.д. [там же, с. 100].

Относительно употребления деепричастной формы на -*a*, -*e*, -*й* в башкирском языке Н.К.Дмитриев пишет: «В современном языке употребление этого деепричастия ограничено главным образом фольклорным жанром и отдельными фразеологическими оборотами» [41, с. 186].

Деепричастие на - a^3 в современном башкирском языке функционирует в следующих формах: 1) в одинарном виде; 2) в сочетании с аффиксом -*рак/ -рек*; 3) в редуцированном виде.

Одинарная форма деепричастия на - a^3 в башкирском языке образуется лишь от отдельных глаголов - *озат-проводить*, *кун - ночевать* и выражает второстепенное действие, т.е. цель другого действия.

Например: *Мөнирә Нәзифте машинага тиклем озата барзы - Мунира ходила проводить Назифа до машины* [161, с. 69].

Использование формы на $-a^3$ с глаголом- *кун-ночевать* в некоторых случаях передает фразеологический оттенок: *Куна бар - Ехать в ночное*.

Удвоенная форма деепричастия на $-a^3$ в современном башкирском языке употребляется довольно редко.

Заметим, что исследуемая форма не употребляется с глаголами, которые выражают законченное действие.

К таковым относятся следующие глаголы: *бөт – кончиться, ет - хватить, достигнуть, буллып бөт – вымататься, ашап ал - закусить, поесть, укып сык – прочитать* и т.д. [161, с.70].

Следует подчеркнуть, что почти все сложные глаголы в башкирском языке не сочетаются с редуцированной формой деепричастия на $-a^3$.

Удвоенная форма исследуемого деепричастия в башкирском языке передает значение одновременности действия. Приведем примеры: *Ул, шулай һөйләнә-һөйләнә, хушбуйзы янынан кагызга төрзө – Разговаривая таким образом, он снова завернул духи в бумагу* [161, с.71].

Деепричастие на $-a^3$ в современном татарском языке употребляется преимущественно в удвоенном виде и обозначает действие, совершающееся одновременно с другим, а также образ или способ совершения основного действия: *Жырлый-жырлый үләрмен мин үлгәндә дә - И умирать я буду с песней (распевая песни)* [125, с. 257].

В современном татарском языке, как и в других тюркских языках, деепричастие на $-a, -e, -й$ сочетается с разными основами. Например: *чорный-сүтә - наматывая, разматывая, бөгеләсы-гыла - согнувшись* и т.д.

В современном татарском языке зарегистрированы случаи утраты данным деепричастием глагольных

свойств и перехода его в наречие: *тора-бара – постепенно, бара-бара – понемногу, кайта-кайта - повторно* и т.д.

Как видно из примеров, и в данном случае сочетаются как идентичные, так и различные основы.

Деепричастная на - *а³* в современном казахском языке, подобно другим тюркским языкам, выражает действие, происходящее одновременно с действием основного глагола.

Как правило, данная деепричастная форма указывает на способ или условия совершения действия: *Ол бізге күлімсірей карады - он посмотрел на нас, улыбаясь* и т.д. [126, с. 320].

В современном каракалпакском языке деепричастная форма на - *а³* употребляется в следующих случаях:

1) при параллельном исполнении двух действий одновременно: *Ылақь манғырай сув кешер - Козленок, мыча, переходит речку;*

2) при противопоставлении двух действий: *Мен байғыа тиймей бала тувдым - деди - Я не выходя замуж, родила сына - сказала она;*

3) при параллельно совершающемся действию. В таком случае оно передает качество, условие, причину совершения другого действия: *Ақь кюшюгюм жувура-жувура буваз болды - белый мой щенок побеждает-побеждает и становится беременным* [16, с. 466-467].

Таким образом, из этого следует, что в каракалпакском языке деепричастие на - *а³* употребляется как в одинарной, так и в редуцированной формах.

Одинарное и редуцированное функционирование деепричастной формы на - *а, -е, -й* зарегистрировано и в современном ногайском языке.

Приведем примеры: *Айта-айта авызымызды тамам шарыклык этик - часто говоря, рай наш превратился в*

кожу для чувяков; *Ат каравшы артына коьше эм калтырай берип: « йок, болмас», - деди. – Табуничик, пятаьсь и дрожжа, сказал: «Нет, не получится»* [30, с.253].

Исследуемая деепричастная форма в современном ногайском языке употребляется с вспомогательными глаголами в составе сложного глагола, а также в деепричастном обороте.

Например: *Каскасын колы ман ыслай берип, траншея иши мен йобнеди - Придерживая каску рукой, (он) пошел по траншее вперед* [30, с. 253-254].

Деепричастие на - a^3 в современном караимском языке выражает лишь действие, которое совершается одновременно с действием основного глагола и может употребляться в составе деепричастной конструкции.

Рассмотрим примеры: *Сарай ортасында бас кетире мрамар турад – По середине дворца гордо (буквально – поднимая голову) стоит мрамор* [91, с. 299].

В караимском языке деепричастие на - a^3 в самостоятельном употреблении, выражает образ действия.

В таких случаях данное деепричастие не образует деепричастной конструкции. Рассмотрим примеры: *Сёзляй, кюля терк чыхтылар карайкалар бир азбардан – Разговаривая, смеясь, выбежали (букв. быстро вышли) караимки с одного двора* [91, с. 300].

В караимском языке отрицательный аспект деепричастия на - a , - e , - $й$ образуется посредством сложного аффикса - *май/ - мей*.

Следует отметить, что исторически форма - *май/ - мей* являлась отрицательной формой только деепричастия на - a^3 . Однако в результате исторического развития языка семантика и функции отрицательной аффикса на - *май/ - мей* расширились и она стала функционировать во многих

тюркских языках в качестве отрицательной формы как деепричастий на - *a*, - *e*, - *й*, так и - *ын*⁴.

Отрицательный аффикс на - *май*/ - *мей* в тюркских языках кыпчакской группы имеет некоторые дифференциальные фонетические особенности.

Отрицательный аспект деепричастия на - *a*³ в караимском языке образуется посредством аффикса - *майын*: *айтмайын* - не говоря, не сказав [91, с. 302].

В современном ногайском языке отрицательная форма деепричастной формы на - *a*³ имеет форму - *май*/ - *мей*. Например: *карай* - *карамай* - не смотря [30, с. 254].

В кумыкском языке в отрицательной форме - *май*/ - *мей* рассматриваемого деепричастия могут выступать сочетания, состоящие как из сходных, так и из разных основ.

Приведем примеры: *юрюмей-юрюмей* - не идя, *ашамай* - *ичмей* - не поев, не выпив и т.д. [38, с. 106].

В современном каракалпакском языке отрицательный аспект формы на - *a*³ имеет следующие фонетические варианты: *май*/ - *мей*; - *бай*/ - *бей*; - *пай*/ - *пей*.

Например: *ойамбай* - не просыпаясь [16, с. 466].

«Форма на - *a* (*ə*), -*й*, как отмечает А.А.Юлдашев, ни в одиночном употреблении, ни в удвоенном виде в современных башкирском и татарском языках немислима в отрицательном аспекте». Далее отмечает: «Отрицательный ее вариант на - *май*/ -*мэй* ныне бытует здесь на правах отрицательной формы от деепричастия на - *и*» [161, с. 73].

Нам представляется необоснованным высказывание А.А.Юлдашева относительно современного татарского языка, поскольку в большинстве грамматических учебников современного татарского языка отмечается употребление отрицательной формы деепричастия на - *a*³ (- *мый*, - *ми*, - *мыйча*, - *мичə*).

В татарском языке отрицательная форма деепричастия на $-a^3$ по сравнению с другими тюркскими языками кыпчакской группы выступает в ином фонетическом варианте: *- мый/ - ми; - мыйча/ - мича*.

Приведем примеры: *Түкми - чәчми барысын да сөйләп бирербез - Мы расскажем все, ничего не пропустив* [125, с. 260].

Таким образом, в результате сравнительного анализа деепричастной формы на $-a$, $-e$, $-й$ в современных тюркских языках кыпчакской группы можем отметить следующее:

1) в современных тюркских языках кыпчакской группы деепричастие на $-a^3$ выражает действие, происходящее одновременно с действием основного глагола;

2) в современном башкирском языке использование деепричастия на $-a^3$ в одинарном и редуцированном формах, а также в составе аналитических форм ограничено. Исследуемая деепричастная форма в одинарном виде сочетается в современном башкирском языке лишь с отдельными глаголами: *озат – провожать, кун – ночевать*;

3) в современном башкирском языке редуцированная форма деепричастия на $-a^3$ довольно редко сочетается с глаголами, которые выражают законченное действие.

4) деепричастная форма на $-a^3$ в татарском языке преимущественно выступает в удвоенном виде;

5) в современном караимском языке деепричастная форма на $-a^3$ передает значение действия, которое совершается одновременно с действием основного глагола;

6) отрицательный аффикс *-май/ -мей* деепричастия на $-a$, $-e$, $-й$, кроме современного башкирского языка, зарегистрирован почти во всех языках кыпчакской группы;

7) отрицательный аффикс - *май*, - *мей* в современном башкирском языке является отрицательной формой лишь деепричастия на - *ын*⁴.

Деепричастие на – мадан² (-madan²)

Деепричастный аффикс на *-madan/ -meden* наблюдается в современном азербайджанском, турецком, гагаузском и крымско-татарском языках. Данный аффикс функционировал также и в древнетюркском языке и выступал в фонетическом варианте: *-matı/ -matın*.

Относительно этимологии деепричастного аффикса на *-madan/ -meden* в тюркологической литературе существуют различные и противоречивые воззрения.

Гипотезы касательно происхождения этого аффикса были рассмотрены в трудах многих тюркологов, в числе которых можно указать В.Томсена, Г.Рамстедта, В.В.Радлова, В.Банга, К.Брокельмана, П.М.Мелиоранского, А.М.Щербака, А.Н.Самойловича, Ж.Дени, М.Эргина, З.Коркмаз, С.Е.Малова, В.Г.Кондратьева, и др.

В связи с теорией В.Томсена, И.Н.Шерванидзе отмечает: «Такая позиция не лишена оснований, но в то же время не представляется и доказанной, поскольку, как уже отмечалось, в суффиксе *-ran* конечный сегмент *-an*, вероятнее всего, является реликтом орудного падежа, в форме которого и застывает деепричастный показатель именного происхождения, между тем как природа элемента *-n* в составе *-matın* скорее связана с конечным согласным исходного падежа» [152, с.92].

Воззрения В.Томсена и И.Н.Шерванидзе представляются нам недостаточно убедительными.

Рассмотрим еще несколько гипотез некоторых лингвистов относительно происхождения весьма противоречивого, на наш взгляд, деепричастного аффикса *-madan/-meden*.

Деепричастие на *-matın/-metin*, по мнению В.Радлова, А.Н.Самойловича и В.Банга, образован посредством отрицательного аффикса *-ma*+аффикса отглагольного имени существительного *-t*+аффикса косвенного падежа *-ın*.

Эта гипотеза была раскритикована П.Мелиоранским и В.Дудой. Они обосновывали это тем, что аффикс отглагольного имени *-t* не способен присоединяться к аффиксу отрицания *-ma*.

Исследуемый деепричастный аффикс, как полагает З.Коркмаз, образовался путем присоединения к отрицательному аффиксу *-ma*+ деепричастного аффикса на гласный *-i/-i* (который зафиксирован в древнетюркском языке – А.М.). Согласные же *-t*, *-d* деепричастного аффикса – *-madan/-meden/-matın/-metin* З.Коркмаз рассматривает как соединительные согласные [264, с. 269].

Отметим, что М.Онер находит предположение З.Коркмаз противоречивым, поскольку, как он полагает, звуковое изменение *d>y*, которое в основном происходит в корневом слого, в аффиксах современных тюркских языков не зарегистрировано.

Этот отрицательный деепричастный аффикс, как отмечает М.Онер, оформился посредством синтаксиса сложного предложения [271, с. 5].

Для наглядности он приводит следующие примеры:
*tün udımatı küntüz olurmatı kızıl kanım töküti kara terim
yügürti ışig küçüg bertimök* – Не спав по ночам, не имея

покою днем, я отдавал труды и силы (народу), проливая свою красную кровь и сгоняя семь потоков [там же, с. 5].

Как видно из примеров, деепричастие на *-matı/-meti* опирается на структуру сложноподчиненного предложения.

По-мнению М.Онера, аффикс *-matı/-meti* образовался при помощи отрицательного аффикса *-ma+* аффикс категорического прошедшего времени на *-tı*. Такое оформление аффикса на *-matı/-meti* непосредственно связано с проблемой формирования предложений с глаголами прошедшего-категорического времени в 3-ем лице ед. числа в роли имени существительного: тур. *şipsevdi, imambayıldı*, узб. *bardi keldi gepler* – все слова и т.д. [271, с. 5].

Небезынтересно отметить, что форма прошедшего времени на *-tı/-dı* и форма отрицательного деепричастия на *-matın/-metin* связывается С.Е.Маловым с формой причастия - деепричастия на *-tı*, которая наблюдается в памятниках рунического письма [68, с.72].

Обращает на себя внимание тот факт, что в современных тюркских языках это не единичный случай, когда с помощью временных аффиксов глагола образовались деепричастные формы: азерб. *Musa stansiyaya çatar-çatmaz ikinci zəng səsini eşitdi* - Как только Муса доехал до станции, он услышал второй звонок [182, с. 227]; тур. *Adile hanım onu görür görmez çok sevinmişti* – Адиле ханум увидев его, очень обрадовалась [271, с. 6]; карач.-балк. – Танг *атар-атамаз мала отларгъа кетдиле* – Едва рассвело, скот вышел на пастбище и т.д. [4, с. 68].

Как явствует из примеров, деепричастия образованы только от глаголов в третьем лице.

В этой связи уместно высказывание М.Онера: «Деепричастиями могут быть только глаголы в 3-ем лице ед.ч. Отрицательное деепричастие на *-matı/-meti* также образовалось посредством глагола в 3-ем лице ед.ч.» [271, с. 6-7].

По-мнению А.М. Щербака, аффикс *-madın* состоит из суффикса *-mađ > maj* и показателя орудного падежа *-ın* [157, с.161].

Аналогичную точку зрения также разделяют В.В.Радлов, К.Брокельманн, В.Томсен, В.Банг, К.Менгес и др.

Вместе с тем, Т.Текин считает, что данная теория неубедительна, поскольку аффикс *-t* не образует существительное с отрицательной основой. Далее он подчеркивает, что деепричастный аффикс *-matı(n)* в орхоно-енисейских надписях функционирует без аффикса *-n* [283, с.204].

Вторая теория Т.Текина, на наш взгляд, не выдерживает критики, так как в орхоно-енисейских надписях наблюдаются как форма *-matı/-meti*, так и форма *-matın/-metin*.

Рассмотрим конкретные примеры: *Sabın almatın yır sayı bardıq* – *Его словам не внимая, ты бродил по всяким землям* [127, с. 481]; *tün udımatı küntüz olurmattı qızıl qanım tökti qara terim yüğürti işig küçig betimök* – *He спав по ночам, не имея покоя днем, я отдавал труды и силы (народу), проливая свою красную кровь и сгоняя семь потов и т.д.* [152, с. 94].

Показатель *-n* в составе деепричастного аффикса на *-matın/-metin*, по-мнению М.Онера, является показателем инструментального падежа. Как он считает, доказательством этому служит наличие показателя *-n* в составе других деепричастных аффиксов в современных тюркских языках: тур. *-maksızın / -meksizin, -magın / -megin, -mazın / -mezin, -ışın*

/ *-işin* [271, с. 7]; гаг. *-dikçan / -dikçen: Anem aaladıkçan ben işideyim, gençler oynadıkçan ben siyredeyim* [109, с.245-246].

Следует отметить, что из современных тюркских языков огузской группы, в которых функционирует деепричастный аффикс на *-dikçan / -dikçen*, лишь в гагаузском языке встречается с конечным показателем орудного падежа – *n*. В других тюркских языках огузской группы этот деепричастный аффикс используется без элемента – *n*, т.е. в форме *-dıqca / -dikce, -duqca / -dükce*.

Другой гипотезой относительно происхождения деепричастия на *-мадан / -меден; -матын / -метин* является гипотеза, согласно которой исследуемый отрицательный деепричастный аффикс образовался посредством присоединения к отрицательному аффиксу *-ma* аффикса исходного падежа имени существительного *-dan / -den* [152, с.94; 56, с. 242; 234, с. 324; 235, с. 343].

Эта гипотеза, по-мнению Т.Текина, как с фонетической, так и с семантической точек зрения неверна. Т.Текин мотивирует свое предположение тем, что древняя форма этого аффикса наблюдается не как *-madın*, а как *-matı / -matın*. Он также отмечает, что аффикс исходного падежа (аблатив) не сочетается с глагольными основами [283, с. 205].

Так, Л.А.Покровская, изучив деепричастие на *-madan / -meden* в современном гагаузском языке, умозаключает, что оно исторически представляет собой отрицательное причастие на *-maz / -mez* в исходном падеже.

Суждения Л.А.Покровской представляются нам необоснованными, так как в древнетюркском языке данный аффикс наблюдается в форме *-matı / -matın*.

Данную точку зрения разделяет и В.Алиев: «...в разговорной речи, как отмечает В.Алиев, имеет место употребление деепричастия типа *görməzdən, bilməzdən* вместо *görmədən, bilmədən*, что позволяет нам присоединиться к мнению тех исследователей, которые этимологически возводят аффикс *-madan/ -mədən* к *-mazdan/ məzdən*» [3, с. 38].

Так, теория Й.Бензинга заключается в следующем: деепричастный аффикс на *-meti (medi)/ -metin (-medin)* образовался путем присоединения к отрицательному *-ma+* аффикса *-d*, образующего существительное от глагольной основы + наречного аффикса *ti* < *-meti* < *me-d+ti* [300, с.131].

Гипотеза Й.Бензинга, по-нашему мнению, несостоятельна. «Эта гипотеза, как справедливо отмечает Т.Текин, слабая, так как в тюркских языках нет аффикса *-d*, который образует имя существительное от глаголов, а относительно примеров *yid* < *yi-d*, *to-d* < *to* и *ki-d* < *ki*, то эти корни предположительны и не доказаны». Далее подчеркивает: «Помимо этого, протоаффикс *-madti* впервые оформился как (*-matti*) и не образован от формы (*-madin*)» [283, с.204].

Воззрение Г.Рамстедта, представляется нам недостоверным, поскольку примеров на данный герундий мало и в основном, этот показатель (*-ti*) трактуется в качестве показателя прошедшего времени.

В связи с этим, необходимо указать следующее мнение: «Уже в довольно раннюю общетюркскую эпоху форма на *-di/ -ti* значительно оглаголилась, полновластно закрепив за собой сферу прошедшего категорического времени» [127, с. 482].

По мнению Т.Текина, аффикс *-matı* образовался от тохарского корня *-ma - te / -mati+n* [282, с. 17-81].

Мы позволим себе не разделять мнение Т.Текина, поскольку материалы тохарского языка показывают, что аффикс отрицания *-ma* в этом языке следует до глагола.

Т.Текин допускает наличие тесной связи между этимологией отрицательного деепричастного аффикса на *-matin/ -mati* и отрицательным аффиксом *-ma/-me* в тюркских языках.

Отметим, что гипотеза Г.Рамстедта рассматривается Т.Текином как одна из обоснованных гипотез относительно происхождения аффикса отрицания на *-ma/-me*.

Например, в древнетюркском языке: *bolmaj* <*bolm-aŋ*><*bolum+eŋ*><*ŋ*.

Вместе с тем, Г.Рамстедт объясняет безударность отрицательного аффикса на *-ma/-me*. Как он полагает, в составе слова *bolumeŋ* имел место слоговой гласный звук «*u*», но впоследствии выпал. Таким образом, в слове *bolu'm* ударение переместилось на первый слог: *bolu'meŋ* *bol-ma-ŋ*.

Как отмечалось выше, Т.Текин связывает этимологию исследуемого аффикса с отрицательным тюркским аффиксом *-ma/-me*, а именно, он полагает, что деепричастный аффикс на *-matin/ -mati* образовался путем слияния аффикса отрицательного глагола *-e* + аффикса отглагольного имени существительного *-m* + деепричастного аффикса *-ti(n)*: *al-i-me-ti(n)*> *almatin-almadan*; *udime-ti*> *udimati -uyumadan* [283, с. 208].

Вследствие этого, теория Т.Текина нам представляется не до конца исследованной.

Здесь также отмечается, что тюрки заменяют согласный *-u* на согласный *-d* [74, с. 43].

Необходимо отметить, что в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» формы *-madin*

и *-madan* не отождествляются. Мотивируется это тем, что в памятниках рунического письма форма причастия-деепричастия на *-ti* связывается С.Е.Маловым с формой прошедшего времени на *-ti/ -di* и с формой отрицательного деепричастия на *-matin* [127, с. 482].

-Matin/ -maɣın, как полагает Н.Н.Поппе, являются омертвевшими формами творительного падежа; где первая форма от имени на *-m* (*olum* и т.д.), а вторая – от глагола *-j* [74, с. 91].

Исследовав существующие теории относительно этимологии деепричастного аффикса на *-madan/ -meden* в тюркских языках, мы приходим к заключению, что вышеизложенные воззрения необоснованны.

Наиболее доказательной, на наш взгляд, является гипотеза М. Онера, в соответствии с которой этот отрицательный деепричастный аффикс образовался посредством синтаксиса сложного предложения и непосредственно связан с проблемой формирования предложений с глаголами прошедшего-категорического времени в 3-ем лице ед. числа в качестве имени существительного.

Перейдем к рассмотрению морфолого-семантических особенностей деепричастного аффикса *-madan/ -meden* в тюркских языках.

В рунических надписях деепричастный аффикс на *-madan/ -meden* пишется лишь с глухой согласной *-m* (*-t*) – *ıdımatı, sakınmatı* и т.д.

Однако, в уйгурских текстах аффикс *-matı/ -matın* наблюдается как с глухими, так и со звонкими согласными (*-m, -d*).

Например: *Biltizmetin üküş tınıglarıg ölürür; tuyuzmadın* [283, с. 203] и т.д.

Примечателен факт, что в текстах Брахми рассматриваемый деепричастный аффикс употреблялся лишь со звонким согласным $-d$ ($-d$) – *kilmadım (kilmadın)* [283, с. 203].

Общеизвестно, что в древнетюркских письменных памятниках деепричастие на $-ын$ и $-ы(нан)$ не имеет отрицательной формы. Аналогичный факт зарегистрирован и в некоторых современных тюркских языках (казахском, туркменском, кумыкском и др.).

В качестве отрицательной формы деепричастия на $-ын$, по-мнению некоторых тюркологов, употребляется деепричастие на $-матын$, *маты*.

Точнее говоря, деепричастной форме на $-ын$ соответствует деепричастие $-маты$, а форме на $-ы(нан)$ - деепричастие на $-матын$. Например: *Каганыпын сабын алматы жір сају бардыг – не вняв словам своего кагана, ты ходил по разным землям* [54, с. 40].

Известный интерес представляют наблюдения В.Г. Кондратьева: «...значения перфекта и аспекта тесно связаны. Положительный аспект передавался формами на $-мыс$ и $-ы(n)$, отрицательный аспект - формой на $-мадук$ ».

Следовательно, форме перфекта на $-ы(n)$ соответствовала в отрицательном аспекте форма на $-мадук$. В то время как форма на $-(ы)n$, приняв аффикс инструментального падежа, перешла в разряд деепричастий, соответствующая ей форма на $-мадук$ также приняла аффикс инструментального падежа и перешла в разряд деепричастий: $-мадук+ын > матын$ (в памятниках) – *мадын* (в древнеуйгурском языке) [54, с. 41].

«Деепричастие на $-мадын$ в языке «*Кутадгу билиг*» и «*Хибатул Хакайык*», как пишет Х.Г.Нигматов, выступает как отрицательная форма деепричастий на $(-б)$ и на $-а/ -$

(й)у и имеет значение как предшествующего (а), так и одновременного (б) действия» [104, с. 143].

Отметим, что в языке «*Кутадгу-билиг*» нередко наблюдается фонетический вариант аффикса –*мадан/ -меден – мады*.

Деепричастный аффикс на –*мады* называется В.М.Насиловым как усеченный вариант аффикса –*мадын* [95, с. 50].

Приведем примеры: *Жайыны бир багырсак нан мена бэрсу казгун мэни козмады – Чтобы единственный и милостивый господь, не оставляя меня в горе, дал твою участь мне* [104, с.143].

Рассмотрим еще примеры: *Антагынын үчүн икидмиш гаганынын сабын алматын йир сайу бардыг* (Памятник в честь Кюльтегина, малая надпись, КТм 9) – *Вследствие того, что ты не слушаешь поднявшего тебя твоего кагана, стал бродить по всем странам* [65, с. 23].

Исследуемый аффикс довольно часто встречается в уйгурских текстах 11-15 вв. Приведем примеры:

*Кайу багка тэгсэ сувы тынмадын
Чэчэк йазлур анда, көр, өксүмэдин -*

*Если в некий сад не доходит вода
неустанно
Гляди, цветы там распускаются
недостаточно (неполностью)*

*Бу күндэ нэрү бу өзүм тынмады,
Мунын шүкри кылгу кэрэк эрмэди -*

*Я, сам не успокаиваясь с этого дня,
Не будучи в необходимость*

поблагодарить за это [95, с. 50].

В современном турецком языке деепричастие на –*madan/-meden* в выступает в роли: а) развернутого обстоятельства образа действия и однородных обстоятельств – ...*Bu Marsilya kızına sevmegi en romantik şekilde görmeden, bilmeden, anlamadan öğretilmişti* – ...Он научил эту Марсильскую девочку любить самым романтическим способом: не видя, не зная, не понимая (Sait Faik, Kaуır aranıуor, s.142); б) развернутого обстоятельства времени: *Çanakkaleye varmadan koptu kыamet* – Не дойдя до Чанаккалы, поднялся страшный переполох [214, с. 432]; *Yusuf, o zaman güneş doğmadan kalkardı* – Юсуф, в то время вставал до восхода солнца [275, с. 83].

Как правило, эту деепричастную форму именуют грамматическим синонимом деепричастия на –*arak/ -erek*, с той лишь разницей, что при деепричастии на –*madan/ -meden* между действиями основного и зависимого глаголов наблюдается довольно длительный промежуток времени, чем при деепричастии на –*arak/ -erek*.

Приведем примеры: ...*saatlerce, hiç konuşmadan yanуana otururlardı* – ...они часами сидели рядом, не говоря ни слова [275, с. 85].

В современном турецком языке наблюдается также грамматический синоним деепричастия на –*madan/-meden*–: –*mazdan/-mezden*. Отметим, что данный грамматический синоним является устаревшим и преимущественно зарегистрирован в пословицах и поговорках турецкого языка, а также в художественных произведениях середины ХХ в. Например: *Aуı vurulmazdan derisi*

satılmaz – *Продавать шкуру неубитого медведя* (поговорка) и т.д.

Деепричастный аффикс на *–madan/ -meden* в староосманском языке имеет фонетический вариант *–madın/ -medin*. В староосманском языке это деепричастие указывает на отсутствие действия. Вместе с тем, рассматриваемое деепричастие способно передавать, как пишет В.Г.Гузев: «...такую ситуацию, в которой какое-либо действие имело место раньше, чем происходит действие, выражаемое деепричастной формой» [36, с. 71].

Аффикс *–madan/ -meden*, используемый в современном турецком языке, в анатолийском диалекте данного языка функционирует в форме *–mazdın/ -mezden*. Данная форма в анатолийском диалекте передает то же значение, что и форма *–madan/ -meden*.

Отметим, что деепричастие на *–mazdın/ -mezden* в анатолийском диалекте всегда сочетается со словом (*evvel*). Например: *Kezalik Muside ölmezden evvel, İsrailin on iki kabilelerini mubareklerden dedi, işte Efraimin onbinleri ve işte Manaşının binleri bunlardır* [253, с.132].

Деепричастный аффикс *–madan/ -meden* в фонетической форме *mazdan/ -mezden* наблюдается также и в урфинском и эрзурумском диалектах современного турецкого языка, например: *getmezden evvel, çocuk olmazdan* (Урфинский диалект), *almazdan öyde (almazdan önce), görmezden öyde (görmeden evvel)* (эрзурумский диалект) [273, с.114; 238, с. 340] и т.д.

В эрзурумском диалекте турецкого языка встречается также и форма *–madan evvel/evvel* [238, с. 341].

В современном гагаузском языке деепричастие на *–madan/ -meden* передает отрицательное действие, пред-

шествующее другому действию. К примеру: *йанамый-жам сормадан – я не могу сделать (что-либо), не спросив* [109, с. 244].

Деепричастная форма на *-madan/ -meden* в азербайджанском языке обозначает обстоятельство образа действия, время. Например: *Mən səni görmədən, heç kimə fikrimi söyləməyə səuət – Пока я тебя не увижу, никому не скажу о своем решении; Oğlan gözlərini qırpmadan baxırdı – Мальчик смотрел не моргая* [193, с. 385; 185, с. 302].

Исследуемая деепричастная форма в ранних этапах развития азербайджанского языка была более широко распространена, чем в настоящее время. В старозербайджанском языке это деепричастие выступает в двух фонетических вариантах: *-madan/-mədən; -mədin/-madın*.

Например:

Aqıl idim zahida Leyli səmalın görmədən (Xatayı) - не увидев;

Gözətlər həddini bəndə günəhkar olmadın qorxar (Амани) – не будучи.

Фонетический вариант *-mədin/-madın* зарегистрирован и в языке «Книги моего Деда Коркуда».

Например: *Savaşmadın, uruşmadın əl verəyim döngil gerü* [171, с. 92].

Из всего вышесказанного следует, что деепричастный аффикс в современных тюркских языках имеет сходный фонетический облик *-madan/ -meden* и в основном обозначает обстоятельство образа действия. Лишь в диалектах и говорах современных тюркских языков деепричастие на *-madan/ -meden* может иметь иные фонетические вари-

анты, а именно варианты *-madın/ -medin, mazdın/ -mezden, -mədin/-madın*.

Деепричастие на –дыкча⁴ (-dikcha⁴)

Деепричастие на *-dikça⁴* в современных тюркских языках образовался в результате слияния двух аффиксов: *-dik* и *-ça*.

Прежде чем, анализировать структурно-семантические и синтаксические особенности деепричастия на *-dikça⁴* рассмотрим основные гипотезы относительно этимологии аффиксов *-dik* и *-ça*.

Аффикс на *-dik⁴* присущ тюркским языкам огузской группы. Этой форме свойственно субстантивироваться, и употребляться с формантами падежа и принадлежности.

Этимология аффикса на *-dik⁴* неоднозначно трактуется в тюркологической литературе.

В.И.Котвич (1962), Г.И.Рамстедт (1957), А.Н.Кононов (1956) и др. полагают, что данный аффикс образовался посредством сочетания элементов *-ды* и *-к*.

О.Бётлингк (1851), К.Броккельман (1951), А.П.Поцелуевский (1943) и др. склоняются к мнению, что аффикс на *-dik⁴* является первичной, а форма на *-di* образовалась в результате выпадения последнего звука на *-k*.

Наиболее показательны на этот счет воззрения о том, «что решающую роль в этой эволюции сыграло именно образование на месте формы причастия с *-dyq* спрягаемого глагола с сокращенным суффиксом *-dy*. Эта новая форма удержалась во всей тюркской языковой области; одновременно само причастие на *-dyq*, как бы исполнив свою роль, т.е. образовав спрягаемый глагол, отошло в

сторону. В подавляющем большинстве языков этот суффикс уступил место своему конкуренту» [63, с. 293].

Следовательно, А.Котвич также разделяет гипотезу, согласно которой аффикс на $-dik^4$ был первичным, а аффикс $-di$ является производным от него.

Аффикс $-dik^4$, как полагает Б.А.Серебренников, образовался посредством слияния аффиксов отглагольных прилагательных $-t$ и $-(y)-q$ [123, с. 230].

По мнению И.Н.Шерванидзе, пока затруднительно дать однозначное объяснение происхождения формы на $-dik^4$. Его гипотеза сводится к тому, что данный аффикс является сочетанием древнейших элементов $-t \sim -d + -(ü)k, -(u)q$ [152, с. 100].

Некоторые тюркологи склоняются к мнению о том, что аффикс прошедшего определенного времени $-di^4$ образовался в результате стяжения формы на $-dik^4$.

Данную гипотезу разделяют Н.А.Баскаков (1952), А.П. Поцелуевский (1943) и др. Таким образом, эти ученые сходятся на том, что в процессе исторического развития форма на $-dik^4$ подверглась стяжению (т.е. выпал конечный согласный k (z)), в результате чего образовалась форма прошедшего определенного времени на $-ды$ [64, с. 40–71].

О.И.Бётлингк интерпретирует стяжение данной формы следующим образом: первоначально существовавшие (и продолжающие существовать) глагольно-именные формы 1-го лица – *алдыкым* ‘мое взятие’, *алдыкын* ‘твое взятие’, *алдыкы* ‘его взятие’ и т.д. – в процессе превращения в прошедшее время утратили согласный звук k , а получившийся долгий гласный подвергся стяжению: *алдыкым* > *алдыгым* > *алдым* > *алдым* ‘я взял’ [301, с. 305–306].

Как мы полагаем, эта гипотеза О.И.Бётлингга не выдерживает критики. Если стяжение действительно имело место в историческом развитии тюркских языков, то следы данного явления были бы зафиксированы в письменных памятниках, а так же в диалектах и говорах тюркских языков. Вместе с тем, как справедливо отмечает П.М.Мелиоранский, ни в одном тюркском диалекте нет никаких следов процесса стяжения *алдыкым > алдым > алдым* [74, с. 18].

Употребление *-dik⁴* вместо *-di* у огузов и некоторых кыпчаков описывалось М.Кашгарским: *men aŋar tawar bärdüik* ‘я дал ему товар’. М.Кашгарский рассматривает также и парадигму с предикативным *-dik*, хотя и без показателей лица: *men jaqurdük* ‘я сделал лук’, *ja qurdük* ‘он сделал лук и т.д. Такое использование данной формы М.Кашгарским, свидетельствует о ее причастном статусе и, шире, статус глагольного имени, отмеченного уже в рунических памятниках [128, с. 191].

Тюркологическая литература обнаруживает также гипотезу, согласно которой временная форма на *-ды* произошла от имени действия на *-t*, которая, в свою очередь, сопровождалась словами *бар* ‘есть’, ‘имеется’ или *йок* ‘нет’, ‘не имеется’. Сторонниками данной теории являются Н.К.Дмитриев (1948), В.Броккельман (1951), П.М. Мелиоранский (1900), Б.А.Серебренников (1979) и др.

Это архаическое отглагольное существительное на *-ыт/ -ит/ -ут/ -ут/ -т*, как отмечает Н.К.Дмитриев, принимало аффиксы принадлежности: *алытым бар*, *алытым йок*. В дальнейшем слова ‘*бар*’ и ‘*йок*’ отпали, в результате чего и возникла форма *алдым* [41, с. 141].

Б.А.Серебрянников, также придерживаясь данного мнения, подчеркивает, что отглагольное имя на *-ыт*, *-ит* в составе форм прошедшего времени на *-ды*, *-ди* отражает особенности архаического мышления, когда прошедшее время ассоциировалось преимущественно с результатом действия, а не с фактом его наличия в плане прошедшего. Поэтому отглагольное имя явилось удобным средством его выражения [122, с. 31].

Именная природа формы прошедшего времени на *-ды* отмечалась А.М.Щербаком [159, с. 48].

В свете сказанного выше следует, что форма на *-ыт* не только функционировала в качестве глагольного имени, но и передавала значение изъявительного наклонения. Не исключено, что данная форма в результате этого может принимать аффиксы лица.

Аффикс *-т*, как известно, является древним показателем множественности. Таким образом, многозначность формы на *-ыт* связана с аффиксом *-т*.

Для тюркологии представляет интерес мнение, согласно которому аффиксы множественного числа изначально передавали значения, как множественности, так и неопределенности. Иначе, множественность всегда несет в себе оттенки численной неопределенности. Из этого можно заключить, что древние аффиксы множественного числа, одновременно являющиеся формантом неопределенности, сочетаясь с глаголами, образуют формы, значения которых тесно связаны с неопределенностью. Когда значение многозначности данной формы было утеряно в результате фонетических изменений - *ыт* > *тым* > *дым*, образовалась форма прошедшего определенного времени.

Известно, что в тюркских языках узкие гласные *-ы, -е(-и), -о, -ө* издревле выражают определенность [52, с. 345].

Следовательно, неслучайно при образовании прошедшего определенного времени всегда присоединяются именно эти узкие гласные. Вместе с тем, узкие гласные употребляются при образовании аффикса винительного падежа, принадлежности, в значении которых наблюдается оттенок определенности.

Этимология второго компонента *-ça* деепричастного аффикса на *-dikça⁴* неоднозначно трактуется в тюркологии.

Аффикс *-ça* встречается еще в ранних памятниках тюркских языков. В данных памятниках с помощью аффикса *-ça* образовывался сравнительный падеж: *канын субча жүгүрті – твоя кровь бежала (там), как вода* [68, с.39].

Заметим, что сравнительный оттенок аффикса *-ça* наблюдается также и в современных тюркских языках.

Посредством аффикса *-ça* в описываемых языках преимущественно образуются наречия: азерб. - *Sizin fikrinizcə bir müəllim, əvvəlcə tələbənin marağı və zövqünü öyrənməli, sonra da ona müvafiq dərslər verməlidir?* – По-вашему мнению, педагог должен ли сначала изучить интересы и предпочтения студента, и только потом преподавать ему соответствующие предметы? [187, с. 616].

Показательно, что в уйгурских текстах падежный аффикс *-ça* параллельно со сравнительным значением, передавал также значение сходства.

К примеру: *Tenride tirigdekiçə – как в жизни* и т.д. [303, с. 256].

В современном турецком языке деепричастие на *-dikça⁴* имеет как звонкий, так и глухой фонетический вариант: *-dikça/ -dikçe/ -dukça/ -dükçe// -tikça/ -tikçe/ -tukça/ -tükkçe*. Деепричастие на *-dikça⁴* главным образом передает

значение: а) многократности действия (*всякий раз как*); б) постепенности выполнения действия; в) временной связи, между двумя действиями (*пока*).

Приведем несколько примеров: а) *Lakin, gün geçtikçe alışacağı yerde, görüyorum ki gün geçtikçe daha ziyade muvazenemi kaybediyorum* – Однако с каждым днем я осознаю, что теряю равновесие вместо того, чтобы свыкнуться с этим [260, с. 80-81]; б) *Gök gürledikçe küreiarz inliyor zannolunurdu. Şimşek çaktıkça her bulut şule saçan bir yanardağ gibi görünürdü* – Когда гремел гром, казалось, стонет земной шар. Когда сверкала молния, каждое облако представлялось вулканом, извергающим пламя [261, с. 67]; в) *Siz sağ, ben var oldukça elbet bir gün gene rastlaşırız* – Пока вы здоровы, а я жив, конечно, в один прекрасный день мы опять встретимся [230, с. 89].

Заметим, что деепричастие на *-dikça*⁴ в современном турецком языке сочетаясь со спрягаемой формой, образованной от той же основы что и деепричастная форма, выступает в роли развернутого обстоятельства образа действия, передаваемое непрерывное усиление действия – *все более и более*.

Рассмотрим пример: *Merakım gittikçe arttı, arttikça artıyordu* – Мое любопытство постепенно возрастало, все более и более увеличивалось [56, с. 483].

В современном турецком языке, как и в азербайджанском языке, рассматриваемой деепричастной форме присуща адвербиализация: *oldukça* – *достаточно*, *gittikçe* – *постепенно*, и т.д.

Форма на *-dikça*⁴ в турецком языке сочетаясь с определительным местоимением *her* – *каждый*, образует глагольную конструкцию с временным значением категоричности.

Например: *Bize her geldikçe çiçek getirir* – *Всякий раз как он приходит к нам, он приносит цветы* [228, с. 260].

Показательно, что в Ризенском диалекте турецкого языка деепричастная форма на $-dik\check{c}a^4$ имеет фонетический вариант с конечным $-s$: $-dukcas$ – *durdukcas* – *остановившись* и т.д. [246, с. 186].

В диалектах Восточной Тракии современного турецкого языка деепричастная форма на $-dik\check{c}a^4$ зарегистрирована в фонетическом варианте $-dikcasina$: *...bu sular cekildikcesine tarlaya dondu* – *Как только отошли воды, (он) вернулся на поле* [247, с. 403].

Описываемая деепричастная форма в караманлийском этнолекте турецкого языка передает значение продолжительности протекания действия.

Пример: “*Lakin bunların hepisinin hatırını hoş etmedikçe içeri giremezler*” – *Не уважив их всех, они не заходили внутрь* [253, с. 139].

В современном гагаузском языке, в отличие от других тюркских языков огузской группы, деепричастие на $-dik\check{c}a^4$ имеет фонетический вариант с конечным согласным $-n$: $-дыкчан$. Данная форма в гагаузском языке, подобно другим тюркским языкам огузской группы, передает значение временной связи между двумя действиями, постепенность совершения действия.

Например: *Генчлър ойнадыкчан бӓн сийредеим* – *чтобы я смотрела, как (когда) молодежь танцует* и т.д. [108, с. 72].

Параллельно с этим, в современном гагаузском литературном языке функционирует также вариант без конечного $-n$ – $-дыкча$.

В письменных памятниках азербайджанского языка XIV–XIX веков деепричастная форма на $-dik\check{c}a^4$ по сравнению с современным азербайджанским литературным языком, представлена последовательно. Исследуемая дее-

причастная форма в данном языке является синонимом деепричастия на *-anda²*.

Форма на *-dikça⁴* в азербайджанском языке семантически соответствует сочетанию *-an, -ən vaxt// zaman*.

Рассмотрим несколько примеров: *Baxdıqda = baxanda = baxan zaman* – когда смотрю (на тебя); *gördükdə = görəndə = görən zaman* – когда ты видишь; *huzura daxil olduqda şah oturmağa işarə verdi* – когда мы вошли, шах разрешил сесть и т.д. [69, с. 15].

Для письменных памятников XIV–XIX веков азербайджанского языка характерно сочетание деепричастной формы на *-dikça⁴* с аффиксами принадлежности.

Например: *Beyrək yağı gördüyündə yoldaşlarını andı* – когда Бейрек увидел лук для стрельбы, вспомнил своих друзей [172, с. 124]; *baxdığımda* – когда я посмотрел; *gördüyündə* – когда он увидел [69, с. 15]; *Rəqibindən səfələr gördüküməcə qılırtən bəd düalər durlu-durlu (gördüküməcə* – увидев) и т.д. [191, с. 289].

Заметим, что в героическом эпосе «Книга моего деда Коркуда» форма на *-dikça⁴* в отдельных случаях, употребляясь со словом *ləyin*, передает значение мгновенного выполнения действия.

Приведем пример: *Ani gördüğündələyin yel kimi yetdi; Qazlıq qoca qələyə yetdigindələyin cəngə başladı* и т.д. [172, с. 127].

gördüğündələyin – как только увидел его; *yedigindələyin* – как только добрался до и т.д.

Функционирование деепричастия на *-dikça⁴* с аффиксами принадлежности, а также со словом *ləyin* нехарактерно для современного азербайджанского языка.

В современном азербайджанском языке наблюдается адвербиализация деепричастной формы на *-dikça⁴*: *getdikçə* - все более, постепенно; *olduqca* - очень; *bacardıqca* - как можно; *Qəmərin daxili narahatlığı getdikçə artırdı* - Внутреннее беспокойство Гемер постепенно возрастало; *Tez, bacardıqca tez bu evdən getməliydi* - Он должен был уйти из этого дома как можно быстрее и т.д. [11, с. 17].

Наречия, образованные посредством деепричастного аффикса на *-dikça⁴* в азербайджанском языке, относятся к разряду полностью адвербиализованных.

Показательно на этот счет высказывание И.А.Ахмедова: «Полную или неполную, временную адвербиализацию слов можно узнать по значению в предложении. И в этом смысле функционирование слов типа *qaçaraq, çaparaq, olduqca, dedigcə, getdiqçə* как наречие нельзя называть неполной, незавершенной адвербиализацией, так как эти слова выражают отличное от деепричастного значения, отличаются по ударению и в результате выступают как новая лексическая единица» [11, с. 17].

Деепричастие на *-dikça⁴* наблюдается также и в диалектах и говорах азербайджанского языка. В нахичеванском диалекте азербайджанского языка данная деепричастная форма используется в следующих фонетических вариантах: *-dixca, -dixcə, -duxca, -düxcə*.

Например: *Yayda adam yatarmaz, yazda yatdixca yatır*; *Bıraları yazda gəzdixca adamın göli açılır (yatdixca - когда спишь, gəzdixca - когда совершаешь прогулку)* и т.д. [167, с. 142].

Диярбакырский и эрзурумский диалекты современного турецкого языка также обнаруживают аналогичные на-

хичеванскому говору азербайджанского языка фонетические варианты –*dihça*.

Приведем примеры: *Başızı ağırtmıyım bu oğlan büyü-dihça daha meşhur bir hırhız (hırsız) oli – (büyü-dihça - когда он подрастет) (диярбакырский диалект)* [218, с. 154].

Помимо этого варианта в эрзурумском диалекте функционируют также фонетические варианты –*diyhce /-dihcaz/-diyhcez < dih+ca(z)*.

Например: *Gördüyhcez gapir* (в современном турецком языке – *gördükçe yakalıyor*) – *gördüyhcez – увидев; aldiyhca(z) atdım – aldiyhca(z) – по мере того, как покупал, покупая* и т.д. [238, с. 340].

В дербентском диалекте азербайджанского языка также встречается описываемая деепричастная форма:

Sən sövlədikə mənim iştiham gələdi – По мере того, как ты говоришь, у меня появляется аппетит и т.д. [166, с. 213].

В дербентском диалекте азербайджанского языка имеет место также следующий фонетический вариант деепричастной формы на –*dikça*⁴: –*dignə*.

Указанный фонетический вариант зарегистрирован лишь в Марагинском селе Азербайджана и не наблюдается в современном азербайджанском литературном языке.

Например: *Əkdignə su artda ulan məsili sirazi sulaməg lazımdı – сравним: əkdignə (дербентский диалект) = əkdiq-sə (литературный язык) - сажая* и т.д. [166, с. 212].

В шекинском диалекте азербайджанского языка встречаются следующие фонетические варианты: –*dixca, -dixsə, -dixcən, -dixsə, -dixcən, -duxca, -duxcən*.

Фонетические варианты деепричастия с конечным –*n* употребляются также в кубинском диалекте азербайджанского языка: –*diğcan, -digcən*. В данном диалекте описыва-

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

емый деепричастный аффикс функционирует лишь с конечным согласным –п.

Рассмотрим следующие примеры: *Biz giddigcən yul da uzanadi - giddigcən* – по мере того, как человек идет (кубинский диалект); *O taydə çirax yaniy, baxdıxcə irax yaniy; Adam var, üz verdıxcən asdar da isdir - üz verdıxcən* – пользуясь благосклонностью (шекинский диалект) [183, с. 154; 196, с. 180].

Деепричастие на –*dıkça*⁴ с конечным согласным –п функционирует, как отмечалось выше, в современном гагаузском языке. Этот вариант наблюдается также в современном крымско-татарском языке.

Деепричастная форма на –*dıkça*⁴ в языке иракских туркменов, который относится к огузской группе тюркских языков, изредка принимает аффиксы 1-го лица ед. числа. Например:

*Bahdıxcam dilim bağlar,
Sürdükcem derd ekerem*

(*Bahdıxcam* - в то время как я смотрю, *Sürdükcem* (3д. проращать, давать побегу – прорастая) [194, с. 230].

В письменных памятниках туркменского языка деепричастная форма на –*dıkça*⁴ носит гораздо более ослабленный характер.

Например: *Урдукъча бейүди* – чем больше ударяли, тем более увеличивалось [7, с. 38].

Деепричастная форма на – *dıkça*⁴ в письменных памятниках туркменского языка, подобно памятникам турецкого и азербайджанского языков, может употребляться с

аффиксами лица и множественного числа *-лар/-лер*: *деп-диклеринче* – как *только* сказали.

Данное явление характерно лишь для современного туркменского языка.

Следует заметить, что деепричастие на *-dikça*⁴ встречается также в старотатарском литературном языке конца XIX – начала XX веков.

Рассмотрим примеры:

...инсанларың ахляклары гүзәлләшдекчә, ахвале ижстимагыйә, әлбәттә гүзәлләшәчәк... – *...по мере улучшения нравственности, конечно же, и социальное положение улучшится...* [2, с. 24].

Наличие деепричастной формы на *-dikça*⁴ в старотатарском литературном языке, повидимому, обусловлено осmano-турецким языковым влиянием. Вместе с тем, данная деепричастная форма не смогла прижиться и укрепиться в современном татарском языке.

Таким образом, из всего приведенного выше становится ясно, что форма на *-dikça*⁴ характерна преимущественно для огузской группы тюркских языков. Наряду с этим, деепричастие на *-dikça*⁴ функционирует также в тюркских языках кыпчакской группы (крымско-татарский, старотатарский и др.).

Доминирующими значениями деепричастной формы на *-dikça*⁴ в современных тюркских языках и их диалектах являются: а) многократность действия (*всякий раз как*); б) постепенность выполнения действия; в) временная связь между двумя действиями (*пока*).

В современных тюркских языках деепричастной форме на *-dikça*⁴ присуща адвербиализация: *gittikçe* – *постепенно*, *oldukça* – *достаточно* и т.д.

В диалектах и говорах современных тюркских языков наблюдаются фонетические варианты деепричастной формы на *-dikça⁴*, которые не употребляются в современных литературных тюркских языках (- *dignə* - дербентский диалект азербайджанского языка, *-diyhce/-dihcaz/-diyhcez < dih+ca(z)* - эрзурумский диалект турецкого языка и т.д.).

Деепричастие на – икен/кен (-iken/-ken)

Деепричастие на *-iken/-ken* функционирует не во всех современных тюркских языках. Данная деепричастная форма в основном встречается в современных тюркских языках огузской группы. Из тюркских языков кыпчакской группы деепричастие на *-iken/ -ken* зарегистрировано лишь в крымско-татарском языке.

Касательно этимологии деепричастного аффикса на *-iken/-ken* в тюркологической литературе бытует следующая точка зрения. Некоторые ученые рассматривают деепричастный аффикс как результат слияния глагола *er-tek* с причастием настоящего времени (*er+gen > i -ken>ken*). Из этого явствует, что этот неспрягаемый глагол перешел из разряда причастий в разряд деепричастий.

Отдельные ученые характеризуют систему деепричастий в современных тюркских языках в виде большого ряда, состоящего из двух малых рядов [47, с. 79 -80].

К первому разряду определяют деепричастия, которые относятся к основной форме глагола с временной точки зрения (*-ып, -п, -а, -мадан, -матын, -мадын*); ко второму разряду – деепричастия, соотносимые по времени с основной формой глагола (*-эркен, -кен, -гынча, -алы/-ганлы*).

Ж.Дени не разделяет мнения о происхождении *-iken* от *erken/ergen*. Любопытен тот факт, что Ж.Дени рассматривает в отдельности *iken* и *erken/erki*, а также выявляет их морфологическую и функциональную близость [226, с. 908-915].

Деепричастный аффикс *-кан/кән*, по-мнению Л.А. Покровской и А.Б.Эрджиласуна, исторически представляет собой причастную форму от недостаточного глагола *-эр/-ур – быть (икен)* [110, с.125; 231, с.188; 236, с. 595].

В современных тюркских языках деепричастный аффикс на *-iken/-ken* имеет несколько фонетических вариантов.

По классификации Нури Юдже деепричастный аффикс на *-iken/-ken* имеет следующие варианты: 1) *-ika/-ike, -uka/-üke~ka/-ke*; 2) *-karak/-kerek*; 3) *-kan(a)/-ken(e)*; 4) *-kanan/-kenen*; 5) *-ken*; 6) *-ikenden*; 7) *-ices/-çes*; 8) *-han (a)/-gän (ä)*; 9) *-kam/-käm, -kan/-kän/-ka/-kä, -kanız/-käniz, -ka (lar)/-kälär*; 10) *-şkan (a+n)/-şken (e+n)* [297, с. 43-49].

В памятниках древнетюркской письменности (ПДТП) форма на *-эркен* относится к деепричастиям второго разряда и передает значение одновременности. Следует указать, что деепричастия второго разряда передают значение как одновременности (*-эркен*), так и предшествования (*-гынча, -алы*).

В древнетюркском языке наличествовал фонетический вариант с твердым гласным (*-a*) – *kan*, посредством которого образовались наречия, например: *aşnu+kan – раньше, прежде, наконец; ançağınça+ kan – наконец, между тем; amtı+kan – сейчас, немедленно; irte+ ken – прежде* и т.д. [211, с. 640-641].

Приведем следующее высказывание В.Г.Кондратьева: «Образование системы деепричастий в тюркских языках шло двумя путями: а) причастие использовалось в функции обстоятельства, что объясняется способностью причастия, как и прилагательного, определять и предмет, и действие; б) причастие сочеталось с падежными аффиксами [54, с. 116].

Деепричастие на *-iken/-ken* в древнеуйгурском языке зарегистрировано в фонетическом варианте *-p ärkän* и выступает в роли обстоятельства времени.

В древнеуйгурском языке деепричастная форма на *-p ärkän* в основном передает действие, предшествующее действию, выраженному финитной формой.

Приведем примеры: *Ädgü qylync qazganur ärkän sizndä adrylmaklgısıg qoz ıçıntä ärüsh üküsh qata aqkadım* – *Когда вы совершали добродетельные поступки, я много раз валялся в горячих углях разлуки с вами* [133, с. 13].

Варианты *-p ärkän* и *-p эрикли* деепричастия на *-iken/-ken* наблюдаются также и в памятниках древнетюркской письменности VIII–XI вв.

В указанных письменных памятниках деепричастная форма на *-эркен* передает действие в рамках которого развертывается действие основного глагола.

Рассмотрим сказанное на наглядных примерах: *Калты балык капагда олурур эркэн кан удчысы бэши йүз уд сүрэ өнти* – *Когда он сидел у ворот города, вышел пастух хана, гоня пятьсот коров* [54, с. 113].

Деепричастный аффикс на *-iken/-ken* наблюдается также и в языке Кутадгу-билиг. Исследуемый деепричастный аффикс в языке Кутадгу-билиг встречается в фонетическом варианте: *-erken*.

Следует заметить, что в языке Кутадгу-билиг аффикс на *-iken/-ken* (зд. *-erken*) функционирует лишь с глаголами настоящего-будущего времени.

Наряду с этим в современных тюркских языках данный деепричастный аффикс присоединяется также к основам прошедшего-неочевидного времени (*-miş⁴*) и будущего-категорического времени (*-acak/-ecek*).

Например: *Ölüm tutmaz erken odun ay ilig/ Kılıç teprer erken yağı tepremez.*

Деепричастный аффикс на *-kən* в языке дастана «Китаби-Деде Коркуд» наблюдается довольно редко.

Подчеркнем, что аффикс *-iken/-ken* в языке дастана «Китаби-Деде Коркуд», подобно языку Кутадгу-билиг, присоединяется только к глаголам некатегорического, т.е. настоящего-будущего времени (*-ar/-er*).

Приведем примеры: *Oğlan geyiği qovarkən babasının önünden gəlib gedərdi* – Мальчик, преследуя оленя, обычно проходил мимо отца [172, с. 94].

Т.Бангуоглу рассматривает деепричастие на *-iken/-ken* в качестве деепричастным формам состояния (*hal zarffii-ler*) [213, с. 431].

Данный деепричастный аффикс в современном турецком языке присоединяется к различным глагольным основам: *mişken, irken, ecekken, iyorken, meliyken*.

Например: *Müzik dinlerken insan farkında olmadan daha çok çalışır* – Слушая музыку, человек не замечая, еще больше работает [268, с. 28]; *Ağzını açacakken, kapıdan içeri postacı girdi* – Как только он собрался что-либо сказать, в комнату вошел почтальон [269, с. 29].

В современном турецком языке деепричастие на *-iken/-ken* выступает в роли развернутого обстоятельства времени, выражая: а) действие, в течение которого совершается

другое действие: *Tren kalkarken çocuk gibi hüngür hüngür ağlıyordu* – *Когда отходил поезд, он плакал навзрыд, как ребенок* [229, с. 56]; б) действие, характеризующее другое действие с точки зрения обстоятельства образа действия: *Dün sokakta giderken iki kişiyi rasgeldim* – *Вчера, проходя по улице, я встретился с двумя людьми* [276, с. 45].

В отличие от современного турецкого языка, в говорах иля Кютахьи турецкого языка, деепричастная форма на *-iken/ -ken* подчиняется закону гармонии гласных и выступает в фонетических вариантах на *-kan/-ken; -kene, -kana, -ke*: *gidekene* (говор Кютахьи) – *giderken* (совр. тур. яз.) – *уходя*; *çalışırkan* (говор Кютахьи) – *çalışırken* (совр. тур. яз.) – *работая*; *oynakana* (говор Кютахьи) – *oynarken* (совр. тур. яз.) – *играя*; *gelirke* (говор Кютахьи) – *gelirken* (совр. тур. яз.) – *приходя* и т.д. [240, с. 113].

В диярбакырском диалекте современного турецкого языка также зарегистрирован деепричастный аффикс на *-iken/-ken*: *Oğlan eve giderken kez gene...* *Когда мальчик отправлялся домой, девочка снова обратилась к нему* и т.д. [218, с. 35].

Как явствует из примера, данный аффикс в диярбакырском диалекте, подобно современному турецкому языку, имеет лишь один фонетический вариант *-ken*.

Деепричастный аффикс на *-iken/-ken* в эрзурумском диалекте современного турецкого языка также подчиняется закону гармонии гласных и функционирует в следующих фонетических вариантах: *-ken/-kan; -kana/ -kene*: *görmüşken* (эрзурумский диалект)– *görmüşken* (совр. тур. лит. яз.); *alırken/ alırkan* (эрзурумский диалект)– *alıyorken* (совр. тур. лит. яз.)– *взяв*; *göreceyhkene* (эрзурумский

диалект), (*görmesi gerekirken*) (совр. тур. лит. яз.)- когда необходимо было увидеть [238, с. 343].

Фонетический вариант на *-kana/-kene* довольно часто встречается в диалектах области Восточной Фракии Турецкой республики [267, с. 184; 270, с. 37-43; 254, с. 55, 113, 124, 179], а также в анатолийском [208, с. 124], айдынском [294, с. 65], денизлином [266, с. 51], испартинском [296, с. 88], ушакском [242, с. 137], эрзинджанском [277, с. 162], малатьянском [241, с. 205], карабюкском [233], аданинском [295], токатском [225, с. 210], ордунском [225, с. 153], невшехирском, йозгатском и сиваском диалектах турецкого языка [291, с. 195].

Деепричастный аффикс на *-iken/-ken* в некоторых диалектах тюркских языков сочетается с аффиксами исходного падежа *-dan/-den*.

Так, в анатолийском и кипрском диалектах турецкого языка деепричастный аффикс *-iken/-ken* сочетается с аффиксами исходного падежа *-dan/-den*, передает два значения: 1) сравнения «лучше, чем» и 2) быстротечности.

Рассмотрим примеры:

1) *Pişerken hem koku bakımından çekici olurken yerken- den daha fazla lezzet verir* - Когда варится еда, запах ее доставляет больше удовольствия, чем вкус [206, с. 64];

2) *gelirkandan = gelir gelmez* – как только придет [205, с. 95].

В отличие от других современных тюркских языков, деепричастный аффикс на *-iken/-ken* в современном гагаузском языке, подчиняется закону гармонии гласных и имеет следующие фонетические варианты: *-kan/ -kän*.

Деепричастие на *-iken/-ken* в основном присоединяется к основам будущего неопределенного времени на –

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

ар; -är; -ыр; -ир; -ур; -үр; -р, прошедшего неочевидного времени на *-мыш/ -миш/ -муш/ -мүш* и будущего определенного времени на *-ажак/ -ежек*.

В гагаузском языке деепричастие на *-кан/-кән*, сочетаясь с основой прошедшего неочевидного времени (*мыш*⁴), выражает действие с уступительным оттенком: (*поскольку, хотя*). Например: *Отурмушкан диз-бе-диз дойа мадым йүзүме* (маани) – *Усевшись, колено к колену (с мильм), я не могла наестся винограда* [108, с. 70].

Небезынтересно подчеркнуть, что сочетаясь с основой будущего-определенного времени, деепричастие на *-кан/-кән* нередко подвергается нарушению закона гармонии гласных: *өлежейкән – прежде чем умереть; гидижейкан (нарушение закона гармонии гласных) – перед тем, как поехать* и т.д.

В современном гагаузском языке, помимо фонетического варианта на *-кан/-кән*, зарегистрирован также вариант на *-кана*: *Ени кызлар варкана, ескилерä ким барар?* – *Когда есть новые девушки, кто посмотрит на прежних?*

Аналогичное наблюдается в некоторых диалектах турецкого языка: ср. *göreceyhnene* – *когда необходимо было увидеть* (эрзурумский диалект); *оупакана* – *играя* (диалект Кютахьи).

В современном азербайджанском языке наблюдаются следующие фонетические варианты деепричастного аффикса на *-iken/-ken*: *-iken/-ken, -arkән/ -ärkән: -yarkән/ -yärkән; -irkән⁴; -mişkән⁴*.

Деепричастие на *-arkән/-ärkән* в азербайджанском языке, по-мнению В. Алиева, восходит к сочетанию *-iken/-ken* с аффиксами причастия будущего времени на *-ar/-är* [3, с. 35].

Деепричастие на *-iken/-ken* в азербайджанском языке в основном обозначает действие одновременное с действующим, выраженным основным глаголом.

Например: *Otaqdan çıxarkən soruşdu* – Когда (он) выходил из комнаты, спросил и т. д.

Приведем также примеры из классической азербайджанской литературы:

*Biz neçəsi eşqilə olmayalum bir çün,
Biz yoxikən vəhdətə eylədi iqrar eşq
Onun təb'ii möcüzələr yaradarkən sahirtək,
İdrak onun qarşısında durdu tə'zim edərək*
[Azərbaycan klassik ədəbiyyat seçmələri].

Деепричастная форма на *-kən/-ikən* в письменных памятниках азербайджанского языка сочетается преимущественно с формами настоящего, будущего-неопределенного и прошедшего-результативного времен. Приведем примеры: *sən içərkən* - когда ты выпьешь; *ağlarikən* – когда он плакал; *girmişkən* – как только вошел и т.д.

Заметим, что исследуемая деепричастная форма, сочетаясь с основами настоящего-будущего выражает определенный отрезок времени, тогда как при основе же прошедшего-результативного времени выражает моментальное осуществление действия.

Например: *Hasar qapusinə kirmişkən qara polad üz qılıcıyla ənsəsinə elə çaldı kim, başı top kimi yerə düşdi* - Войдя через калитку, он так сильно ударил его черным стальным мечом в шею, что голова его упала на землю, как мяч (Деде Коркуд) [69, с. 14].

Рассматриваемый деепричастный аффикс, как отмечает Х. Мирзазаде, иногда встречается и в ашугской лите-

ратуре: *Gedär ikän bir ümmana tuş oldum / Bəhrlər çalqanır, göl buyandadır* [191, с. 287]: *Gedär ikän* – когда я шел.

В туркменском языке исследуемая форма функционирует в фонетическом варианте *-iken/-ken; -ar-kän/-arkan* (В.Алиев отмечает *-yarkät/-yarkat*, с. 35).

Заметим также, что эта форма в современном туркменском языке принимает аффиксы лица, чего не наблюдается в остальных тюркских языках, в которых наблюдается деепричастие на *-iken/-ken*.

Например: *Олгиже өйүнә гайдып гәйәркә, гаранкы көчеде онун үстүне галтаман чозды – В то время, как он поздно ночью возвращался домой, в глухом переулке на него напали бандиты; Биз өе баряркак хова гаты үйтгешиди ве гар язмага башлады – Пока мы ехали домой, погода сильно изменилась и начал падать снег; Сен голларыны говшурып отыркән, сенин доганларын демир ёл гурлушыгында улы үстүнликлер газанярлар – Пока ты сидишь сложа руки, твои братья добиваются больших успехов в железнодорожном строительстве* [42, с. 415-416].

Деепричастная форма на *-iken/-ken* зарегистрирована также и в крымско-татарском языке.

В крымско-татарском языке форма на *-iken/-ken* относится к деепричастиям времени. Исследуемая деепричастная форма выступает в следующих фонетических вариантах: *-къаны/-кени// -гъаны/-гени киби*.

Подчеркнем, что данное деепричастие в крымскотатарском языке является синонимом деепричастия на *-(a)p -маз — на -(a)p -маз/-мез* ‘едва... как’, ‘не успел... как’.

Таким образом, в результате сравнительного исследования выявлены следующие основные сходные и дифференциальные особенности деепричастия на *-iken/ -ken*: 1)

деепричастие на *-iken/ -ken* в диалектах и говорах тюркских языков, а также в письменных памятниках, в отличие от современных тюркских языков, подчиняется закону гармонии гласных; 2) в языке дастана «Китаби-Деде Коркуд» и Кутадгу-билиг деепричастный аффикс на *-iken/-ken* (здесь *-erken*) используется лишь с глаголами настоящего-будущего времени в языке (*-ar/-er*); 3) деепричастие на *-iken/ -ken* в туркменском языке способно принимать аффиксы лица, чего не наблюдается в других тюркских языках, в которых зарегистрировано рассматриваемое деепричастие; 4) деепричастный аффикс на *-iken/-ken* в современном гагаузском языке, в отличие от других тюркских языков, подчиняется закону гармонии гласных; 5) в современном гагаузском языке, подобно диалектам турецкого языка, помимо фонетического варианта на *-кан/-кӓн*, функционирует также вариант на *-кана*.

Деепричастие на -ынджа⁴ (-inja⁴)

Деепричастие на *-ынджа⁴, -анджа²/ -йынджа⁴* встречается во всех современных тюркских языках, кроме якутского и чувашского. Отметим, что в якутском языке деепричастию *-ганча, -ынджа* соответствует форма на *-бычча*.

Деепричастная форма на *-бычча* рассматривается якутскими лингвистами в качестве наречия.

Точка зрения Е.И.Убрятовой относительно принадлежности формы на *-бычча* к разряду наречий в некоторой степени отличается от предыдущих.

Эту форму, как полагает Е.И.Убрятова, следует отнести к деепричастным формам, так, как она, подобно

другим деепричастиям якутского языка, выражает действие, соотнесенное в определенном отношении с другим действием.

Рассмотрим примеры: *Үлэбитин бүтэрбиччэ, ооннь-оон ылыабын – Поскольку мы кончили работу, давайте немного поиграем* и т.д. [61, с. 43].

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на типологическую схожесть, деепричастные формы на *-ганча*, *-ынджа*, *-бычча* в современных тюркских языках семантически абсолютно не совпадают.

Деепричастие на *-ынджа*⁴ зарегистрировано не только в современных тюркских языках, но и в древнетюркских письменных памятниках. В языке древнетюркских памятников аффикс данной деепричастной формы функционировал в трех фонетических вариантах: *-ганча*, *-гинче*, *-гунча*, *-гунче*; *-ынджа*, *-инче*, *-унча*, *-унче*; *-гыче*, *-гиче*, *-гуча*, *-гуче*.

В современных тюркских языках аффикс деепричастия на *-ынджа*⁴ употребляется, преимущественно, в четырёх вариантах. В отдельных современных тюркских языках в этой деепричастной форме могут употребляться два варианта аффикса, т.е. четырехвариантная форма *-ынджа*⁴ с узкими гласными в начальном слоге и двухвариантная форма *-анджа*, *-эндже* с широким гласным в упомянутом слоге. Это явление встречается в крымскотатарском, туркменском, кумыкском, ногайском, караимском, узбекском и киргизском языках.

Четырехвариантная форма аффикса с узкими гласными (*i*, *i*, *u*, *ü*) употребляется в азербайджанском, турецком, гагаузском, карачаево-балкарском, уйгур-

ском, тувинском языках и в древнетюркских письменных памятниках.

Рассматриваемая деепричастная форма в татарском, башкирском, казахском, каракалпакском, алтайском, хакасском и шорском языках наблюдается лишь в двухвариантной форме с широкими гласными (- а/ - е).

Для наглядности приведем нижеследующую таблицу.

Таблица двух и четырехвариантных аффиксов деепричастия на - *ынджа*⁴, - *анджа*², - *гъынча*⁴, - *гъанча*².

<i>Двухвариантная форма аффиксов с широкими гласными - а, - е, - о, - ө</i>	<i>Четырехвариантная форма аффикса с узкими гласными - и, - і, - и, - й</i>	<i>Двух-четырёхвариантные формы аффикса с широкими гласными - а, - е, - о, - ө и с узкими гласными - и, - і, - и, - й</i>
Казах. -ганша, -генше, -канша, -кенше	Карач.-балк. -гъынчы, -гинчи, -гъунчу, -гюнчю; -хынчы -хинчи, -хунчу, -хюнчю	Кумык. -гъыча, -гинче, -гъунча, -гюнче/ -гъанча, -генче
К.-калп. -гъанша, -генше, -къанша, -кенше; -гъаншалы, -геншели, -къаншалы, кеншели	Турец. -inсе, -ипса, -ийсе; -уипсе, -уипса, -уийсе	Караим. -ганча, -генче, -канча, -кенче (крым. диал.), -гынча, -гинчя, -гунча, -гюнчэ, -кынча, -кинчэ, -кунчя, -кюнчя (тракайский диал.), -гынча, -гинче, -гунча, -кынча, -кинче, -кунча (га-

**Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)**

		<i>лицкий диал.)</i>
Тат. -ганчы, - гәнче, -канчы, - кәнче	Азерб. -ипса, -ипсә, - ипса, -йипсә; -уипса, - уипсә, -уипса, -уйипсә	Крым.-тат. -ганче, - генче, -канче, - кенче, -гынче, - гинче, -гунче, - гюнче, -кынче, - кинче, -кунче, - кюнче (северный диалект); -ынже, - инже, -унже, - юнже (южный диалект)
Башк. -ганса, - гәнсә, -канса, - кәнсә	Гаг. -ынжа(к), инжә(к), ун-жак(к), үнжә(к), йынжа(к), йунжак(к), йүнжә(к)	Ног. -гъанша, - генше, -къанша, - кенше, -гъышай, - гишей, -къышай, - кишей, -гъыши, - гиши, -къышы, - киши, -къышек
Алт. -ганча, - генче, -гончо, - гӧнчӧ, -канча, - кенче, -кончо, - кӧнчӧ//ейче	Уйг. -гичә, -гичә, - қичә, -кичә	Туркм. -ынча, -инчә, -йынча, -йинчә, - янча, -йәнчә
Хакас. -ганча, - генче, -ханча, - кенче, -анча, -	Тув. -гыже, -гиже, - гуже, -гүже, -кыже, -киже, -куже, -күже	Узб. -гунча, -кунча, қунча// -ганча

<i>енче</i>		
Шор. -ганче, -генче, -канче, -кенче	Памятники древнетюркской письменности: -гынча, -гинче, -гунча, -гӱнче, -ынча, -инче, -ун-ча, -ӱнче, -гыча, -гиче, -гуча, -гӱче	Кирг. -ганча, -генче, -гончо, -гӧнчӧ, -канча, -кенче, -кончо, -кӧнчӧ » в произношении; -гыча, гиче, -гуча, -гӱче, -кыча, -киче, -куча, -кӱче
	Тоф. -кышы, -кӱше, -куша, -кӱше, -гыша, -гӱше, -гуша, -гӱше	

Как вытекает из таблицы, одна часть современных тюркских языков употребляется с двухвариантными аффиксами на *-гъанча²*, *-йанджа²*, другая - с четырехвариантными аффиксами на *-гъынча⁴*, *-йынджа²*, а остальные тюркские языки функционируют как с двумя, так и с четырехвариантными аффиксами деепричастия на *-гъынджа*, *-гъанджа*; *-йынджа*, *-йанджа*.

Деепричастная форма на *-гъынча⁴*, *-гъанча²* широко распространена в тюркских языках кыпчакской группы. Фонетический вариант на *-ынджа⁴* распространен в основном в тюркских языках огузской группы. Однако эту форму можно встретить и в тюркских языках кыпчакской группы. К примеру в крымско-татарском языке (южный диалект): *-ынже*, *-инже*, *-унже*, *-юнже*.

Вариант *-ынже* из тюркских языков огузской группы наблюдается лишь в современном гагаузском языке. В гагаузском языке этот вариант функционирует с формантом (*к*).

**Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)**

Отметим, что форма на *-ынжа(к)*⁴, *йынжа(к)*⁴ с формантом (к) в конце аффикса, зарегистрированная в гагаузском языке, наблюдается также в диалектах азербайджанского и турецкого языков, а также в туркменском языке.

Например: азерб.яз. нух. диал. *Yerinnən duruncax yutağını hazırıyrət* [183, с.154]; казах. диал. *-ınja/-ınca+ x/q*, *-ıncek –alıınja* - как только купил, *gəlinja* - как только пришел; карабах. казах. диал. - *görünjəx* - как только увидел и т.д.; тур. яз. анатол. и румел. диал. - *bahar gelincek* - когда наступит весна [127, с. 478], *gelincek* - как только придешь, *verincek* - как только дашь (анатол. диал. тур. яз.) [246, с. 186].

Аналогичный фонетический вариант этого аффикса зарегистрирован также и в ногайском языке: *-кьышек*.

Деепричастие на *-ынжа* в современном гагаузском языке, как отмечает Л.А.Покровская, может употребляться и в форме *-ынжаан / -инжяйн*, *-унжаан*, *-үнжяйн*, *-йынжаан*, *-йунжаан*, *-йүнжяйн* [109, с. 245].

Этот факт наблюдается и в карачаево-балкарском языке: *-гьынчын/-гьунчун - сатхынчын, эннынчин* [141, с. 81].

Показательно, что деепричастие на *-ындже* с согласным *-н* в конце аффикса встречается в большинстве диалектов и говоров современного азербайджанского языка.

Приведем примеры: бакин. диал. азерб.яз. - *uni başa salıncan tənıtkı tənə gəldi* - пока я ему объяснял, то весь извелся [198, с.126]; нахч. диал. азерб. яз. *-ıncan, -ııncan - siz yazıncan, biz evə gedib gələrix* - пока вы будете писать, мы пойдем домой, а потом вернемся [167, с. 143]; нух. диал. азерб.яз. - *Mən gəlincən işdən gördüm hər şey həzirdi* - Когда я пришел домой, то увидел, что все было готово [183, с. 154]; кубин. диал. азерб.яз. - *ıdarədən öyə*

gəlinçən lap islandım – когда я шел домой с работы, то весь промок [196, с. 180] и т.д.

Относительно происхождения фонетического варианта - *гъынча*, -*гинче*, -*гъунча*, -*гюнче* аффикса деепричастия на -*ынджа*⁴, -*анджа*² в тюркологии имеют место различные точки зрения.

По-мнению большинства исследователей, вариант -*гъынча*⁴ аффикса исследуемого деепричастия является сложным и состоит из аффикса глагольного имени -*гъын*, -*гин*, -*гъун*, -*гюн* или причастия на -*н* и из аффикса -*ча*, *че*.

«Некоторые аффиксы, как отмечает А.Э.Мешадиева, приобрели самостоятельное значение слов (например: *liq-polnıy*, *polno*, *polnym-polno* - в узбекском и уйгурском языках), а остальные, наоборот, произошли от самостоятельных слов (например: -*daş*, -*ça*, -*dek/-day*)» [76, с. 249-292].

Словообразовательный аффикс наречия - *ча* образован, как полагает А.Н.Кононов, «от слова -*ça* / -*çağ* - *мера, время*» [57, с. 108].

Как видно, аффикс - *ча*, относится некоторыми учеными к разряду аффиксов, которые берут свое начало от самостоятельных слов. Аффикс -*ча*, -*че* именуют либо как частицу [27, с. 65], либо как аффикс наречия [42, с. 40-407; 57, с. 108].

Многие исследователи отождествляют причастный аффикс -*гъын*, -*гин*, -*гъун*, -*гюн* с аффиксом -*гъан*, -*ген*, от которого, следовательно, образовался вариант -*гъанча*, -*генче* деепричастного аффикса.

Относительно этимологической общности деепричастных аффиксов -*гъанча*, -*генче* и -*гъынча*, -*гинче*, -*гъунча*,

-гюнче Н.К.Дмитриев пишет: «По существу эти формы одинаковы. Первая восходит к форме на *-гъан/-ген, -къан/-кен...*, а вторая восходит к форме на *-гъын/-гин, -къын/-кин и -гъун/-гуьн, -къун/-куьн*. Формы на *-гъан* и т.д. и на *-гъын* и т.д. родственны по значению и по происхождению: последняя лишь указывает на более статическое понятие и подходит ближе к прилагательному типу русских «*беглый, лежащий, стоячий*», а первая содержит в себя больше динамичности и может быть отнесена к разделу причастий типа русских «*бегающий, лежащий, стоячий*». В большинстве языков тюркской системы вторая форма сведена к категории рудиментарных образований. То же мы имеем в кумыкском» [40, с. 145].

Варианты аффикса с узкими гласными в первом слого, как считают А.Н.Самойлович, М.Аскарлова, а также авторы «*Грамматики алтайского языка*», образованы из тюркского причастия будущего, которое оканчивается на *-гу* и частицы *-ча* и вставочного *-н* [120, с. 65; 8, с. 23; 27, с. 65].

Показательны высказывания авторов «*Грамматики тувинского языка*»: «В диалектах некоторых языков широкий гласный аффикса *-ган* превратился в *-ы (-гын)*, а в уйгурском и тувинском этот аффикс в результате своего дальнейшего фонетического развития утратил конечный *-н* и превратился в *-гы/-ги...* Некоторые исследователи видят в этой глагольной форме древнее глагольное имя на *-гы* (например, *бар-гы*), сращенное с наречным аффиксом *-че/-ча (-чак)*, но преимущественное употребление первого элемента сращенного аффикса в современных тюркских языках в виде *-ган/ -...(-ганча//...)* приводит нас к мысли, что в этой глагольной форме имеется сращенное с аффиксом *-ча* причастие на *-ган...* аффикс кото-

рого в современных уйгурском и тувинском языках перешел в *-гы, -ги-* (уйг. *гича* и тув. *гыже*)» [49, с. 406-407].

Следует указать, что это деепричастие рассматривается также в качестве падежной формы причастия на *-гъан, -ген* и на *-гъын, -гин, -гъун, -гюн*.

Аналогичную точку зрения разделяет Г.И.Рамstedт: «Различные падежные формы этого причастия (т.е. на *-гъанче*) выступают в функции глагольных определений: тюрк. *alyanča, alyandan* и т.п.» [115, с. 135]. Г.И.Рамstedт также пишет: «Новые причастные образования этого типа (т.е. *-гъын* А.М.) в настоящее время в тюркских языках уже как будто не встречаются, однако, будучи оформленные падежным суффиксом *-ča*, они еще и сейчас используются как наречия, например: уйг. *män kalginčä-пока я не приду; küci jitginčä - пока хватит силы; тур. görünse - лишь только он увидел, gelince - когда, пока, как только он придет, almaınca - не беря, akşam olmaınca - пока еще не наступил вечер, до наступления вечера*. В качестве равнозначной формы этот суффикс имеет в большинстве тюркских языков общий тип деепричастия: в тур. *-dikça*, кайт., карагас. *-ganča* и в вост.- тюрк.- *үйсә*)» [115, с. 137-138].

Некоторые выводы Г.И.Рамstedта, на наш взгляд, не выдерживают критики.

Во-первых, аффикс *-ча/-че* в большинстве современных тюркских языков является показателем наречия, а также в отдельных случаях встречается в составе послелогов.

В качестве же падежного аффикса, как пишет А.Э.Мешадиева, «Показатель *-ча, -че* среди тюркских языков встречается лишь в тувинском и шорском языках:

тув. *кетсе-* к реке и т.д.». А также «Следы этого направительного значения в реликтовой форме мы можем наблюдать в других тюркских языках. Например, эта форма наблюдается в составе послелогов: тат. – *бууиңса*; азерб.- *бууиңса* - в течение, вдоль» [189, с. 78].

Следует подчеркнуть, что показатель *-ча,-че* в составе падежей обозначает направление, т.е. падеж, оформленный этим аффиксом, является направительным.

Мы полагаем, что между аффиксом направительного падежа *-ча/-че* и показателем *-ча/-че* в составе деепричастия на *-ынджа/-гъанча*, восходящей к слову *чакъ*, которое означает - *время, пора, момент* нет никакой аналогии.

Деепричастие на *-ынджа⁴, -гъынча⁴*, на наш взгляд, образовалось именно посредством аффикса *-ча/-че*, восходящего к слову *чакъ-* (*время, пора*), так как данное деепричастие в современных тюркских языках в основном передает временной оттенок.

Во-вторых, как нам представляется, словосочетания подобно «уйг. *tän kälginçä* - пока я не приду; тур. *görünce* - лишь только он увидел; *altaıncsa* - не беря» и т.д., приведенные Г.И.Рамstedтом едва можно отнести к разряду наречий.

Общеизвестно, во многих тюркских языках деепричастие на *-ынджа⁴ / йынджа⁴* не принимает аффиксы лица и числа. Вместе с тем, в некоторых современных тюркских языках данная деепричастная форма сочетается с личными аффиксами (исторически аффиксы принадлежности).

Это явление имеет место в карачаево-балкарском, узбекском, каракалпакском, туркменском, тувинском, алтайском, шорском и др. языках.

Например: шор. *өлгемче-* до тех пор, пока я не умру [44, с. 107]; к.-калп.- *дэжеткенимше* -пока я доехал [16, с. 472]; тув. *алгыжемче-* пока я не возьму, *алгыжеңче* - пока ты не возьмешь [49, с. 405]; узб. (мен) *ёзгунимча* – до тех пор, пока я не напишу [57, с. 244]; алт. *кёрбөгөнибисче* - пока мы не видели [43, с. 139]; туркм. *гәлйәнчәм* - пока я не приеду, *гәлйәнчән* - пока ты не придешь; *гәлйәнчәниз-* пока вы не придете [42, с. 414-417]; карач. -балк. *келгенлейинче* - как только ты придешь (сюда) [141, с. 79] и т.д.

В тофаларском языке деепричастный аффикс *-кыша*, *-кіше*, *-куша*, *-күше/* *-гыша* сочетается с показателями личной принадлежности и аффиксом дательного-направительного падежа: *Сен бар, сен келгішенге олырар мен - Ты иди, я посижу, пока ты не придешь.*

Это относится ко всем лицам, как единственного, так и множественного чисел. Исключением является 3-е л. ед. ч. В 3-е л. ед. ч. к аффиксу не присоединяются ни показатель принадлежности, ни дательного-направительный падеж.

К примеру: *Он келгіше манав ольер - сиди и жди, пока они придут* [116, с. 180].

Отметим также, что это деепричастие в тофаларском языке не имеет отрицательной формы.

Из примеров явствует, что аффиксы лица, присоединяемые к исследуемой деепричастной форме, в основном находятся между первым и вторым элементами данного вторичного деепричастия, т.е. перед вторым элементом *-ча/-че*. Лишь в туркменском языке аффиксы лица этого деепричастия находятся в конце, т.е. после второго элемента *-ча/-че*.

Относительно отрицательной формы деепричастия на *-ынджа*⁴, *-анджа*², *-ганча*², *-гынча*⁴ отметим, что данные деепричастные формы имеют аспект отрицания почти во всех современных тюркских языках кроме карачаево-балкарского, кумыкского и тофаларского языков.

Приведем примеры: азерб. *Mən gəlməyincə, evdən çıxma* - *Пока я не приду, не выходи из дома*; тур. *göz görteyince gönül katlanır*- [214, с. 433]; узб. *Узим бормагунимча кампирнинг кунгли тулмайти* - *Пока я сам не пойду, сердце старухи не успокоится* [57, с. 244]; казах. *алмайынша* - *до тех пор, пока не взял* [38, с. 151]; к.-калп.- *Ол келмегенше мен сизди джибермеймен* - *Пока он не пришел, я вас не отпущу* - [16, с. 472]; тат.- *Без офыка кумелгәнче* - *Пока мы не исчезли за горизонтом...*[131, с. 229]; башк. *Мин килмәйенсә ул бынан китмәс* - *Пока я не приду, он не уйдет отсюда* [41, с. 188], алт. *мен божобогончо, сен дъанба* - *пока не освобожусь, ты не уходи* [43, с. 139]; шор. *таппаанче* - *до тех пор, пока не пойду* [44, с. 107]; хакас. *килбеенче* - *пока не пришел, пока не приехал* [45, с. 83]; тув. *келбээжемче* - *пока я не приду* [49, с. 405]; кирг. *чакырмайыча* - *пока не позовешь* [138, с. 9]; др.-тюрк. *генчип эдгү кылынчлыг ишлэркэ ынанмагынча бу инчсизтин айыглы савыннын адырты йок* - *Пока ты не веришь добрым делам, из-за этого беспокойства у тебя нет различия между (хорошими и) плохими словами* [54, с. 114].

В алтайском языке наряду с отрицательной формой *бөгөнчө, богончо, баганча, бегенче* наличествует также форма *байынча–бейинче (бейчи)*. Например: *көрбөйинчө (көрбөйинче) болбос, көрбөгөнчө болбос* и т.д. [43, с. 139].

Как видно из примеров, аффикс отрицания *-ма/-ме* в алтайском, шорском и хакасском языках имеют различ-

ный фонетический вариант - бо⁴- в алтайском, -па²- в шорском, -ба²- в хакасском- божобогончо, таппаанче, килбеенче.

В тюркологической литературе представлено несколько точек зрения касательно происхождения отрицательного аффикса -майынча/-мейинче.

Одни тюркологи полагают, что данный отрицательный аффикс генетически не связан с аффиксом -гъынча⁴/ -гъанча² [41, с. 187; 138, с. 9].

Аффикс -майынча, как полагают тюркологи, сложился из аффикса отрицания -ма, древней деепричастной формы -йын и аффикса -ча от слова чак.

Однако Ю.Д.Джанмавов склоняется к иной точке зрения: «По нашему мнению, аффикса -майынча/ -мейинче генетически связан с аффиксом -гъынча, -гинче, -гъунча, -гюнче// -гъанча-генче и поэтому его второй слог к аффиксу древней деепричастной формы на -йын, -йин никакого отношения не имеет». Далее отмечает: «Аффикс -майынча, -мейинче разлагается на аффикс отрицания -ма, -ме и на -йынча, -йинче, который образовался от аффикса ~ гынча, гинче в результате перехода в -й его начальных согласных гъ и г, т.е. -магъынча, мегинче > -майынча, -мейинче» [38, с. 152].

На наш взгляд, в тюркских языках -майынча/ -мейинче всего лишь сочетание общетюркского отрицательного аффикса -ма/ -ме с деепричастием на -ынджа⁴, -анджа²; -гъынча⁴, -гъанча². Рассматривание сочетания аффиксов (аф. -ма/ -ме + аф. деепричастия на -ынджа⁴, -анджа², -гъынча⁴, -гъанча²) в качестве отдельного отрицательного аффикса представляется нам необоснованным.

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

Свидетельством того, что *-майынча/ -мейинче* не более чем сочетание аффикса отрицания *-ма/ -ме* и аффикса деепричастия *-ынджа, -гъанча, -гъынча* может служить тот факт, что отрицательный аффикс *-ма/ -ме* в современных тюркских языках присоединяется почти ко всем деепричастным аффиксам, образуя тем самым отрицательную форму деепричастных аффиксов.

Рассмотрим для наглядности несколько примеров: дееп. аф. на *-арак/ -эрек* + аф. отриц. *-ма/-ме* - тур. *birak-tayarak* - *не отпуская*; азерб. *eşitməyərk* - *не услышав*; кумык. *гелгенли- гелмегенли* - *с тех пор, как вы не были*; ног. *кьормегенли* - *с тех пор, как не видел*; алт. *келбегели* - *с тех пор, как не приезжал* и т.д.

Как явствует из примеров, аффиксы *-тәүәрәк/ -тауарак, -мегенли, -бегели* являются отрицательными формами деепричастий, а не отдельными аффиксами отрицания.

Отметим, что в отдельных тюркских языках деепричастия на *-ганча, -генше, -гъанша* перешли в разряд наречий, например: узб. *чопганча* - *вскачь*; югурганча-бегом [57, с. 244]; к.-калп.- *ёлгенше* - *пожизненно, до смерти*; *кьулагъанша* - *до упаду* [16, с. 472].

В каракалпакском языке деепричастие на *-гъанша/ -къанша*, сочетаясь с другими основами глагола, может выступать в качестве формальной частицы в слове: *пискенше къайнат* - *докипятить*; *джеткенше къаз* - *докопаться* [16, с. 473].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что:

1. Деепричастие на *-ынджа*⁴ может употребляться как в четырех (с узкими гласными *-ы, -и, -у, -ю*), так и в двух (с широкими гласными *-а, -е*) вариантах. По типу

употребления вариантов деепричастного аффикса *-ынджа*⁴ современные тюркские языки можно подразделить на 3 группы. В первой группе тюркских языков деепричастный аффикс *-ынджа*⁴ имеет форму *-ганша*, *-ганча*, *-ганса* и употребляется лишь с широкими гласными (*-а*, *-е*, *-о*, *-ö*). К этой группе относятся: *казахский*, *каракалпакский*, *татарский*, *башкирский*, *алтайский*, *хакасский*, *шорский* языки.

Во второй группе деепричастный аффикс *-ынджа*⁴ имеет варианты *-гъынча*, *-ынджа*, *-ынжа*, *-гича*, *-гиче*, *-кыша* и употребляется лишь с узкими гласными *-и*, *-і*, *-и*, *-й*.

Ко второй группе относятся: *карачаево-балкарский*, *турецкий*, *азербайджанский*, *гагаузский*, *уйгурский*, *тувинский*, *тофаларский* языки и памятники древнетюркской письменности.

В третьей группе данный деепричастный аффикс выступает в формах *-гъыча*⁴, *-ганча*, *-гъынча*⁴, *-ынже*, *-гъанша*, *-ынча*⁴, *-гунча*, *-ганча* и сочетается как с узкими гласными (*-и*, *-і*, *-и*, *-й*), так и с широкими гласными (*-а*, *-е*, *-о*, *-ö*).

К данной группе относятся: *кумыкской*, *караимский*, *крымско-татарский*, *ногайский*, *туркменский*, *узбекский*, *киргизский* языки.

2. Деепричастие на *-гъынча*⁴, *-гъанча*² распространено преимущественно в тюркских языках кыпчакской группы. Деепричастная форма на *-ынджа*⁴ встречается главным образом в тюркских языках огузской группы.

Показательно, что данная форма зарегистрирована и в тюркских языках кыпчакской группы; например: *крым.-татар.* - (юж. диал. *-ынже*, *-инже*, *-унже*, *-юнже*).

3. В отдельных тюркских языках деепричастие на *-ынджа*⁴, *-ганча*², *-гынча*⁴ принимает личные аффиксы (исторически аффиксы принадлежности). Это явление

имеет место в каракалпакском, узбекском, карачаево-балкарском, тувинском, алтайском, шорском и туркменском языках.

4. Отрицательная форма деепричастий на *-ынджа⁴*, *-ганча²* наблюдается почти во всех современных тюркских языках, кроме карачаево-балкарского, кумыкского, и тофаларского языков.

Деепричастие на арак² (-arak²)

Деепричастие на *-арак*, *-ерек*, *-(й)арак*, *-(й)эрек* наблюдается главным образом в современных тюркских языках огузской группы (азербайджанском, турецком, гагаузском). Данная деепричастная форма в тюркских языках огузской группы была подробно описана в работах А.Н.Кононова, Ж.Дени, В.А.Гордлевского, Н.К.Дмитриева, Л.А.Покровской, М.А.Казымбека, В.Банга, Т.Бангуоглу, А.Дж.Эмре и др.

Форма на *-арак*, *-ерек* в современном азербайджанском языке была тщательно исследована В.Алиевым в монографии «Деепричастие в азербайджанском языке» (Баку, 1989 г.). В.Алиев аналогично В.А.Гордлевскому, М.А.Казымбеку, Ж.Дени, А.Дж.Эмре, В.Бангу и Т.Бангуоглу склоняется к точке зрения, согласно которой деепричастие на *-арак*, *-ерек* образовалось в результате слияния деепричастного аффикса на *-а*, *-е* + аффикса сравнительной степени *-рак*, *-рек*.

Разделяя это деепричастие на две части (*араг*), М.А.Казымбек указывает, что этот аффикс образует деепричастие, обозначающее продолжительность действия [50, с. 267].

В.А.Гордлевский также разделяет данную точку зрения. Деепричастный аффикс на *-арак*, *-ерек*, по В.А.Гордлевскому, образовался в результате слияния деепричастного аффикса на *-а* и аффикса *-рак* [26, с. 50].

Н.А.Баскаков рассматривает аффикс *-рак/-рек* как сочетание аффиксов *ir+ak²*; *ir+ek²*. Вместе с тем, Н.А.Баскаков не дает трактовку своего предположения.

А.Н.Кононов придерживается несколько иного мнения относительно происхождения деепричастия на *-арак/-ерек*.

Так, А.Н.Кононов пишет: «Я предлагал разлагать аффикс *-(y)arak* на два элемента *(y)ar+ak*, где *(y)ar* < *garu-* аффикс настоящего-будущего времени. Несколько уточняя теперь свою этимологию, я вижу в элементе *-ак* имя существительное (*ок*) со значением «время»» [56, с. 476-477]. Вслед за этим А.Н.Кононов подчеркивает, что глагольная форма на *(y)ar* выступает в определительной функции к слову *ок*; сочетание *-(y)ar+ок* > *(y)arak* в результате грамматикализации превратилось в особую форму, которая стала выступать в функции временной характеристики действия, а последняя иногда переходит в обстоятельство образа действия: *koşarak geldi* - *бежа пришел* > *бегом прибежал* [56, с. 476-477].

В тюркологических работах этимология аффикса *ок* интерпретируется учеными по-разному.

Относительно происхождения вышеназванного аффикса Н.К.Дмитриев пишет: «С некоторой долей вероятия восходит к семантически полному слову *окъ/ укъ* «стрела» и далее «миг» и «момент»» [40, с.154].

Нам представляется, что наиболее логичными, являются соображения А.Н.Кононова и Ю.Д.Джанмавова.

Так, Ю.Д.Джанмавов отмечает: «По-нашему мнению, аффикс *окъ* непосредственно восходит не к полнозначному слову *окъ* «стрела», а к усилительной частице *окъ* - *же, даже, именно, очень*, которая очень часто употребляется с разными категориями слов в кумыкском, так и в некоторых других тюркских языках для выражения высшей степени качества, признака, для выражения совершения действия раньше обычного предела и т.д.; кумык. *яхиокъ* - *особенно хорошо* и т.д.».

Далее он подчеркивает: «Не исключена возможность, что к слову *окъ* со значением «*время, пора, момент, мгновение, миг*» восходит и наречие *окътундан* – *скоропостижно, неожиданно, внезапно, мгновенно*, встречающиеся в буйнакском диалекте кумыкского языка» [38, с. 187-189].

Как отмечалось выше, сходную точку зрения разделяет А.Н.Кононов: «...я вижу в элементе *ак* имя существительное (*ок*) со значением «*время*»» [56, с. 477].

Активизация деепричастной формы на *-арак, -ерек; -(й) арек, -(й) ерек*, главным образом выражающая действие происходящее одновременно с основным действием, в тюркских языках огузской группы и в южном диалекте крымско-татарского языка, по мнению Ю.Д.Джанмавова связана с ограниченностью употребления деепричастий на *-а, -е, -йа, -йе* [38, с. 89].

Деепричастие на *-арак, -ерек* в современном турецком языке представлено весьма последовательно.

Описываемое деепричастие большей частью называют деепричастием сопроводительного действия.

Деепричастие *-арак, -ерек* в турецком языке передает значение одновременности действия с другим действием,

передаваемым главным сказуемым и является сопровождающим главного действия (обстоятельство образа действия); например: *kitabı almaya çalışarak ona yaklaştım* - Стараясь взять книгу, подошел к нему.

В современном турецком языке форма на *-арак/-ерек* функционирует в основном в качестве соединительного деепричастия: *Sözümü kırmayarak kaldı* - Он остался, чтоб не обидеть меня; *Birçok da borç bırakarak ayrılmış* - Погрязнув в долгах, уехал [214, с. 429].

Как подчеркивает К.М.Любимов, деепричастие на *-арак/ -ерек*, находит широкое употребление в особых оборотах речи, например: *koşarak gelmek* –прибежать, *üzerek geçmek* - переплыть [66, с. 36-46].

В современном турецком языке форма на *-арак/-ерек* обозначает:

а) действие, происходящее одновременно с действием основного сказуемого: *Erken kalkıp kahvaltı ederek okula gitmeliyiz* - Мы, проснувшись рано и позавтракав, должны отправиться в школу; *Yusuf içinde hafif bir ürperme duyarak sordu* - Юсуф, чувствуя в теле легкую дрожь, спросил... [275]; б) однородное обстоятельство: *Kız bahçede çocuklarla oynuyarak, dans ederek, şarkı okuyarak eğleniyordu* - Девочка развлекалась в саду с детишками, играя в игры, танцуя, распевая песенки; в) действие, которое предшествует действию, передаваемому главным сказуемым, например: *Melek cüzdani masanın üzerinden götürerek çantasına koydu.* - Мелек, взяв со стола кошелек, положила его в сумку.

Следует заметить, что в большинстве случаев в турецком языке при употреблении в составе предложения двух однородных обстоятельств, первое из них

**Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)**

выражается деепричастием на *-(y)ıp*, второе – деепричастием на *-(y)arak*.

Рассмотрим пример: *Kalkıp giyinerek sokağa çıktım - Встав и одевшись, я вышел на улицу* [276].

Необходимо отметить, что деепричастные формы от глагола *olmak* - *быть, стать, становиться* - *olarak* - в сочетании с прилагательными образуют наречия, а в сочетании с именами существительными - наречные обороты - *kesin olarak* – *категорически*, *basit olarak* - *просто*, *öğretmen olarak çalışmak* - *работать в качестве учителя, работать педагогом*, *hediye olarak vermek* - *дать в качестве подарка* и т.д.

Отдельные словосочетания, в составе которых имеет место форма на *-arak/ -erek*, функционируют в качестве устойчивых глагольных конструкций: *sirasını bularak* - *при случае* и т.д.

Обращает на себя внимание тот факт, что деепричастие на *-arak/ -erek* в диалектах и говорах турецкого языка сочетается с аффиксами исходного и местного падежей.

Это явление преимущественно распространяется на диалекты и говоры турецкого иля Ризе и Мугла.

Приведем несколько примеров: диал. Мугла: *bişē õmasin diyerekden heriflen orlāda bağı bāçāsı vā mesela; yörüyerekden gelirle* (диалект) – *yörüyerek gelirler* (литер. язык) – *нешком идут* [286, с. 40; 202, с.175]; диал. Ризе: *arakten/ erekten/ erekte: “gelu” diyor, “şindi nerdeyse” diyerekten; bindi, bi şey yaptı, bi marifet yaptı, kuşlar bağladı altına ustine, et kodi falan diyerekte...*[246, с. 267].

Деепричастная форма на *-arak/ -erek* в анатолийских диалектах современного турецкого языка зарегистри-

рована также в следующих фонетических вариантах: -*alakdan/-elekden*; -*arahdan/-erehden*.

Рассмотрим несколько примеров: *Çahal goşarahdan geliyür* – *Шакал прибегает*; *diyelekden= diyerekten* – *сказав* [220, с.190].

Как видим, в анатолийских диалектах турецкого языка наблюдаются звуковые соответствия: -*r/-l*; -*k/-h*.

Форма на -*арак/ -ерек* в современном азербайджанском языке рассматривается в качестве нового явления. Поскольку, в письменных памятниках азербайджанского языка, написанных до XIX века, не зарегистрированы факты использования этого деепричастия.

Причиной этому, по Г.Мамедову, является то, что для выражения состояния осуществления действия прежде активно употреблялись другие деепричастные формы [69, с. 13].

В азербайджанском языке категория лица и времени деепричастия на - *арак/ -ерек*, выступающей в предложении в роли зависимого однородного сказуемого (эта черта характерна лишь деепричастиям на -*ын⁴* и -*арак²*) зависит от глагола предложения, следующего после данного деепричастия: *Onlar çörəyi tikə-tikə kəsərək mis kasadakı pendirdən onun arasına qoyur və iştaha ilə yeyirdilər* [182, с. 220].

Деепричастие на - *арак/ -ерек* в азербайджанском языке функционирует в простых предложениях в следующих значениях: а) выражает образ действия основного глагола простого предложения: *Nərgiz ağlayaraq dedi*; б) обозначает причину совершения действия основного действия: *Əhməd həyatının çətin anlarını xatırlayaraq kədərləndi*; в) передает время совершения действия

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

основного глагола: *Qeyinib qurtararaq gəlib əyləşdi*. Следует указать, что в данном значении деепричастие употребляется эпизодически.

В современном азербайджанском языке, идентично турецкому языку, форма на -*арак/ -ерек* обозначает также одновременное действие.

Рассмотрим примеры: *Nəriman instituta qəbul edilərək müasir Azərbaycan dili kafedrasında işləməyə başladı* - Нариман, наступив в институт, начал работать на кафедре современного азербайджанского языка.

Это предложение можно составить другим способом: *Nəriman instituta qəbul edildi, müasir Azərbaycan dili kafedrasında işləməyə başladı*.

И в том и другом случаях эти предложения являются простыми предложениями с однородными членами. Различием между этими предложениями является то, что в первом предложении первое однородное сказуемое является зависимым, а во втором предложении – независимым. Это мотивируется тем фактом, что в первом предложении действие первого сказуемого совершается деепричастием, а во втором – спрягаемым глаголом.

Деепричастная форма на -*арак/ -ерек* в современном гагаузском языке нередко присоединяется непосредственно к глаголу в личной форме. Это деепричастие, употребляясь с глаголами, которые выступают также как служебные глаголы (к таковым относятся глаголы: *калмаа, гелмйй, гитмйй, дурмаа* и др.), обозначает образ действия: *качарак гидерим* - я бегу.

Приведем примеры: *Инсан кырда ишлеер, тюркү чаларак* - Люди работают в поле с песнями (букв. играя песни) [109, с. 243].

В соответствии с фактическими материалами, форма на *-арак/ -ерек* в гагаузском языке сходятся с прилагательным-наречием. Кроме того, рассматриваемое деепричастие в отдельных случаях принимает уменьшительный аффикс *-жык, -жик, -жук, -жүк*: *качаражык - бегом, бегошеньки* [109, с. 244].

Как подчеркивалось выше, деепричастная форма на *-арак/ -ерек* главным образом функционирует в тюркских языках огузской группы, а именно в азербайджанском, турецком, и гагаузском языках. Тем не менее, следует указать тот факт, что форма на *-арак/ -ерек* зафиксирована также в некоторых тюркских языках кыпчакской группы.

Так, деепричастие на *-арак/-эрэк* в современном татарском языке образуется от некоторых глаголов.

Рассмотрим примеры: *авылга житәрэк – приближаясь к деревне, шаһит буларак әйтәм - я говорю как свидетель* [125, с. 259].

В отличие от других тюркских языков, в современном каракалпакском языке, деепричастный аффикс *-арак/ -ерек* сочетается не с глаголом в личной форме, а с деепричастием. Эти деепричастия в современном каракалпакском языке относятся к вторичным деепричастиям.

Деепричастия, образованные с помощью аффикса *-арак/-ерек (-ыракъ/ -ирек* в каракалпакском языке) передают значение деепричастия неполного действия.

Например: *көтерибирек – приподняв, көтерип – подняв, бюклеп - согнув, бюклемирек - подогнув* и т.д. [16, с. 473].

Деепричастие на *арак/ -ерек* рассматривается Н.А. Баскаковым как особая деепричастная форма.

Вместе с тем, Ю.Д. Джанмавов склоняется к другому мнению: «...аффикс *-ыракъ/ -ирек*, прибавляясь к деепричастиям на *-ып, -ип, -уп, -юп, -п*, передает только оттенок

в характере совершения выражаемого ими действия, а именно - оттенок неполноты действия».

Далее он отмечает: «Таким образом, данный аффикс в деепричастиях на *-ып, -ип, -уп, -юп, -п* выполняет ту же функцию, какую он выполняет при прилагательных, выражая ослабление или усиление качества и образуя тем самым степени сравнения. Поэтому формы указанного типа мы считаем деепричастиями на *-ып, -ип, -уп, -юп, -п*, имеющими аффикс *-ыракъ/ -ирек*, а не особой деепричастной формой» [38, с. 42].

Подобно Ю.Д.Джанмавову, мы также считаем, что аффикс *-ыракъ/-ирек* присоединяясь к деепричастию на *-ып⁴*, передает оттенок неполноты действия.

Небезинтересно, что случаи присоединения аффиксов формообразования, передающие разные оттенки характера совершения действия имеют место во многих современных тюркских языках; например: *туркм. середибрак дурмак - поглядывать; тат. келемсерэбрэк - чуть-чуть улыбаясь; узб. кулиброк - слегка улыбаясь; кумык. иртайыпсув - немного улыбнувшись, унутубокъ - совсем забыв; кирг. коркубураак – немного боясь; боязливо* и т.д.

Деепричастие на -алы²/–галы² (-aly²/-galy²)

Деепричастие на *-алы²/–галы²* находит широкое употребление во многих современных тюркских языках за исключением чувашского, якутского, башкирского и татарского. Данная деепричастная форма зарегистрирована также и в памятниках древнетюркской письменности. Эта форма в современных тюркских языках характеризуется рядом отличительных признаков.

Прежде чем, перейти к сравнительному анализу деепричастной формы на $-алы^2/-галы^2$, следует подчеркнуть, что этот деепричастный аффикс в современных тюркских языках претерпел значительные фонетические изменения и располагает рядом дифференциальных семантических признаков.

В данной подглаве монографии приводится грамматическая характеристика деепричастия на $-алы^2/-галы^2/-gali/-geli-$ в современных тюркских языках, выявляются и исследуются её категориальные особенности на семантико-грамматическом уровне.

Относительно происхождения деепричастного аффикса $-алы^2/-галы^2$ в тюркологической литературе представлено несколько точек зрения.

Деепричастный аффикс на $-алы^2/-галы^2$, как подчеркивает В.Г.Кондратьев, образовался посредством аффикса $-галы < -gaj$ (аффикс будущего желательного времени) + $-лы$ (выражает обладание) [53, с. 44].

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» отмечается, что этимологически деепричастный аффикс $yalu$ представляет собой форму комитатива отглагольного имени на $-qa - türk bodun oluryaly - с тех пор, как существует тюркский народ$ [127, с. 478].

Деепричастие на $-гъанлы/-генли$ в кумыкском языке, как указывает Н.К.Дмитриев, «соответствует турецкому деепричастию на $-алы^2/-галы^2$, хотя имеет другое образование» [42, с. 325].

Этимология деепричастного аффикса $-алы^2/-галы^2$ более развернуто трактуется Н.К.Дмитриевым в его «Грамматике кумыкского языка»: «Исторически нашему деепричастию в других языках тюркской системы соответствует форма на -

гъалы/-гели (> турецкое *-алы²/-галы²*), которая имела значение исходного пункта во времени для другого действия, а также имела смысл латинского супина с обозначением цели. Выводить кумыкское деепричастие из этой исторической формы нельзя, так как весьма трудно объяснить, почему из аффикса *-гъалы/ -гели* по-кумыкски получилось целых 4 варианта: *-гъанлы/ (-гъаллы)/ -генли/ (-гелли)* и *-къанлы / (-къаллы) -кенли/ -келли*. Остается думать, что кумыкское деепричастие образовалось от лежащей в основе всего кумыкского синтаксиса формы на *-гъан* через прибавление аффикса *-лы /-ли*; в результате вторичного фонетического процесса группа *н+л* дала *лл*» [40, с. 144-145].

В связи с этим Н.Т.Сауранбаев отмечает: «Во всяком случае, основной и первичной формой этого аффикса надо считать *-ala/älä*, ибо в современных тюркских языках основной будет форма *-ala* со своим мягким вариантом *-älä*» [121, с. 36].

Однако позволим себе отметить, что из двадцати современных тюркских языков, в которых наличествует данный аффикс, всего лишь восемь из них имеют фонетический вариант *-alı/-eli*.

Ввиду этого, гипотеза Н.Т. Сауранбаева о первичности формы *-ala/älä* деепричастия на *-алы²/-галы²* в современных тюркских языках нам представляется не соответствующей действительности.

Наиболее показательно предположение В.Котвича касательно первичности деепричастия на *-алы/-галы* в современных тюркских языках: «В данной связи следует принять во внимание кумыкский суффикс - *qanlı~känli, ɣanlı~ gänli (qanlı)*, который образует деепричастие со значением «с тех пор как» и может помочь выяснению вопроса о перво-

начальном строении названных суффиксов, по крайней мере тех из них, которые имеют временное значение» [63, с. 302].

К подобному мнению склоняется и Ю.Д.Джанмавов: «...первичной, исходной для всех остальных форм, встречающихся в других тюркских языках является форма -*гъанлы*, -*генли*, которая употребляется не только в современном кумыкском языке, но и в крымском диалекте караимского языка, карачаево – балкарском и ногайском языках» [38, с. 166].

Мы также присоединяемся к мнению В.Котвича, А.Н.Кононова и Ю.Д.Джанмавова о первичности формы на -*гъанлы*/ -*генли*, которая функционирует в отдельных современных тюркских языках.

Деепричастные формы на -*алы*/–*галы* зафиксированы также и в языке памятников древнетюркской письменности VIII–XII веков и наблюдаются в фонетических вариантах: -*галы*, -*гели*, -*қалы*, -*кели*. Эти деепричастия, аналогично другим современным тюркским языкам, передают значение действия, являющегося исходным моментом для действия, выражаемого основной глагольной формой (1), и цель действия (2).

В языке орхоно-енисейских памятников деепричастная форма на –*галы*/–*алы* передает в основном целевое значение: *Kisi oγly kor ölgäli törümis* – *Сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть* и т.д. [12, с. 49].

Несомненный интерес представляет следующая особенность аффикса на –*галы*/–*алы*.

Исследуемый аффикс в современных тюркских языках преимущественно функционирует в качестве деепричастного аффикса.

Вместе с тем в некоторых диалектах и говорах современных тюркских языков и в языке орхоно-енисейских памятников данный аффикс употребляется при образовании инфинитивных форм.

Как отмечено выше, в языке орхоно-енисейских памятников при помощи деепричастного аффикса на *-галы/-алы* образуется также и инфинитив.

Приведем для наглядности несколько примеров:

...эринч тиши барс энүклэгэли йэти күн болмыш - с тех пор, как эта несчастная тигрица родила детенышей, прошло семь дней; уггалы кэлти - они пришли, чтобы подчиниться; öd tänri jasar kişi oyli qor ölgäli Törümiş - время устраивает (т.е. распределяет) Бог, все сыны человеческие рождены, чтобы умереть; санагалы түсүртимиз - чтобы пересчитать, мы приказали остановиться; yinçge erklig üzgeli uçuz –изнеженного человека очень легко обидеть и т.д. [54, с.144; 65, с. 20; 152, с.95; 281, с. 272].

Форма на *-алы/-галы* зарегистрирована и в языке тюркских памятников уйгурского письма IX–XV веков. В указанных памятниках данная деепричастная форма большей частью употребляется в качестве инфинитивной формы и выступает в следующих фонетических вариантах: *-галы, -гэли, -галы, -гэли*.

Например: *Биз кэлдүк буларны һэлак қылгалы сэни қутқаргалы - Мы пришли, (чтобы) тех погубить, а тебя, чтобы избавить* [95, с. 51].

Фонетический вариант на *-гьалы/-гели* зафиксирован в каракалпакском, казахском, ногайском, уйгурском, узбекском, алтайском языках, в восточном диалекте татарского языка, в южных говорах киргизского языка, в

северных диалектах крымско-татарского языка и в памятниках древнетюркской письменности.

Приведем примеры: *к.-калт.- келгели - с тех пор как пришел*, *ног. излегели - с тех пор как искал*, *алт. баштагалы- с тех пор как начал*, *казах. көргелі -чтобы повидать*, *уйг. ойнигили - чтобы играть*, *с тех пор как играл*, *узб. келгели - чтобы прийти*, *с тех пор как пришел*, *пам. др.-тюрк. письменности- отургалы – чтобы сидеть*, *өлгәли- чтобы умереть*, *вост. диал. тат. языка - эшеткәле - чтобы услышать*, *сев. диал. крым.- тат. языка киткели - с тех пор как ушел*, *юж. гов. кирг. яз.- келгели - чтобы прийти*, *с тех пор как пришел* и т.д.

Исследуемая деепричастная форма, как подчеркивалось выше, имеет ряд дифференциальных семантических признаков.

Фактические материалы современных тюркских языков свидетельствуют о том, что деепричастие на *- алы/галы* в основном обозначает значение времени и цели. В некоторых современных тюркских языках деепричастие на *-алы/галы* может передавать как временное, так и целевое значения. К таковым относятся: *пам. др.-тюрк. письменности*, *киргизский*, *крымско-татарский*, *каракалпакский*. В ряде же остальных тюркских языков, это деепричастие употребляется преимущественно в значении цели, а временное значение является второстепенным. К этому разряду относятся: *казахский*, *узбекский* и *уйгурский* языки. В других тюркских языках оно выражает либо только целевое значение (вост. диал. тат. языка), либо только временное значение (азербайджанский, туркменский, турецкий, гагаузский, хакасский, кумыкский, ногайский, карачаево-балкарский, алтайский,

крымский диалект караимского языка). Из этого явствует, что временное значение является превалирующим значением деепричастия на *-алы²/–галы²*.

Эти значения, как видим, не имеют непосредственной связи. На этот счет показательно предположение П.М.Мелиоранского: «Каким образом эта форма совмещает в себе два столь различных значения, пока еще не удалось установить» [73, с. 39].

Деепричастие цели, по-мнению Н.А.Баскакова, генетически является общим с формами деепричастия времени на *-гьалы/-гели* [16, с. 471].

В этой связи следует также отметить, что по-мнению Ю.Д.Джанмавова значение времени является первичным, а значение цели - вторичным. Это предположение Ю.Д.Джанмавов объясняет тем, что в основе данного деепричастия лежит временная форма глагола *-гьан/-ген* [38, с. 177].

Деепричастная форма на *-алы/–галы* в отдельных тюркских языках может сочетаться с аффиксами исходного падежа и с послелогом *берли*; например: тур. *Ben tektubunuzu alalı (dan) beri iki hafta oldu* - Прошло две недели с тех пор, как я получил ваше письмо [56, с. 481]; к.-калп. - *Менинь кьызым туьгьалы бери кюнге шыкькьан джокь* - Моя дочь, с тех пор как родилась, не выходила на солнце [16, с. 471]. В современном кумыкском языке подобного рода явление неприемлемо.

Идентичный случай имеет место и в письменных памятниках азербайджанского языка. Например: *alalıdan* - с тех пор, как купил, *gələlidən* - с тех пор, как пришел и т.д.

Сочетание формы *-алы²/–галы²* с аффиксом исходного падежа *-dan/-dən* в произведениях Насими встречается не так часто.

Пример: *Saçların düşəlidən bədri zülfün tabına, ey latə tapıcı sənə eyb etmərəm nədən* (Насими, XIV век).

В староосманском языке рассматриваемая деепричастная форма встречается также в удвоенном употреблении:

*Tazə bahar olalı camalın çəmənləri
Sünbül saçın bənəfşələri dəstə-dəstədir*
(*Bursalı Əhməd Paşa*)

*Budur adət olalıdan uşbu aləm
Kişi bəhs eylər əgranilə hərdəm*
(*Ayişə Cənnəti Xatun*) [191, с. 290-291].

Деепричастие на *-алы²/-галы²* в современном туркменском языке может принимать личные аффиксы. Например: *гелелим - с тех пор, как я приехал, гиделиниз - с тех пор, как вы уехали; сен гиделин бəри мен сенден бир хат хем алмадым - С тех пор, как ты уехал, я не получил от тебя ни одного письма* и т.д. [42, с. 414].

Обращает на себя внимание следующая особенность деепричастия на *-алы²/-галы²*.

Так, данное деепричастие не имеет форму будущего времени и в предложении не может также быть причислено к глаголу будущего времени.

Фактический материал современных тюркских языков свидетельствует о том, что форма на *-алы/-галы* имеет как положительную, так и отрицательную формы.

Вместе с тем, Н.К.Дмитриев дает свою трактовку касательно отрицательного аспекта деепричастия *-алы²/-галы²* в современном кумыкском языке. Он пишет:

«...другие формы, кроме положительной, неупотребительны» [40, с. 144].

Приведем примеры: *азерб. görtəyəli, тур. görmeyeli, алт. көрбөгөли, ног. кьормегенли, казах. көртегелі* и т.д.

Необходимо указать, что в узбекском языке форма на *-алы/-галы* выступая в значении цели, не может принимать аффиксы отрицательного аспекта, а для обозначения временного значения сочетается с этим аффиксом.

Известный интерес представляет тот факт, что в кумыкском языке деепричастная форма на *-алы²/-галы²* (*-ганлы/ -генли* в кумыкском) может употребляться с деепричастной формой на *-а/ -е*, таким образом образуя с ним одно сочетание.

Заметим также, что с деепричастием на *-ганлы / -генли* употребляются лишь деепричастия на *а/ -е*, образованные от односложных глагольных основ, не имеющих на конце стечения согласных: *геле – гелегенли – с тех пор, как пришел* и т.д. Отметим, что не все деепричастные формы на *-а/-е* вышеприведенного типа могут сочетаться с деепричастием на *-гъанлы/-генли*. С формой на *-гъанлы/-генли* большей частью функционируют наиболее распространенные в разговорной речи деепричастные формы на *-а/ -е*.

Перейдем к рассмотрению еще некоторых особенностей исследуемой деепричастной формы в современных тюркских языках и их диалектах.

В научных работах, посвященных изучению деепричастий в современном азербайджанском языке, форма на *alı/ -eli* либо не затрагивается, либо причисляется к непродуктивным деепричастиям. В азербайджанском языке как

полагает В.Алиев, деепричастий, образованных посредством аффикса *alı/-eli* не существует [177, с. 87].

Нам представляется, что предположение В.Алиева ультимативно. Лингвистические источники азербайджанского языка, не позволяют утверждать о полном отсутствии деепричастной формы на *-алы²/-галы²*. Указанная деепричастная форма в азербайджанском языке преимущественно зафиксирована в художественных произведениях, в разговорной речи.

Рассмотрим примеры: *Səbri təhsildən qayıdalı iki ildir - С тех пор, как Сабри закончил учебу, прошло два года (М. Hüseyn)*; *Nərmin kəndə gələli, onu heç kim danışdırmadı - С тех пор, как Нармин приехала в деревню, с ней никто не разговаривал.*

Деепричастие на *-алы²/-галы²* представлено также и в диалектах и говорах азербайджанского языка: *alalı - с тех пор, как купил (каз., карабах., гяндж.) gedəli - с тех пор, как ушел (казах., карабах., гяндж.)* [154, с. 138].

Заметим, что в бакинском, кубинском, шемахинском диалектах и муганском говоре деепричастный аффикс выступает в фонетической форме *-anı / -əni - alanı - с тех пор, как купил, gedəni - с тех пор, как ушел* [154, с. 138].

Наиболее широкое употребление деепричастие на *alı/-eli* находит в письменных памятниках азербайджанского языка XIV-XIX-го веков.

Данное деепричастие в письменных памятниках азербайджанского языка обозначает главным образом исходный момент совершения действия и корреспондирует со значением сочетания *-andan/ -əndən bəri - с того момента, как.* При использовании рассматриваемого деепричастия, сказуемое предложения переводится

формами прошедшего или настоящего времен изъявительного наклонения: *gedəli* - с того момента, как ушел; *Ağam Beyrək gedəli içədim yox*; *Mən bu yerdən gedəli dilov olmuşam* (Книга моего деда Коркуда); *Sən gedəli mən ziyadə ağlaram* (Вагиф, XVIII век); *Düşəli eşqə xarizar oldum* (Небати, XIX век) [18, с. 16]; *Səni mələk görəli yazmaz oldi eşq günah* (Физули); *Ol gün qoyalı qədəm bağə, zinət verəli bu bağü rağə* (Месихи) [191, с. 291].

Вместо деепричастия на *-алы/–галы* в современном азербайджанском языке, а также в его отдельных диалектах употребляется деепричастие на *-əndən/–andan*; *-ənnən/ –annan*.

В современном турецком языке форма на *–алы/–галы* именуется деепричастием исходного момента. Это деепричастие применяется для объединения либо двух предложений, либо двух сказуемых при одном подлежащем. Форма на *-алы/–галы* в современном турецком языке в большинстве случаев выражает действие, предшествующее действию, передаваемому главным сказуемым.

Например: *Atike hatunla evleneli iki seneyi geçiyordu* - С тех пор, как мы поженились с Аттике Хатун прошло два года [66, с. 41].

Деепричастная форма на *-алы/–галы* в современном турецком языке иногда образует устойчивые глагольные конструкции. Отметим, что они передают те же значения. Например: *geldi gelesi, gelediden beri, gelesi beri* - С тех пор, как он приехал; *Auşe, amcasının evine geldi gelesi hep ağlıyordu* - С тех пор, как Айше приехала в дом дяди, все время плакала.

Исследуемое деепричастие в современном турецком языке передает значение развернутого обстоятельства

времени, и как упомянуто выше, указывает на исходный момент, с которого начинается действие (*с того времени как, с тех пор, как*) и т.д.

Например: *Buralara ayak basmalı tam beş yıl olmuştu - Прошло ровно пять лет, с тех пор, как ее ноги не бывало в этих местах* [56, с. 480].

Субъект действия, обозначаемого этим деепричастием в современном турецком языке, обычно выражается: 1) именем существительным или местоимением: *O kentten gideli iki ay oldu - Прошло два месяца, с тех пор, как он уехал из города; Sen gideli bir yıl oldu – Прошел год, с тех пор, как ты уехал* [197, с. 150]; 2) формой прошедшего-категорического времени.

Следует заметить, что эта форма образуется от идентичной основы, что и деепричастие: *yazdım yazalı - с тех пор, как написал, geldim geleli - с тех пор, как пришел, gitti gideli - с тех пор, как ушел* и т.д.

Приведем несколько примеров: *Kendimi bildim bileli, bütün günlerimi... bir insanı aramakla geçirmiştım - С тех пор, как я помню себя, я все мои дни проводил в поисках человека...* [276, с. 56]; 3) аффиксом принадлежности при форме на *-dik*, образованной от исходной основы, что и деепричастие: *yazdığın yazalı - с тех пор, как ты написал, gittiğin gideli - с тех пор, как я уехал, geldiğin geleli - с тех пор, как я пришел, yaptığın yapalı - с тех пор, как ты сделал* и т.д. Данная конструкция семантически совпадает с конструкцией *geldim geleli = geldiğin geleli*.

По-мнению А.Н. Кононова, разница между этими конструкциями, кроется в том, что *geldim geleli* является сказуемым придаточного предложения, а *geldiğin geleli*-центром развернутого обстоятельства времени: *Evlenedikleri evleneli- Beyoğlu'na - sade Beyoğlu'na değil, sokağa-*

beraber çıkmış değillerdi - С тех пор, как поженились, они еще не выходили вместе на Бейоглу (Пера), - да и не только на Бейоглу, а даже просто на улицу; Ayırdığım ayrılalı onu ilk defa görüyorum - Я вижу ее в первый раз, с тех пор, как я уехала [56, с. 480].

Следует указать, что деепричастие на *-алы/-галы* в современном турецком языке иногда функционирует с послелогом *beri* и сочетается с аффиксами как исходного, так и основного падежей, например: *Ayrılalıdan beri yazmadı - Он не писал, с тех пор как уехал.*

В старых османских текстах, как подчеркивает А.Н. Кононов, это деепричастие может употребляться в исходном падеже, но без послелога *beri* [56, с. 481].

Деепричастие на *-алы²/-галы²* в современном туркменском языке передает значение предела во времени: *олар гидели, үч гүн олду - прошло три дня, с тех пор, как они ушли; Поезд дуралы, ярым солгат олды – Прошло (уже) полчаса, как стоит поезд [33, с. 377].*

В письменных памятниках туркменского языка исследуемое деепричастие употребляется в двух значениях: временном и целевом (супином). Здесь уместно обратить внимание на следующий факт: в современном туркменском языке форма на *-галы/-алы* передает только временное значение. Целевое (супинное) значение передается в данном языке другими грамматическими средствами.

Рассмотрим примеры употребления данной деепричастной формы в письменных памятниках туркменского языка: *Васлун йүзүни гөрмеді, гөз гөрели сени – Свидания твоего не увидел с тех пор, как глаза мои увидели тебя (временное значение); Безми бинасын этгели дайалы*

шахбаз герек – Чтобы воздвигнуть основу увеселительного выезда (на охоту), нужен царский сокол с сокольниковым [7, с. 39-40].

Как видим, в письменных памятниках туркменского языка употребляется два фонетических варианта исследуемого деепричастия: *-галы/-алы*.

В современном гагаузском языке деепричастная форма на *-алы/-галы* не находит широкого употребления. Данная форма встречается преимущественно в народных песнях.

Например: *Бен бу йаре гелели/ ааламадык гүнүм йок (мани) - С тех пор, как я пришла к этому милому, нет дня, чтобы я не плакала* [108, с. 251; 109, с. 70].

Касательно деепричастного аффикса *-алы/-галы* в современном каракалпакском языке, Н.А.Баскаков подчеркивает, что аффикс *-гъалы/(-гели)*; *-къалы/ (-кели)*; *гъанлы/ (-генли)* и *-къанлы/ (-кенли)*, т.е. исторически восходящей к сочетанию аффикса причастия прошедшего времени *-гъан/ -ген* и аффикса обладания *-лы/ -ли*; *гъанлы/ -генли > -гъаллы/(-гелли) > -гъалы/ (-гели)* образует деепричастную форму, выражающую обстоятельство времени: *мен келгели бир ай болды - прошел месяц с тех пор, как я приехал* [16, с. 471].

Исследуемое деепричастие в каракалпакском языке иногда выступает в значении, как деепричастия времени, так и цели. Например: *Джан кетер халаткъа келдим сендин айра болгъалы, кйнълим истер дем-бе-дем дийгер зыйарат къылгъалы - Я дошел до состояния смерти с тех пор, как разлучился с тобой, мое сердце то и дело жаждет свидания с тобой* [16, с. 471].

Форма на *-алы/-галы* в современном кумыкском языке выступает в следующем фонетическом варианте: -

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

гъанлы/ -генли, т.е. состоит из причастного аффикса -*гъан*, -*ген* и аффикса -*лы*, -*ли*; например: *баргъанлы - с тех пор, как пошел, гелгенли - с тех пор, как пришел, тергенли - с тех пор, как проверил.*

В диалектах кумыкского языка рассматриваемая деепричастная форма функционирует в несколько иной фонетической форме.

Так, в кайтакском диалекте и южных населенных пунктах буйнакского диалекта современного кумыкского языка аффикс данного деепричастия употребляется в форме -*галли/ -гелли*: *алгалли- с тех пор, как взял* и т. д. [38, с. 163].

В современном хакасском языке форма на -*алы/ -галы* именуется деепричастием предела в прошлом. Здесь описываемая деепричастная форма образуется в результате присоединения к глагольной основе аффиксов - *гали/ -гели*; -*хали/ -кели*; -*али/ -ели*. Это деепричастие в современном хакасском языке передает значение действия, со времени, совершения которого начинается действие основного глагола.

Например: *Піди сыххан нимені көрдін ме ни син, пу позын полгали даа - Достигнув такого возраста, едва ли ты видела когда-нибудь такой урожай* [34, с. 243].

Заметим, что в современном хакасском языке в данном деепричастном аффиксе после основ с конечным гласным выпадают и его начальные согласные.

Для сравнения рассмотрим несколько примеров: *килгели* (основа с конечным согласным) - *с тех пор, как пришел*, но *сөлели* (основа с конечным гласным) - *с тех пор, как говорил* и т.д.

Аналогичное явление имеет место также и в устной речи кумыкского языка: *гелегенли > гелеелли - с тех пор, как приходит* [38, с.169].

Описываемое деепричастие функционирует и в современном карачаево-балкарском языке. Оно выступает в следующем фонетическом варианте: *-гъанлы/ -генли/ -ханлы/ -къанлы/ -нъанлы/ -нъенли/ -кенли* < *гъан* + *лы* и обозначает предел во времени (*с тех пор, как*).

Например: *Сен келгенли маджал болдум - с тех пор, как ты приехал, мне стало лучше* [141, с.79-80].

В современном ногайском языке деепричастие на *-алы²/-галы²* имеет фонетическую форму *-ганлы/ -генли*.

Рассматриваемое деепричастие в ногайском языке, подобно другим тюркским языкам, передает значение обстоятельства времени со значением исходного пункта (*с тех пор, как, с того момента как*) - *йолдасымнан хат алганлы бир ай болады - прошел месяц с тех пор, как я получил от друга письмо* [30, с.257].

Следовательно, деепричастная форма *-ганлы/ -генли* в современном ногайском языке не имеет целевого значения.

Формы на *-гани/-гали* в современном узбекском языке, как полагают некоторые ученые, исходят от идентичного источника, т.е. формы *-гъанлы/ -генли* [115, с. 70-71; 16, с. 471; 138, с. 8; 57, с. 243].

По поводу этимологии деепричастной формы на *-гани/-гали* в современном узбекском языке, А.Н. Кононов полагает: «Полное совпадение значений форм на *-гани/ -гали* дает основание предполагать, что они образовались из единого источника: *-гали* < *-ганли*, *-гани* < *-ганли*. Стечение согласных *-н⁺-л* вследствие ассимиляции перешло в одном случае в *-лл* > *-л* (*-ганли* > *галли*), в другом в *-нн* > *-н* (*-ганли* > *-ганни* > *-гани*); *ўкигали* // *ўкигани* - *чтобы читать, ёзгали// ёзгани* - *чтобы писать*» [56, с. 243].

Как видим, деепричастие на *-гали/ -гани* в узбекском языке, передает только значение обстоятельства цели.

Следует заметить, что М.Аскарлова выделяет в современном узбекском языке употребление только фонетического варианта *-гани*: «В современном узбекском языке вместо этой формы употребляется форма *-гани*: *Ёмоннинг жасосин бергани тез бор - Иди быстрее, чтобы наказать врага...*» [8, с. 21].

Однако Ю.Д.Джанмавов, отмечает функционирование обеих же форм: «Видимо, наличие в современном литературном узбекском и уйгурском языках вариантов как с согласным *л*, так и с согласным *н*, является результатом проникновения в литературный язык этих двух вариантов аффикса из разных диалектов одного и того же языка, как и в кумыкском языке в деепричастиях на *-гъынча, -гинче, -гъунча, -гюнче// -гъанча, -генче*» [38, с. 167].

Аналогичный факт зарегистрирован и в современном киргизском языке. В киргизском литературном языке, как подчеркивает А.Турсунов, в большинстве случаев употребляется фонетический вариант *-ганы, -гени*, а в южных говорах того же языка эти деепричастия широко распространены в форме *-галы, -гели* [138, с. 8].

Следует заметить, что фонетический вариант на *-гани* наблюдается также в сальютском говоре башкирского языка. Однако, в указанном говоре, в отличие от узбекского и других тюркских языков, посредством данного варианта аффикса образуется инфинитив.

Приведем примеры: *Бер гыһ эпиргәне кәрәк – Нужно ему одну девочку сватать* и т.д. [67, с. 197].

Рассматриваемая деепричастная форма в данном языке передает целевременное значение. Следует подчерк-

нуть, что в отличие от других деепричастных форм, вариант на *-гали*² не принимает отрицательного аффикса.

В современном узбекском языке в исследуемом деепричастном аффиксе наблюдается нарушение небной гармонии гласных: *ёзгани*, *бергани* и т.д. В узбекском языке это явление, безусловно, связано с тем, что в этом языке довольно часто встречается нарушение закона гармонии.

Относительно вопроса нарушения сингармонизма в современном узбекском языке А.Э.Мешадиева отмечает: «...В узбекском литературном языке сингармонизм не наблюдается, а наличествует данное явление лишь в сингармонистических говорах узбекского языка» [75, с. 112].

Исследуемое деепричастие в современном уйгурском языке имеет фонетический вариант *-гили/ -гили*, *- қили/ -кили*. Деепричастие на *-гили/ -гили*, *- қили/ -кили* в уйгурском языке имеет двойственное значение, в частности передает целевые и временные отношения (*с тех пор, как*).

Рассмотрим примеры: *Шахмат ойнигили калдуқ – Мы пришли, играть в шахматы; У калгини бәш күн болди – Вот уже пять дней, как он приехал* [93, с. 90].

Таким образом, из примеров явствует, что этот деепричастный аффикс выступает в двух фонетических вариантах: первый вариант *-гили/-гили*, второй – *гини*.

Иначе говоря, в данном форманте деепричастия происходит чередование согласных *н-л* (*-гили/ -гини*) > *гини*.

Следует заметить, что деепричастная форма на *-гили* в современном уйгурском языке употребляясь с вспомогательным глаголом *бол* - *стать, быть*, выражает

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

оттенки возможности - невозможности совершения действия - *оқуғили болмайду - невозможно читать* и т.д.

Что касается современного казахского языка, то отметим, что исследуемая деепричастная форма имеет следующие фонетические варианты: *-ғалы / -гелі, -қалы / келі*. Это деепричастие в казахском языке, подобно уйгурскому и отдельным другим тюркским языкам, передает как целевое, так и временное значения.

Например: *сөйлескелі келдім - пришел поговорить; сені көрменгелі көп жыл болды - Много лет прошло с тех пор, как видел тебя и т.д.* [124, с. 320].

Следует подчеркнуть, что в современном казахском языке деепричастие на *-ғалы* с временным значением почти не употребляется. Взамен этой формы нередко употребляется причастие на *-ған* в исходном падеже с послелогом *бері*.

Аналогичный факт зарегистрирован и в кумыкском языке, например: *мен шагъардан къайтгъандан берли = къайтгъанлы, ону эки керен гӀргенмен - С тех пор, как я вернулся из города, я видел его два раза* [38, с. 177]. Приведем примеры в современном казахском языке: *келгелі оқып отыр – келгеннен бері оқып отыр; мектеп ашылғалы - мектеп ашылғаннан бері* [124, с. 320].

В казахском языке деепричастие на *-ғалы* выступает как в положительной, так и в отрицательной аспектах: *келгелі- келмегелі*.

Приметно, что причастие на *-ған*, используемое вместо деепричастия на *-ғалы* с временным оттенком значения, в отрицательном аспекте сочетается с аффиксами принадлежности и направительного падежа.

Например: *көрмегелі көп жыл болды – көрмегеніме көп жыл болды* и т.д.

Деепричастие на *-алы/-галы* в современном алтайском языке употребляясь в фонетических вариантах *-галы, -гели, -голы, -гöли, -калы, -кели, -колы, кöли*, главным образом передает временной оттенок значения (*с тех пор, как*).

Приведем пример: *Мен бу дьерге келгели, удадым - С тех пор, как я в эту местность приехал, прошло много времени (я долго задержался)* [43, с. 140].

Подобно другим тюркским языкам, данная деепричастная форма в алтайском языке имеет отрицательную форму: *Мен карындажымды көрбөгöли, төрт дьыл болды - С тех пор, как я не видел брата, прошло четыре года* [43, с. 140].

Из приведенных примеров следует, что в современном алтайском языке, подобно киргизскому языку, форма на *-галы, -гели* имеет также варианты с губными гласными (*көрбөгöли*).

Нам представляется, что большей частью, это связано с тем, что в данных языках закон гармонии гласных проявляется в наибольшей степени.

Знаменательно в этой связи высказывание А.Э. Мешадиевой: «Закон губной гармонии гласных проявляется в наибольшей степени в киргизском и якутском языках. Помимо этого, в киргизском языке почти все аффиксы имеют четыре варианта изменений гласных, а именно одну пару с негубными гласными и другую пару с губными гласными: например, аффикс множественного числа имеет следующие варианты: *-лар, -дар, -тар, -лор, -дор, -тор, -лөр, -дөр, -төр* и т.д. Далее по мере убывания следуют другие тюркские языки: алтайский, башкирский, ногайский...» [75, с. 215].

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

Деепричастные формы на *-алы/-галы* в тувинском языке именуется деепричастием предела и функционируют в фонетических вариантах *-кала, -келе, -гала, -геле, -ала, -еле*, например: *киргеле - с тех пор, как вошел, каскала - с тех пор, как выкопал, бодала - с тех пор, как подумал* и т.д.

Будучи в составе предложения, исследуемая деепричастная форма в тувинском языке выступает в следующих функциях: 1) выступает в роли сказуемого придаточного предложения времени: *Акым тайгаже дииннээле, бир ай чыгай берген - Скоро месяц с тех пор, как мой старший брат пошел белковать в тайгу*; 2) выступает в качестве обстоятельства времени: *Бндыг чүвени төрээлэ көрбедим - Такого я сроду не видал*; 3) образует деепричастный оборот: *Араттар колхозка киргеле, чаа амыдырамче ишилчээн - Араты перешли к новой жизни с тех пор, как вступили в колхоз* [49, с. 343].

Заметим, что в современном тувинском языке, подобно кумыкскому, казахскому языкам, деепричастной форме на *-кала* соответствует синонимичная конструкция «причастие на *-ган* + аффикс исходного падежа *-дан*» с послелогом *бээр - с тех пор, как*: *келгенден бээр - с тех пор, как пришел* и т.д.

Вместе с тем, в тувинском языке не зафиксированы случаи употребления деепричастной формы на *-кала* с послелогом *бээр*.

Деепричастие на *-алы²/-галы²* в шорском языке имеет форму *-ала, -еле* и употребляется в двух значениях: значение предела в прошлом, а также значение действия, после которого немедленно начинается другое действие. Например: *көреле - с тех пор, как увидел, // как только увидел*.

В языке желтых уйгуров деепричастие на – *-гала/ -геле* передает целевое значение действия и имеет фонетические варианты *-была/-гиле; -кыла/-киле*.

Например: *сатыб еткеле келте – пришел, чтобы продать* и т.д. [135, с. 34].

Форма на *-гала/-геле* в барабинском диалекте языка сибирских татар передает целевое значение и функционирует в следующих фонетических формах: *-галы/-гәлі, -калы/-кәлі*. Данное деепричастие в предложении может употребляться с глаголами, предикативными словами, а в отдельных случаях с именами существительными.

Например: *Пір йыл алган аш, икi-өц йылга йгәлі йетәтi – Хлеба, полученного за один год, хватает на два-три года* (сочетание с глаголом); *Ут йаккалы гәрәк – Надо зажечь свет* (с предикативными словами); *Киткәлінейсi булса, тоталмайсын – Если у него есть намерение уйти, ты не удержишь* (с существительными) [136, с. 86-87].

При помощи деепричастия на *-гала/-геле* в рассматриваемом диалекте образуются инфинитивные предложения.

Например: *Пәлән сәгәттә пәтәргәлі – Закончить к такому-то часу* и т.д. [там же, с.87].

В барабинском диалекте языка сибирских татар отрицательный аспект деепричастия на *-гала/-геле* образуется подобно тюркским языкам огузской группы посредством аффикса *-ма/-ме*, а также слова *йук – нет*.

Следует отметить, что в большинстве говоров тоболортышского диалекта для образования отрицания используется аффикс *-маска*: *Пір крам пічән гәптырмагалы – Не давать ни грамма сена; Нимәгә уйаткалы йук – Почему не будить?* и т.д. [136, с. 87].

Форма на *-гала/-геле* в барабинском диалекте языка сибирских татар семантически отличается от идентичной формы других современных тюркских языков.

В указанном диалекте форма на *-гала/-геле* большей частью выражает целевое значение, тогда как во многих тюркских языках она передает временное значение.

Деепричастные формы на *-галы-гәле, -калы -кәле* в диалекте западносибирских татар употребляются в качестве инфинитивов: *ултыргалы – садиться, кайткалы – вернуться* и т.д. [10, с. 161].

Исследуемый деепричастный аффикс образует в айском говоре восточного диалекта башкирского языка инфинитив: *һуғышкалы көс кәрәк – чтобы сразиться, нужна сила* и т.д. [67, с. 58].

Деепричастный аффикс на *-галы/-гәле, -қалы/-кәле* в тоболо-иртышском, барабинском, томском диалектах сибирских татар функционирует в качестве инфинитива.

К примеру: *киткәле – уходить, қайтқалы – уезжать, белгәле – знать* и т.д.

Данный факт зарегистрирован и в ичкинском говоре среднего диалекта, воспринимается как результат влияния на данный говор сибирско-татарских диалектов [67, с. 125].

В бастанском говоре татарского языка деепричастие на *-гала/-геле* выражает многократность действия:

Килгәлиләр безнекеләр бире – Время от времени, наши приезжают сюда и т.д. [71, с. 42].

В отличие от других тюркских языков, в тофаларском языке деепричастие на *-галы/-алы* не зарегистрировано.

В киргизском языке деепричастная форма на *-гала/-геле* выступает в двух фонетических вариантах: *-ганы/-гени/-гону/-гөнү/; -каны/-кени/-кону /-көнү// -галы/-гели/-голу/-гөлу*.

Форма *-ганы* в киргизском языке является литературной, а форма на *-галы* используется преимущественно в устной речи, в произведениях устного народного творчества.

Деепричастие на *-ганы/-галы* в рассматриваемом языке передает в основном целевое и временное значения.

Приведем примеры: *Ал шаарга окуганы келди – Он приехал в город (целевое значение действия); Аны армиядан келгени көрө элекмин – Я не видел его со времени его возвращения из армии (временное значение действия)* [29, с. 300].

В ойротском языке подобно киргизскому языку деепричастная форма на *-галы/-гели* имеет также губной вариант: *-калы/-кели/-галы/-гели/-колы/-көли/ -голы/-гөли*.

Рассмотрим несколько примеров: *Ол айылына дьеткели, бир дьыл болды – с тех пор как он в это селение приехал, прошел месяц; Мен карындажымды көрбөгөли, төрт дьыл болды – с тех пор как я не видел брата, прошло четыре года* [43, с. 140].

Следовательно, в ойротском языке исследуемое деепричастие передает лишь временное значение.

Деепричастие на *-gali/-geli* в языке памятников древнетюркской письменности VIII–XI веков имеет фонетические варианты: *-галы, -гели, -қалы, -кели* и является весьма употребительной формой. Оно, подобно тюркским языкам, обозначает действие, являющееся исходным моментом для действия, выражаемого основной глагольной формой, и цель действия.

Деепричастный аффикс на *-gali/ -geli*, по мнению В.Г.Кондратьева, образовался посредством аффикса *-галы* < *-gaj* (аффикс будущего желательного времени) + *-лы* (выражает обладание) [54, с. 44].

Как отмечается в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», этимологически деепричастный аффикс *yalu* представляет собой форму комитатива отглагольного имени на *-qa- türk bodun oluryaly* - с тех пор, как существует тюркский народ [127, с. 478].

Относительно формы на *-галы/-гели* в каракалпакском языке показательно следующее высказывание Н.А.Баскакова: «Аффикс *-гьалы/-гели/-кьалы/-кели* < *-гьанлы/-генли/-кьанлы/-кенли*, т.е. исторически восходящий к сочетанию аффикса причастия прошедшего времени *-гьан/-ген* и аффикса обладания *-лы/-ли*: *-гьанлы/-генли* > *-гьаллы/-гелли* > *-гьалы/-гели*, образует деепричастную форму, выражающую обстоятельство времени»: *мен келгели бир ай болды – прошел месяц с тех пор, как я приехал; Джан кетер халаткьа келдим сендинайра болгьалы, кёнълим истер дем-бе-дем дийгер зыйарат кьылгьалы – Я дошел до состояния смерти с тех пор, как разлучился с тобой, мое сердце то и дело жаждет свидания с тобой* [16, с. 471].

Как видно из приведенных примеров, данная деепричастная форма в каракалпакском языке передает как временное, так и целевое значение действия.

В языке тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. исследуемая деепричастная форма функционирует в следующих фонетических вариантах: *-галы/-гэли*. В этих памятниках форма на *-галы/-гели* называется «деепричастием цели» и, следовательно, не передает временное значение действия.

Например: *Каабага барурта Абу Хашимни көргэли бардым – Когда я направился к Каабе, я пошел увидеть Абу Хашима* [95, с. 51].

Форма на *-галы/-гели* в языке восточнотуркестанских текстов также передает целевое значение: *мэн бу мунтуда јэгрәк чинтамани эрдәни алҗалі барајін – пойду-ка, чтобы взять драгоценный клад чинтамани* и т.д. [157, с. 161].

Таким образом, из всего приведенного выше становится ясно, что исследуемая деепричастная форма в тюркских языках имеет ряд семантических особенностей.

Лингвистические факты показывают, что в тюркских языках деепричастие на *-gali/-geli-ali/-eli* в основном выражает значение времени и цели. В некоторых тюркских языках деепричастие на *-gali/ -geli-алы²/-галы²* может передавать оба же значения: времени и цели. В ряде же остальных тюркских языков исследуемая форма употребляется большей частью в целевом значении. В отдельных тюркских языках она выражает только целевое значение.

Деепричастие на –gach² (-gach²)

Деепричастие на *-gach/-геч* наблюдается в башкирском, караимском, татарском, крымско-татарском, узбекском, уйгурском, тувинском, сарыуйгурском языках.

Форма на *-gach/-геч* в языке орхоно-енисейских памятников не встречается.

Многие лингвисты полагают, что деепричастная форма на *-gach/-геч* имеет позднее появление.

В этой связи примечательно высказывание Л.М.Хасановой: «В языке орхоно-енисейских памятников она не встречается. Что может свидетельствовать об относительно позднем ее возникновении» [145, с. 8].

По поводу этимологии аффикса на *-gach/-геч* в тюркологии существуют различные гипотезы.

Деепричастную форму на *-gач/-геч* Г.И.Рамстедт сопоставлял с деепричастным аффиксом прошедшего времени *-gad* в монгольском языке и рассматривал его в качестве сложного аффикса, состоящего из двух элементов [309].

Аффикс *гач/-геч*, по предположению А.Н.Кононова образовался из аффикса *-уап*, в сочетании со словом *џаг – время* [57, с. 148].

В современном татарском языке деепричастие на *-гач/-геч* в отличие от других деепричастий происходит от любой глагольной основы. В татарском языке данная форма выражает значение действия, непосредственно предшествующего действию другого глагола.

Форма на *-гач/-геч* сочетается с усилительной частицей *-та/тә*, *да/дә*, которая придает данной форме семантику непосредственного предшествования другому действию.

Например: *әйткәч тә анлау – понять сразу, как было сказано; күргәч әйтү- увидев, сказать* и т.д. [131, с. 229].

Исследуемая деепричастная форма в современном татарском языке обозначает также причинно-следственные отношения (1) и условия для выполнения другого действия (2):

Рассмотрим примеры: *Газизә апа, чыгып, Габдулланы дәште. Жавап булмагач, ул да аны эзли башлады – Газиза апа вышла и позвала Габдуллу. Не получив, ответа, она пошла его искать(1); Эшләгәч, намус белән эшләргә кирәк, дип кырт кисә(2) – Если работаешь, нужно работать по совести, - говорит он резко* [131, с. 229-230].

Отрицательная форма деепричастия на *-гач/-гәч* в современном татарском языке образуется с помощью

отрицательного аффикса на *-ма/мә*: *эшләгәч – эшләмәгәч* - *работая – не работая*.

В отдельных диалектах современного татарского языка деепричастие на *-гач/-геч* сочетается с аффиксами исходного падежа *-тан/-тән*, *-тын/-тен*, *-нан/-нән* и частицу *-ук/-үк*.

Так, в мишарском диалекте татарского языка данная деепричастная форма, в отличие от татарского литературного языка, присоединяет к себе аффиксы исходного падежа и частицу *-ук/-үк*. *Карабодай элгергәүтән, бал булырга тийеш – Мед должен появиться, когда поспеет гречиха* и т.д. [72, с. 184].

Форма на *-гач/-геч* в мишарском диалекте татарского языка, употребляясь с частицей *-ук/-үк*, выражает значение местонахождения предмета.

Например: *Бер күпер цыккаң ук безнен ызба – Как только пройдешь мост, (будет) наш дом* и т.д. [там же, с. 184].

Примечателен тот факт, что в диалектах современного татарского языка отрицательная форма деепричастия на *-гач/-геч*, при обозначении им временного значения или условия выполнения действия, образуется при помощи аффикса *-мый/ -мий*, *-мыйча /-мичә*.

Эта деепричастная форма в языке сибирских татар наблюдается изредка и функционирует в фонетических вариантах *-гаң/гәң*, *-каң/-кәң*. Исследуемая деепричастная форма в языке сибирских татар спорадически действует в форме *-гацын*, *-гасын*.

Приведем примеры: *Кейәү гөл, көн тугаң цәңгәй гойылып төшәтә – Жених-цветок, когда наступает день, его цветы осыпаются; Койаң цыккасын та торатык – Как только восходит солнце, мы встаем* [136, с. 85].

Из примеров явствует, что деепричастная форма *-гач/-геч* в языке сибирских татар, подобно другим тюркским языкам, передает значение действия, предшествующего основному действию.

Деепричастие на *-гач/-геч* в современном узбекском языке передает функцию сказуемого в придаточных времени: *Камтир йиғлаб юборгач, Асрор-кулнинг аччиги келди* – *Когда старуха заплакала, Асраркул рассердился* [9, с. 23].

Описываемая форма зарегистрирована также в староузбекском языке – *аны көргәч* – *увидев его* и т.д. [70, с. 31].

В староузбекском языке, в отличие от современного узбекского языка, деепричастие на *-гач/-геч* преимущественно использовалась в придаточных причины.

В современном уйгурском языке деепричастие на *-гач/-геч*, обозначает действие, предшествующее другому действию: *Шәхәргә кайткач көрдүм* – *Я увидел это после того, как вернулся в город* [93, с. 90].

Рассматриваемая форма в уйгурском языке сочетается с некоторыми сложными глаголами. Например: *алгач кәлдим* – *я принес* и т.д. [там же, с. 90].

Деепричастие на *-гач/-гәч* в языке желтых уйгуров имеет фонетический вариант на *-баш/-геш, каш/-кеш* – *йағмыр йаккаш* – *как только полил дождь* [135, с. 34].

В современном башкирском языке деепричастие на *-кас/-кәс, -гас/-гәс* широко распространено и происходит от любой глагольной основы.

Эта форма в башкирском языке большей частью обозначает относительное время и выражает предшествование как условие, при котором совершается последующее действие.

Данное деепричастие, передавая значение предшествования, весьма часто сочетается с усилительной частицей *та/тэ* или *гына/генэ*.

Выступая в отрицательном аспекте, деепричастие на – *кас/-кэс*, – *гас/-гэс* в башкирском языке выражает причинно-следственную обусловленность предыдущего или последующего действий.

Например: *Үз күзәрәм менән күрмэгэс, ныкышманым – Раз не видел собственными глазами, не стал настаивать* [1, с. 12].

Заметим, что деепричастные формы в современном башкирском языке обычно не принимают аффиксы лица, числа, времени.

Однако в отличие от башкирского языка, в восточном диалекте этого языка деепричастие на – *кас/-кэс*, – *гас/-гэс*, как в положительной, так и в отрицательной формах, принимает аффиксы лица и числа: *алгасым* - я получил, *алгастары* - они получили и т.д.

По этому поводу, небезынтересно мнение Н.Х. Максуютовой: «Данная особенность возводится к древнейшей форме племенного языка тамьян и кыпчаков» [67, с. 279].

Деепричастие на – *гач/-геч* в современном караимском языке употребляется в фонетических вариантах – *гъачох*, – *гячох*, – *качох*, – *кячох* и передает значение действия, предшествующее действию основного глагола: *чыхкачох* - как только вышел, *эшиткячох* - как только услышал [91, с. 61].

Деепричастие на – *гач/-геч* в современном тофаларском языке зарегистрирован в фонетической форме – *каш/-гаш* и выражает действие, прямо предшествующее

действию основного глагола. Например: *Он келгеш соодады – он пришел и рассказал* [116, с. 178].

При помощи аффикса *-нааш/-пәәш, -бааш / -бәәш, -вааш/-вәәш* образуется отрицательный аспект деепричастия на *-каш/-гаш* в тофаларском языке: *гелбәәш – не придя, аннавааш – не охотившись* и т.д. [118, с. 144].

Деепричастная форма на *-гач/-геч* в чулымско-тюркском языке выступает лишь в значении условия исполнения действия основного глагола: *Мене алгач алгыл тайга – Если меня берете, то берите в тайгу* [22, с. 92].

Относительно деепричастной формы на *-гач/-геч* в якутском языке следует отметить, что этой форме соответствует деепричастие на *-аат*.

Некоторые лингвисты склоняются к гипотезе о монгольском происхождении якутского деепричастия на *-аат*, другие же рассматривают его в связи с тюркским деепричастным аффиксом *-гач/-геч*.

Возрение о монгольском происхождении деепричастного аффикса *-аат* поддерживалось В.Л.Котвичем, Н.П.Поппе и др. [111; 63].

Допуская монгольское происхождение якутской деепричастной формы на *-аат*, Н.Н.Поппе отмечал, что в связи с заимствованным характером аффикса, язык не успел окончательно образовать отрицательную форму данного деепричастия [111, с. 64].

В отличие от Н.Н.Поппе, В.Радлов не разделяет данного мнения. По В.Радлову формант *-аат* якутского языка не связан с аффиксом *-гач*, поскольку, общетюркский *-ĉ* в якутском соответствует *-s*, а не *-t* [127, с. 480].

Г.Рамстедт также присоединяется к данному мнению [309, с. 107-108].

По сути дела, в монгольских языках зафиксировано деепричастие, именуемое разделительным. В бурятском языке с помощью аффикса на *-aad* (*-оод*, *-өөд*, *-ээд*) также образуется разделительное деепричастие и т.д. [112, с. 127].

Данные деепричастия в монгольских языках обозначают действие, предшествовавшее действию основного глагола.

Следовательно, с деепричастием на *-aam* современного якутского языка, полного совпадения нет, но прослеживается определенная семантическая близость.

Известно, что якутский язык длительное время контактировал с монгольскими языками, вследствие чего преобладающее множество фонетических, грамматических и лексических свойств указанных языков перешли в него.

Если учитывать данный факт, то можно предположить монгольское происхождение деепричастного аффикса на *-aam* в якутском языке.

Относительно этимологии деепричастия на *-gach/-gech* Е.И.Убрятова дает иную интерпретацию. По-мнению Е.И.Убрятовой, данное деепричастие находит параллель с тюркской деепричастной формой на *-gach/-gech*.

По этому поводу Е.И.Убрятова отмечает: «Фонетически такое сопоставление вполне оправдано. В якутском языке имеются и другие аффиксы: с начальным *ɟ*, которое выпало и дало долгий гласный (ср., например, аффиксы *-ɟax*, *ɟax*), конечное *-c* аффиксов, образовавшееся из *-ш*, *-з*, *-ч*, во многих случаях перешло в *-т* (*-быт* из *-мыш*, *-бат* из *-маз*, *-быт* из *-быз* и т.д.)» [139, с. 44].

По воззрению Е.И.Убрятовой, тождество якутского деепричастия на *-aam* с тюркским деепричастием на *-gach*, обосновывается их способностью присоединять к себе аффиксы падежей [там же, с. 43-44].

На наш взгляд, научно обоснованная точка зрения Е.И.Убрятовой является весьма убедительной.

Таким образом, деепричастие на *-аат* в якутском языке сочетается с аффиксом родительного падежа, употребляясь с послелогом *кытта* (*кытары*).

Деепричастная форма на *-гач/-геч* в отдельных современных тюркских языках и их диалектах также сочетается с падежными аффиксами.

Так, исследуемое деепричастие в мишарском диалекте современного татарского языка сочетается с аффиксами исходного падежа *тан/-тән*, *-тын/-тен*, *-нан/-нән* и частицей *-ук/-үк*.

Например: *Карабодай элгергәүтән, бал булырга тийеш* – Мед должен появиться, когда поспеет гречиха и т.д. [72, с. 184].

Случаи сочетания деепричастия на *-гас* с аффиксами исходного падежа зарегистрированы и в современном башкирском и в тувинском языках. Отметим, что в тувинском языке эта форма присоединяет к себе не только аффиксы исходного, но и местного падежей: *уйлагастан* – *подумав*, *күргәстән* – *увидев* (башкирский язык): *келгеш* – *придя*, *келгеште*, *келгештен* (тувинский язык) и т.д.

Эта форма, как полагает Н.К.Дмитриев «...очевидно, сохранилась от той эпохи, когда деепричастие еще могло склоняться, т.е. не окончательно превратилось в отглагольное наречие» [41, с. 186].

По Э.Р.Тенишеву: «...Тунгусский суф. *-ksa~-kso~-kse*, который выражает то же самое, является как бы промежуточной формой, особенно если предположить, что – *ksa* мог иметь вариант *-*kas*». Далее он подчеркивает: «...Не менее часты явления чередования в исходе слова согласного *č c s* в тюркских языках и *t c s* – монгольских.

Таким образом, все названные суффиксы (тюрк. *-qač*, монг. *-Yad*, як. *-a:t*, тунг. *-ksa*), вероятно, могут быть включены в состав одной группы» [127, с. 480-481].

В современном якутском языке деепричастие на *-aam* передает значение действия, предшествующего действию основного глагола: *бараат – как только ушел* [139, с. 44].

Следует заметить, что в современном якутском языке деепричастие на *-aam* не выступает в отрицательной форме.

Из компаративного обзора следует, что деепричастия на *-aam* в якутском языке, тюркское деепричастие на *-gac* и монгольское на *-aad* семантически не совсем идентичны. Итак, основным значением формы на *-gac* в современных тюркских языках является выражение предшествования этого действия другому.

Необходимо подчеркнуть, что деепричастие на *-gac*, употребляясь с усилительной частицей *-ta/-тэ*, выступает в значении, семантически схожим с деепричастной формой на *-aam* в якутском языке. В таких случаях деепричастие на *-gac* выражает действие, одновременно с которым следует действие, обозначенным основным глаголом.

Монгольское деепричастие на *-aad* передает значение общего предшествования основному действию, без оттенка мгновенности, который присущ для якутской формы на *-aam*.

Например: *Муур удаад дьэжээ – кошка ушла, насытившись* [60, с. 64].

Рассмотрев различные гипотезы лингвистов касательно фонетических, морфологических и синтаксических признаков деепричастия *-gac/-геч*, можно заклю-

чить, что эта форма функционирует в подавляющем большинстве в современных тюркских языках карлукской, кыпчакской и уйгуро-огузской групп.

В тюркских языках огузской группы и в языке орхон-енисейских памятников деепричастие на *-гач/-геч* не встречается.

Деепричастие на *-гач/-геч* определяет действие во временном, причинно-следственном аспекте, а также действие, предшествующее действию основного глагола.

Помимо этого, форма на *-гач/-геч* присоединяет к себе аффиксы как местного, так и исходного падежей.

В отличие от других тюркских языков, в современном якутском языке, деепричастие на *-гач/-геч* сочетается аффиксы родительного падежа.

Практически во всех вышеприведенных современных тюркских языках форма на *-гач/-геч* функционирует в отличных фонетических формах (*-каш/-гаш*, *кас/-кэс*, *-гас/-гэс*, *-гац/-гэц/-кац/-кэц*, *-гъачох/ -гячох/-качох/ -кячох* и др.).

ГЛАВА III

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ АФФИКСОВ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ, ПРИЧАСТНЫХ И ИНФИНИТИВНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ДИАЛЕКТАХ

Как известно, неличные формы глагола в современных тюркских языках в основном являются идентичными по своим семантическим и синтаксическим функциям. Однако, несмотря на это, существуют такие формы, которые встречаются лишь в некоторых тюркских языках, т.е. являются специфическими для того или иного тюркского языка.

Специфику каждой из неличных форм глагола можно выявить при сравнительно-историческом анализе.

В данной главе монографии мы рассмотрим некоторые специфические деепричастные, причастные и инфинитивные формы в тюркских языках, проведем сравнительно-исторический анализ их структурно-семантических и функциональных особенностей.

Проблема определения специфических форм неличных глаголов в тюркских языках относится к числу наименее изученных вопросов тюркологии.

Одной из специфических деепричастных форм тюркских языков является форма на *-ышлый/-ешли*, образованная посредством сочетания аффикса имени *-ыш/-еш*, аффикса *-ла/-лэ*, образующий глаголы и деепричастного

аффикса на *-а/-ә, -ый/-и*. Это деепричастие зарегистрировано в современном татарском языке и его диалектах.

Небезынтересно отметить, что это деепричастие встречается также в саларском языке, который в отличие от татарского языка, относится к огузской группе тюркских языков (отметим, что саларский язык не имеет официального статуса).

Возможно, эта форма в саларском языке появилась под воздействием кыпчакских языков.

Отличительной особенностью деепричастия на *-ышлый/-ешли* является то, что оно присоединяется лишь к глагольным формам движения и не имеет отрицательного аспекта, а также не принимает залоговых аффиксов.

Исследуемая форма передает значение действия, которое происходит одновременно с действием основного глагола.

Приведем примеры: *үтешли сорау – спросить проходя, кайтышлый керу – зайти, возвращаясь* [131, с. 230].

В саларском языке это деепричастие имеет несколько иной фонетический облик: *-Yy]l//-ge]li, -qu]li// -ke]li*. Эта форма в саларском языке также передает значение одновременности действия [134, с. 40].

Деепричастие на *-ышлый/-ешли* наблюдается в основном в мишарском диалекте татарского языка и подобно литературному татарскому языку, присоединяется лишь к глаголам движения.

Рассмотрим пример: *Узышлый ылаукага да кереп чык – Идя по пути, зайти и в магазин* [72, с. 187].

Ещё одной из специфических деепричастий в тюркских языках является форма *-докъ*. Эта деепричастная

форма встречается лишь в современном кумыкском языке. Данный аффикс присоединяется к глагольной форме на *-гъан/-ген*. Например: *тургъан +докъ – как только встал, гелген+докъ- как только пришел* и т.д. [38, с. 183].

Несмотря на то, что форма на *-докъ* имеет все признаки деепричастий, многие исследователи кумыкского языка не рассматривают ее в качестве деепричастия.

Так, А.Н.Батырмурзаев, Н.К.Дмитриев, И.А.Керимов, А.Г.Магомедов не относили форму на *-докъ* к деепричастиям [20, с. 45; 39]. И.А.Керимов и А.Г.Магомедов включали ее в число наречий [51, с. 83-85].

Деепричастный аффикс на *-докъ* состоит из двух элементов: *-д* (восходит к согласному звуку аффикса местного падежа *-да/-де*) и *-окъ* (восходит к усилительной частице).

Относительно этимологии второго элемента *-окъ* Н.К.Дмитриев придерживается иной точки зрения: «С некоторой долей вероятия восходит к семантически полному слову *окъ//укъ – стрела* и далее *миг* и *момент*» [40, с. 154].

Однако, Ю.Д.Джанмавов склоняется к иной точке зрения относительно происхождения элемента *-окъ*. Так, он полагает, что «...аффикс *-окъ* непосредственно восходит не к однозначному слову *окъ «стрела»*, а к усилительной частице *-окъ «же», «даже», «именно», «очень»*, которая очень часто употребляется с разными категориями слов как в кумыкском, так и в некоторых других тюркских языках для выражения высшей степени качества, признака, для выражения совершения действия раньше обычного предела и т.д.» [38, с. 187].

Мы также разделяем точку зрения Ю.Д.Джанмавова.

Усилительная частица –*окъ* функционирует не только во многих тюркских языках, но и зарегистрирована в древнетюркских письменных памятниках.

Рассмотрим несколько примеров: *Хозирданок, адабиётга уринаётирман – Уже теперь я занимаюсь литературой* [57, с. 335, 378]; *Аны көрүп өк – как только они увидели это*; *Арык ок сән, ачсык – когда же ты тощ и голоден* [68, с. 404, 406].

Как видим, частица –*окъ* в памятниках древнетюркской письменности имеет два фонетических варианта: -*ок*//–*өк*.

Отметим, что в хакасском языке частица –*окъ* также выступает в двух фонетических вариантах *ох*, *өк* и употребляется не только в конце, но и в середине слова.

Приведем примеры: *синөк осхас – как ты же*; «*Хызыл Аал*» *колхозтынъ торады чарыстарга парыбохча – Гнедой конь колхоза «Хызыл Аал» на бега отправился также* и т.д. [45, с. 120].

Употребление усилительной частицы –*окъ* с передним гласным, на наш взгляд, происходит в результате подчинения закону гармонии гласных.

В кумыкском языке деепричастная форма на –*докъ* передает значение действия, вслед за которым тотчас же происходит другое действие.

Например: *Ону пикрусун англагъандокъ, Даудовну сёзюн бёлюп, Магъачгъа багъып бурулду – Он, как только понял мысли Даудова, прервал его и повернулся к Махачу* и т.д. [38, с. 190].

Как отмечено выше, рассматриваемое деепричастие встречается лишь в кумыкском языке. Синонимичными деепричастиею –*докъ* в других тюркских языках являются

формы на *-гъач, -геч* (татарский, башкирский, крымско-татарский, узбекский, уйгурский, тувинский), на *-армаз, -ермез* (азербайджанский, карачаево-балкарский, туркменский, турецкий), на *-ала, -еле* (хакасский, алтайский, шорский).

В современном туркменском языке значение формы на *- докъ* передается также деепричастиями на *-агадан, -агеден, -агада, -агеде// -гадын, -гедин*: *алагадан – как только взял* [147, с. 16-17], в якутском языке – деепричастиями на *-аат, -ээт, -оот, өөт*: *тангаат табыста – он вышел сразу, как только оделся* [143, с. 238-239], в гагаузском – деепричастием на *-дыжаанан, -дижяйнән, -дужаанан, -дүжяйнән*: *етиштижяйнән, сорэр бабуиа, -гелмеди ми Пирку – Как только добрался, спрашивает у старухи, не пришел ли Пирку* [108, с. 73-74], в караимском языке – деепричастием *-гачох, -гячох, -качох, -кячох*: *Да эди келгячох аврам Мицригя да кёрдюляр мицрилар ол катынны ки кёрклю ол астры – И как только Авраам прибыл в Египет, египтяне увидели, что его жена очень красива* [90, с. 301].

Деепричастие на *- абас/-ебес* представляет собой специфическую форму качинского диалекта хакасского языка и семантически сходно с деепричастной формой на *-ып*⁴.

Например: *килебес – приходя, салабас - кладя* и т.д. [34, с. 243]. В отрицательной форме данная форма не употребляется.

Форма на *-гадаг/-гедег, -хадаг/-кедег, адаг/ -едег* в хакасском языке является причастием будущего предположительного времени и сочетается как с положительной, так и с отрицательной формами глагола.

Рассматриваемая причастная форма передает значение действия, которое по предположению говорящего, может произойти в будущем: *ырлагадаг хызычах – девочка, которая, похоже, будет петь* и т.д. [34, с. 237].

Причастие на *-кадыг/-гадыг* имеет место также и в шорском языке. Эта форма, подобно хакасскому языку, является причастием возможного будущего, т.е. передает значение действия, которое, возможно, будет совершено в будущем.

Например: *По керек полгадык – Это дело, похоже, что выйдет (возможно, может быть выйdet)* [44, с. 135].

В диалектах современных тюркских языков зарегистрирован аффикс *-к*, который имел место в общетюркскую эпоху, где посредством которого образовывались причастия.

Интересен факт, что в диалектах туркменского языка, а именно в эрсаринском и човдурском, аффиксы *-ик, -ук, -ук, -к, -ике* участвуют при образовании деепричастных форм. Например: *гөрүк гьайтды – навестив* вместо литературного *гөрүп гайтды – навестив* и т.д. [6, с.171].

Примечательно, что в южном диалекте башкирского языка посредством аффикса *-ык* образуются как деепричастия, так и причастия. Этот аффикс имеет следующие фонетические варианты: *-гы/-ге, -ык/-ек, -гыза/-геза*. Форма на *-гыза/-геза* служит в основном для образования деепричастий.

Рассмотрим несколько примеров: *Кем алык? – Кто первый берущий?; Инәсе баргыза (ср. лит. барганда) ушында изе – Когда мать приехала, он был еще жив* [89, с. 213].

В современном туркменском языке функционирует специфическая деепричастная форма на *-агадан /-эгеден*,

-агада /агедел/ -гадын/-гедин. Эта форма в других тюркских языках не зарегистрирована.

Семантически форма на -агадан /-агеден в туркменском языке передает последовательность двух действий (как только, сразу же и т.д.).

Рассмотрим пример: *Меннен хавар алгадын, артымдан адам гойберин – Как только получите от меня известия, сразу же пошлите за мной человека* [147, с. 17].

Деепричастия на –дыынан и -дыжаанан являются специфическими формами гагаузского языка.

Как отмечает Л.А.Покровская, деепричастная форма на –дыынан «...происходит из сочетания глагольного имени на –дык с аффиксом принадлежности 3-го лица и послелога –лан//-нан (<илен) т.е. –дыгы +лан >=дыылан//дыынан» [108, с. 72].

Исследуемая форма на –дыынан передает значение действия, произошедшего ранее основного действия и является весьма распространенным деепричастием гагаузского языка.

Приведем примеры: *Гүл ачтыынан йаз олур – Когда распускается роза, наступает лето* [108, с. 73].

Следует отметить, что деепричастный аффикс на –дыынан зарегистрирован также в диалектах Восточной Фракии Турции (*Doğu Trakya ağızları*).

Рассмотрим пример: *ekin tarlasını gordunen – увидев посевные поля* [247, с. 445].

Другая специфическая деепричастная форма гагаузского языка – *дыжаан* семантически отличается от вышеприведенной формы на –дыынан.

Так, деепричастие на –дыжаан обозначает действие, за которым сразу же следует основное действие и соот-

ветствует по значению форме на *-гач//-кач* в тюркских языках кыпчакской группы.

Рассмотрим примеры: *Гөрдүжяйн еписине сен сөйлә: йалан деил, герчек тә бөйлә – Как только увидишь, всем расскажи: это не ложь, а истинно так...?* [108, с. 74].

Причастный аффикс на *-галак* встречается в алтайском, хакасском, шорском, тувинском, барабинском диалекте сибирских татар, киргизском и якутском языках. В киргизском и якутском языках этот аффикс функционирует в следующих фонетических вариантах: *-а елек* (кирг.) и *-а илик* (якут.).

Как видим, рассматриваемый причастный аффикс наблюдается лишь в «сибирских» тюркских языках и киргизском языке. Нам представляется, что это и составляет специфику причастной формы на *-галак*.

Наличие формы на *-галак* в тюркских языках Сибири, является результатом влияния древнекыргызского языка, так как именно кыргызский язык дает достаточно данных для непротиворечивой этимологии этой формы (наличие модальной отрицательной частицы *elek*) [96, с. 56-61].

Результатом влияния древнекыргызского языка, на наш взгляд, можно считать функционирование причастия на *-галак* и в «сибирских» тюркских языках, а также в современном якутском языке.

Возможно, наличие рассматриваемой формы в хакасском языке и в языке чулымских тюрков также является результатом влияния древнекыргызского и кыргызского языка.

Показательно на этот счет высказывание Н.Н.Широбоковой: «Кыргызский язык, взаимодействуя с языками разных племен, образовал хакасский язык со всеми его диалектами. Через кызыльский диалект хакасского языка

язык енисейских кыргызов участвовал в формировании языка чулымских тюрков». [155, с. 82-86].

Причастие на *-галак*, *-халах/-келек* в хакасском языке передает значение несовершенного, но ожидаемого действия или состояния.

Рассмотрим примеры: *чарылгалах порчо – еще не раскрывшийся цветок, сыххалах кун – еще не взошедшее солнце* и т.д. [48, с.108-123].

Причастная форма на *-калак/-галак* в шорском языке, подобно хакасскому языку, передает значение действия, еще не совершившегося, но ожидаемого.

Рассмотрим примеры: *келгелек – еще не пришедший, нангалак – еще не вернувшийся* и т.д. [44, с. 136].

Несколько иначе обстоит дело в алтайском языке. Причастная форма на *-галак* в алтайском языке обозначает действие, которое не осуществилось, и относится к прошедшему времени. Это причастие в алтайском языке нередко заменяется отрицательной формой причастия на *-ган*. Иными словами, данная форма передает только значение прошедшего (отрицательного) времени.

Примеры: *чыккалак (чыкпаган) балага кабай жазаба – еще не родившемуся ребенку не делай люльку; бис келбеген (келгелек) нөкөрөбисти сакып турубыс – мы ожидаем нашего еще не вернувшегося товарища* и т.д. [130, с. 88].

В якутском языке причастная форма на *-галак*, как было отмечено выше, имеет фонетический вариант *-а илик*. Посредством этого аффикса в якутском языке образуется наклонение еще неосуществленного действия (в настоящем, прошедшем, будущем временах).

Причастие на *-а илик* в якутском языке принимает падежные аффиксы, аффиксы сказуемости, а также выс-

тупает в роли любого члена предложения (подлежащего, обстоятельства времени, дополнения и т.д.).

Рассмотрим примеры: *Көрө иликтер бары көдүлэр – Все, ранее не видевшие, увидели (подлежащее); Аһы илигин букатын умнан кэбистэ – Он совсем забыл то, что он еще не кушал (дополнение)* и т.д. [32, с. 240].

В барабинском диалекте языка сибирских татар форма на *-галак* также передает значение ожидаемого действия и выступает лишь в падежной форме, т.е. сочетается с аффиксом местного падежа *-та*: *-галакта*.

Приведем пример: *Пир йыл тулгалакта ишгэ цыкты – Еще не исполнился год, как он вышел на работу* [136, с. 79].

В оламском диалекте туркменского языка зарегистрирована специфическая причастная форма на *(-а, е) дурон*, *-дорон* = литер. *-ян, йән*.

Сравним для наглядности: *чыкьадорон* = литер. *чыкян* – *выходящий* и т.д. [24, с. 175].

Рассматриваемая форма на *(-а, е) дурон* характерна и для сарыкского диалекта туркменского языка: *алдырон* – *берущий* и т.д. [94, с. 16].

Отметим, что данная форма в несколько иной фонетической форме представлена также в староузбекском языке: *гарк боладургъан* – *тонувший* [15, с. 23].

Заметим, что в отличие от оламского диалекта туркменского языка, в староузбекском языке форма на *-дургъан* передает значение причастия прошедшего времени: *чыкьадорон* – *выходящий* (оламский диалект), *гарк боладургъан* (староузбекский язык) – *тонувший*.

Это, на наш взгляд, мотивировано тем, что второй элемент аффикса *дургъан* – *гъан* в тюркских языках кыпчакско-карлукской групп образует причастия прошедшего времени.

В современном узбекском языке исследуемая причастная форма выступает в форме *-диган* (< *тур-ган*) и передает значение настоящего-будущего времени. Отметим, что полная форма причастия – *а турган* в современном узбекском языке малоупотребительна.

Примеры: *ёзадиган – пишущий, который напишет, кабул киладиган – принимающий, который будет принимать* и т.д. [57, с. 238-239].

В современном татарском языке форма на *-а торган* относится к причастиям настоящего времени и функционирует в качестве определения не только при субъекте, но и при объекте действия.

Приведем несколько примеров: *Әнә жәйләрен бәтенләй кибеп бетә торган инеш – Вон речка, которая почти совсем высыхает летом* (со значением субъекта действия); *Светлана үрелеп кенә өстәл өстеннән укый торган китабын алды* (со значением объекта действия) и т.д. [131, с. 222].

Субстантивация формы на *-а торган* нехарактерна для татарского языка.

Субстантивированная форма данного причастия в татарском языке зарегистрирована лишь в устойчивых сочетаниях и в поэтических произведениях.

Пример: *Ул алай түбәнгә карап авызына су капыб тора торганнардан түгел – Он не из тех, которые смотря вниз и молчат, как-будто набрали в рот воды* и т.д. [131, с. 223].

В диалекте черневых татар (туба-кижи) причастная форма на *-а торган* имеет фонетический вариант – *атан//этен, -йтан//йтен*. Это причастие в рассматри-

ваемом диалекте относится к причастиям будущего долженствовательного причастия.

Форма на *-атан//этен, -йтан//йтен* в диалекте черневых татар выполняет как определительную, так и предикативную функции.

Например: *Эрге бартан кыс – Девушка, которая должна выйти замуж, атанатан кижси – отправляющийся человек* (в определительной функции); *кижсининь керегине кадыт кижси киришпейтен – в чужие дела женщина не должна вмешиваться* (в предикативной функции) [17, с. 49].

В диалекте западносибирских татар причастие на *-а торган* выступает в фонетической форме на *-атогон/-атаган/-этэгэн/-атын/-этен* и передает значение настоящего времени.

Приведем примеры: *паратоган – тот, который идет, идущий, килэтегэн – тот, который приходит, приходящий* и т.д. [10, с. 173].

Отметим, что причастная форма на *- атогон/-атаган* в диалекте западно-сибирских татар выступает в роли подлежащего, дополнения и определения.

Например: *Кәпләйтегәнем тап таса пәттә – Мое слово кончилось окончательно* (в роли подлежащего); *Нинтәйен ат алатыганын пелмәгән игән – Он не знал, какую лошадь будет покупать* (в роли дополнения); *Песөйтә калатыган кешеләр – Мы –люди, которые должны остаться дома* (в роли определения) [10, с. 175].

В языке сибирских татар форма на *-а торган* имеет стяженный фонетический вариант *-тыган/-таган/-тыгын, -ткын* и относится к причастиям настоящего времени.

Например: *Аш шайлытыган катын* – Женщина, которая обычно готовит обед и т.д. [136, с. 81].

Форма на *-а торган* в современном казахском языке выступает в фонетическом варианте *-атын/ -етін/-итын*.

Небезынтересно отметить, что в казахском языке причастие на *-атын*, сочетаясь с аффиксами сказуемости, выступает в предложении в качестве сказуемого.

Рассмотрим пример: *келетін кісі* – человек, который должен прийти (в качестве определения); *Біз Удайдын көк майсалы жагасында отыратынбыз, онда дем алатынбыз* – Мы сидели на зеленом берегу Удая и отдыхали (в качестве сказуемого) [124, с. 323].

В карачаево-балкарском языке форма на *-а торган* передает значение настоящего времени момента речи, а также выражает постоянность и повторяемость субъекта и объекта действия.

Например: *сөлеше тургъан* – говорящий (в момент речи), *жаза тургъан адам* – пишущий, часто занимающийся писанием и т.д. [28, с. 218].

Обращает на себя внимание следующая деепричастно-причастная форма *-адогъон, -ядогъон, -эдогъон* в караимском языке. Посредством этого аффикса в караимском языке образуются как деепричастия, так и причастия.

Деепричастная форма, образованная при помощи аффикса *-адогъон, -ядогъон, -эдогъон* передает значение действия, совершающегося одновременно с действием основного глагола. В отдельных случаях рассматриваемая форма сочетается с аффиксом *-ча*: *одогъонча*. В современном караимском языке аффикс на *-адогъон* функционирует в редуцированной форме *-адогъоч*.

Для наглядности приведем несколько примеров: *ай-тадогъон - говоря, ачадогъоч - открывая* и т.д. [91, с. 61].

Как отмечено выше, аффикс *-адогъон* в караимском языке образует также причастные формы. Посредством формы на *-адогъон* образуются причастия настоящего времени от непереходных глаголов.

Рассмотрим примеры: *чыгъадогъон – выходящий, келядогъон – идущий* и т.д. [91, с. 62].

Причастная форма на *-увчу* зарегистрирована в караимском, узбекском, татарском, карачаево-балкарском и киргизском языках.

В караимском языке аффикс на *-увчу* образует причастия как настоящего, так и прошедшего времени.

Примеры: *айтувчу – говорящий, говоривший* [91, с. 62].

В татарском языке аффикс на *-увчу* имеет несколько иной фонетический облик: *-учы/-үче* и относится, в отличие от караимского языка, к причастиям только настоящего времени. В современном татарском языке причастие на *-увчу* передает:

1) значение действия, предшествовавшего действию основного глагола: *Ә, әнем Якуб, ул субранжа дигәннәре кайчан жьелачак сон? – диде әлеге су турында сүз кузгатучы карт – Братец Якуб, а когда же будет это собрание? – сказал тот старик, который завел речь о воде;*

2) значение действия, которое происходит одновременно с основным глаголом: *Түбән очка кайтып баручы Гафият, Бер ярым Миннулла, Гапсаттар һәм тагын берничә кеше язгы чәчү турында сөйләшәләр – Возвращающиеся на другой конец улицы Гафият, Миннулла, Гапсаттар и еще несколько человек говорили о весеннем севе* [131, с. 221].

Необходимо отметить, что причастная форма на -учы/-уче в татарском языке нередко субстантивируется.

Примечательно, что в ранних грамматиках татарского языка форма на -учы расценивалось преимущественно в качестве имени действующего лица, на что в свое время указывал М.А.Казембек: «Имя действующего в разных отношениях может быть рассматриваемо как род причастия настоящего. Образуется оно прибавлением частицы -у-чы (-учы)» [50, с. 67].

Рассмотрим несколько примеров: *Ул төнне авылда йоклаучы булгандырмы, ләкин Фатыйманын күзенә йокы кермәде – Спал ли кто-нибудь (букв.: был ли спящий) в ту ночь в деревне, но Фатыйма не могла заснуть* [131, с. 221].

Некоторые причастия на -учы/-уче в татарском языке, утратив глагольные свойства, начали употребляться в качестве имен существительных: *язучы - писатель, укучу - ученик* и т.д.

В современном киргизском языке причастная форма на -увчу имеет фонетический вариант на -уучу, -оочу, -чу и рассматривается как причастие настоящего-будущего времени. Данная форма, подобно татарскому языку, в киргизском языке довольно часто субстантивируется.

Рассмотрим несколько примеров: *Анан алдагы бир азга катты телмире тиктеп, сандыктагы кат сактоочу тулубуна салып коёт* (в качестве причастия) – *Потом она, еще немного посмотрев на письмо, положила его в мешочек для хранения писем, лежащий на сундуке; жазуучу - писатель* (в качестве имени существительного) и т.д. [29, с. 309].

Отметим, что посредством аффикса на –уучу/-оочу в киргизском языке образуется спрягаемая форма прошедшего времени.

Например: *Чынында атам Эргешти сыйлоочу... – На самом деле мой отец всегда уважал Эргеше...* [29, с. 309].

Как видим, в современном киргизском языке аффикс на –уучу/-оочу участвует при образовании причастий, имени существительного и спрягаемой формы прошедшего времени.

В карачаево-балкарском языке причастная форма на –ыучу/-учу формально относится к причастиям настоящего времени.

Однако Н.А.Баскаков полагает, что «Форма на –ыучу/-учу не связана конкретно ни с одним временем. Она характеризует действие, как постоянное свойство субъекта, которое сближается с настоящим временем» [28, с. 218].

Причастная форма на –ыучу/-учу в карачаево-балкарском языке, сочетаясь с глаголом *тур*, принимает описательную форму.

Для наглядности рассмотрим несколько примеров: *Мал алыучу Хасан – покупающий (постоянно) скот Хасан, жырлаучу жаш – поющий парень; жаза туручу – часто пишущий, имеющий обыкновение писать* (описательная форма) и т.д. [28, с. 218].

В современном узбекском языке форма на –увчи рассматривается как глагольное прилагательное, функционально сближенное с причастиями. Эта форма в узбекском языке передает значение как причастия, так и имени существительного.

Примечательно в этой связи высказывание А.Н. Кононова: «Формы на –увчи нередко, по значению афф. –

чи, обозначают также самое лицо, а потому, например, слово *ёзувчи* имеет значения: 1) постоянно, профессионально пишущий, 2) писатель; *терувчи* – 1) собирающий, 2) сборщик» [57, с. 239].

Причастная форма на *-увчи* в казахском языке функционирует в фонетическом варианте *-ушы/-уши*. Подобно другим тюркским языкам, в казахском языке исследуемая причастная форма нередко переходит в разряд отглагольных имен существительных. В качестве причастия форма на *-ушы/-уши* передает значение действия, которое совершается в настоящее время.

Приведем примеры: *Үй сыпырушы кыз бір топ кагазды стол үстіне койды* – Девушка, которая убирает комнату (уборщица), положила на стол кучу бумаг (причастие); *сатушы* – продавец, *окутышы* – учитель (имя существительное) и т.д. [124, с. 324-325].

В некоторых диалектах турецкого языка зарегистрирована деепричастная форма на *-ışın/-işin* (преимущественно встречается в диалекте города Кютахьи, однако в единичных случаях также наблюдается в муглинском диалекте).

Эта форма передает значение аналогичное значению деепричастия на *-ınca⁴*.

Примеры: *gelişin* – когда придет, *alışın* – когда возьмет (диалект Кютахьи); *Höne gedişin doğru ölünün yanına gidiyormuş* (диалект) – *Öyle gidince doğru ölünün yanına gidiyormuş* (литер.яз.) – Идя этим путем, он добирался до покойника и т.д. [240, с. 114; 202, с. 177].

Представляет интерес тот факт, что в муглинском диалекте турецкого языка причастный аффикс на *-ası/-esi* выступает в качестве деепричастия.

Рассмотрим примеры: *İki galası buna hindi çıkıyorlar gari* (диалект) – *İki (kişi) kalınca bunlar çıkıyorlar artık* (литер.яз.) – Как только два (человека) останутся, они уже выйдут; *Ore varası ne decez biz?* (диалект) – *Biz oraya varınca ne diyeseğiz?* (литер.яз.) – Что мы скажем, как только доберемся туда? [202, с. 176].

В муглинском диалекте аффикс на *-ası/-esi* сочетается с аффиксом *-ya/-ye*, передавая также значение деепричастия.

Приведем примеры: *böle göresiye dayananamış* (диалект) – *böyle görünce dayananamış* (литер.яз.) – Увидев в таком виде, не смог выдержать [202, с. 176].

В узбекском языке имеет место специфическая деепричастная форма на *-ban*, который преимущественно употребляется в поэзии (не путать с исторической деепричастной формой азербайджанского языка *-ib+an = gəlüban* – *придя* и т.д.).

Рассмотрим пример: *Toxtä deban ikki kişi tosdı yol* – Два человека перекрыли дорогу, сказав, остановитесь [221, с. 171].

Неличные формы глагола в тюркских языках хоть и изучены подробно, но все же есть проблемы, требующие новых подходов. В частности, в тюркологии ещё не исследована проблема сравнительного функционально-семантического анализа специфических форм неличных глаголов в тюркских языках и их диалектах. В связи с этим, сравнительное изучение специфических форм неличных глаголов в тюркских языках дает возможность раскрыть их общие и отличительные черты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные тюркские языки богаты деепричастиями, что обусловлено с функционированием генетически родственных и схожих с семантически-функциональной точки зрения форм. Самые древние деепричастные формы встречаются почти во всех современных тюркских языках (*-ып, -а/-е*). Некоторые деепричастия встречаются либо в отдельных тюркских языках (деепричастия на *-гач, -анда, -док* и т.д.), либо являются специфическими формами одного тюркского языка (деепричастия якутского и чувашского языков). Интересен тот факт, что некоторые деепричастные формы в диалектах и говорах тюркских языков функционируют не только как деепричастия, но и как инфинитив (деепричастие на *-галы* в диалекте западносибирских татар).

В результате научного анализа выявлены характерные сходные и отличительные признаки деепричастных форм глагола тюркских языков, а также их морфологические и синтаксические свойства. В исследовании представлены новые данные, полученные посредством комплексного изучения парадигматических и синтагматических свойств деепричастия на морфологическом, словообразовательном, и синтаксическом уровнях.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В современных тюркских языках деепричастия сочетают в себе признаки как глагола, так и наречия. Деепричастные формы подобно глаголу, передают

значение действия, переходное или непереходное значение, залоговые свойства глагола, употребляются в положительной и отрицательной формах.

2. Деепричастия в современных тюркских языках преимущественно выполняют функцию обстоятельств *времени, причины, цели, способа* или *образа* действия. В лексико-семантическом аспекте деепричастные формы передают значение однородного глагольного сказуемого, функцию сказуемого придаточного предложения, функцию сказуемого первого компонента сложночленного предложения; функцию второстепенного сказуемого.

Интерпретация тюркских деепричастных форм как неизменяемой формы безосновательна. Поскольку, в некоторых тюркских языках деепричастные формы могут принимать аффиксы падежа, числа и лица.

В первую очередь, это явление присуще деепричастиям якутского языка, которые способны изменяться по лицам и числам, а также принимать падежные аффиксы.

Деепричастия современных тюркских языков в основном принимают аффиксы исходного и местного падежей: кумык. *айтгыынчадан берли* - *задолго до того, как ты рассказал*; башкир. *кайткастан* – *возвращаясь*; тувин. *келгеште* – *придя*, тур. *basaraktan* - *наступая*.

3. Деепричастия современных тюркских языков подразделяются на первичные и вторичные. Самыми древними деепричастными формами тюркских языков являются первичные деепричастия, которые могут

- употребляться в удвоенных вариантах, а также с вспомогательными глаголами.
4. Деепричастная форма на - *ып* является самой употребительной формой из всех деепричастий тюркских языков. По-видимому, причиной широкого употребления в языке является то, что эта форма, в большинстве случаев, в стилистических целях заменяет часть однородных сказуемых и выражает самые различные значения.
 5. Деепричастная форма на - *ып* в туркменском языке сочетается с аффиксом - *жык* / - *жик*, передающим уменьшительно - ласкательное значение: *алыпжык гит* – *возьми-ка да иди.* (туркм.яз.), с аффиксом - *рак* / - *рек*, указывающим на неполноту совершения действия: *агсабрак йөрейәр* – *он ходит прихрамывая.*
 6. В языке орхоно-енисейских памятников деепричастия на - *ып* входили в более широкое употребление, чем в современных тюркских языках. Эта форма в языке орхоно-енисейских памятников употребляется с глухим согласным «*n*», а в некоторых современных тюркских языках - со звонким согласным «*b*». Заметим, что первичной деепричастия на -*ып* является форма с глухим согласным «*n*».
 7. При обозначении многократности или интенсивности действия употребляется удвоенная форма, состоящая из одной и той же основы деепричастия на - *ып*⁴ или антонимичных основ деепричастных форм: *İçir içir öyle çoştuştı ki...* *Он непрерывно пил и пришел в такое возбуждение что...* (тур.) - *Узаклы гүн Чары аганын еркүмесине гелип - гидип дурдулар* – *Целый день приходили (и уходили) к землянке Чары-ага* (туркм.).

8. Основным значением деепричастной формы на - *ын*⁴ является значение образа действия. Значение образа действия проявляется двояко: а) деепричастия выражают способ, путь, метод посредством которого выполняется действие основного глагола. В таком случае действие, передаваемое деепричастием, как правило, предшествует действию основного глагола; б) деепричастия, выражающие способ совершения действия. Действие, передаваемое ими, происходит одновременно с действием основного глагола.
9. Отрицательный аспект деепричастий на -*ын*⁴ в тюркских языках огузской группы образуется в основном посредством аффикса -*та/-те* и поныне является единственной отрицательной формой этого деепричастия: *Бен бир кват алмайын ева гелмейжам* – Не получив (хотя бы) одно письмо, я не приду домой (гагауз.); *Molla Nəsrəddin də gecə yatmayıb bir uetək icad edir* – И Молла Насреддин, не ложась ночью, придумывает одно кушанье (азерб.); *Eve gelmeyip nereye gidebilirlerdi*. Домой они не пришли, куда же могли пойти? (тур.).
10. В современном гагаузском языке, в отличие от других тюркских языков, слова, относящиеся к деепричастию, могут следовать не только перед ним, но и после него. Не исключено что, эта особенность деепричастия является следствием влияния на гагаузский язык синтаксиса славянских языков.
11. В письменных памятниках тюркских языков огузской группы, кроме деепричастного аффикса на - *ын*⁴, зафиксирован и аффикс на - *йын* / - *йип* и - *ыбан* / - *ибэн*, - *убан* / -*убэн*. Этот деепричастный аффикс

зарегистрирован и в современных диалектах азербайджанского языка - в Кубинском, Закатальском, Казахском и частично Шемахинском диалектах. В языке азербайджанского эпоса «*Книга - моего Деда Коркуда*» аффикс - *ыбан*⁴ принимает еще и элемент - *и /- ы:* - *убаны / - убани*. Эта форма встречается только в языке «*Книги - моего Деда Коркуда*».

12. Деепричастие на - *ып*⁴ в современных тюркских языках кыпчакской группы употребляется не только в качестве деепричастия, но и в качестве формы изъявительного наклонения личного глагола. Исключением является лишь современный кумыкский язык, в котором деепричастие на - *ып* выступает лишь в качестве деепричастия.
13. В тюркских языках кыпчакской группы действие деепричастия на - *ып* обычно предшествует действию другого глагола: казах. *Күн батып, ел орынга отырды* - *Солнце зашло, люди сели на места*. Действия, передаваемые деепричастной формой на - *ып* в данных языках, может осуществляться также одновременно с действием основного глагола: ног. *Ат онынъ бакырыгыннан сескенип, атлыгын шавып йоънеди* – *Лошадь, вздрогнув, от ее крика, стремительно поскакав, понеслась*.
14. В отдельных тюркских языках кыпчакской группы деепричастия на - *ып* иногда сочетаются с аффиксами, выражающими характер протекания действия. К примеру, в современном кумыкском языке, аффикс - *окъ*, прибавляемый к деепричастию на - *ып*, передает значение завершеного действия. В современном

- кумыкском языке зафиксирован также аффикс - *сув*, присоединяемый к форме на - *ын* и обозначающий неполноту действия: *къызарыпсув – слегка покраснев*.
15. В татарском, ногайском, и каракалпакском языках для обозначения неполноты действия к деепричастию на - *ын* присоединяется аффикс - *ракъ/ - рек*, который в кумыкском (кыпчакская группа) и азербайджанском (огузская группа) языках сочетается с прилагательными для ослабления признака, качества.
 16. Среди современных тюркских языков кыпчакской группы только в современном караимском языке при подлежащем во множественном числе деепричастие на - *ын* согласуется с ним в числе, сочетаясь с аффиксом множественного числа -*лар/ -лер*.
 17. Деепричастие на - *а*, - *е*, - *й* в тюркских языках огузской группы используется, как правило, только в удвоенной форме. Эти деепричастия передают многократность и длительность действия.
 18. В современных тюркских языках огузской группы при повторении деепричастий на -*а*, - *е*, - *й*, образованных от разных основ, повторяются такие деепричастные формы с синонимическими или антонимическими глагольными основами: гаг. *бакына-бакына – оглядываясь по сторонам*, дүшй-калка - *падая-вставая*, туркм.- *сага-сага - доя*, *гөре-биле - видя-зная*, *отура-тура - сидя-стоя*, тур. *korka korka - боясь*, *bağıra çağıra - подняв вопли и крики*, азерб. *danişa-danişa - говоря*. Заметим, что в азербайджанском языке данное деепричастие, образованное от разных глагольных основ, выступают в предложении главным образом в качестве

- наречия. Неудвоенная форма деепричастия на - a^3 в турецком языке встречается в застывших образованиях: *Film on bire beş kala biter* - Фильм кончается без пяти минут одиннадцать.
19. В современном гагаузском языке неудвоенная форма данного деепричастия наблюдается лишь в качестве компонента формы невозможности - *ала-билмӓӓ* - мочь взять.
 20. В современном туркменском языке деепричастие на - a^3 в одинарном виде употребляется с глаголами *бил-мек* - знать, *бермек* - давать, *гӓрмек* - видеть, *алавери* - возьмите-ка и т.д.
 21. Деепричастие на - a^3 в языке орхоно-енисейских памятников употребляется лишь в одинарном виде и не имеет отрицательной формы.
 22. Отрицательный аспект деепричастной формы на - a , - e , - $й$ образуется посредством аффикса - *май/-мей*, который кроме башкирского языка функционирует почти во всех языках кыпчакской группы.
В башкирском языке отрицательная форма - *май*, - *мей* является отрицательной формой лишь деепричастия на - *ын*⁴.
 23. Деепричастный аффикс *madan/ -meden* в тюркских языках имеет сходный фонетический облик и главным образом обозначает обстоятельство образа действия. В диалектах и говорах данных тюркских языков деепричастие на -*madan/ -meden* может иметь иные фонетические варианты, а именно варианты - *madın/ -medin*, *mazdın/ -mezden*, -*mădin/ -madın*.
 24. Деепричастие на -*dıkça*⁴ характерно главным образом для огузской группы тюркских языков. При этом деепричастие на -*dıkça*⁴ встречается также в тюрк-

- ских языках кыпчакской группы (крымско-татарский, старотатарский и др.).
25. Деепричастная форма на *-dikça⁴* в современных тюркских языках и в их диалектах в основном передает значения многократности действия (*всякий раз как*), постепенности выполнения действия и временную связь между двумя действиями (*пока*).
26. В диалектах современных тюркских языков зарегистрированы такие фонетические варианты деепричастной формы на *-dikça⁴*, которые не встречаются в современных литературных тюркских языках (*-dignə* дербентский диалект азербайджанского языка, *-diyhce/-dihcaz/-diyhcez<dih+ca(z)* эрзурумский диалект турецкого языка и т.д.).
27. В отличие от современных тюркских языков, деепричастие на *-iken/ -ken* в гагаузском языке, в диалектах и говорах тюркских языков, а также в письменных памятниках, подчиняется закону гармонии гласных; в языке *Кутадегу-билиг* и дастана «*Китаби-Деде Коркуд*» деепричастный аффикс на *-iken/-ken* (здесь *-erken*) используется лишь с глаголами настоящего-будущего времени (*-ar/-er*). Деепричастие на *-iken/ -ken* в туркменском языке принимает аффиксы лица, чего не наблюдается в других тюркских языках.
28. Деепричастную форму на *- ынджа⁴* по сфере употребления в тюркских языках можно подразделить на 3 группы. В первой группе современных тюркских языков аффикс *- ынджа⁴* имеет форму *- ганша, -ганча, -ганса* и употребляется лишь с широ-

кими гласными (-а, -е, -о, -ö). К этой группе относятся: *казахский, каракалпакский, татарский, башкирский, алтайский, хакасский, шорский языки*. Во второй группе деепричастный аффикс – *ынджа*⁴ имеет формы –*гьынча*, –*ынджа*, –*ынжа*, –*гичэ*, –*гигже*, –*кыша* и употребляется лишь с узкими гласными -и, -і, -и, -й. Ко второй группе относятся: *карачаево-балкарский, турецкий, азербайджанский, гагаузский, уйгурский, тувинский, тофаларский языки и памятники древнетюркской письменности*.

В третьей группе данный деепричастный аффикс функционирует в формах –*гьыча*⁴, –*ганча*, –*гьынча*⁴, –*ынже*, –*гьанша*, –*ынча*⁴, –*гунча*, –*ганча* и употребляется как с узкими гласными (-и, -і, -и, -й), так и с широкими гласными (-а, -е, -о, -ö). К данной группе относятся: *кумыкской, караимский, крымско-татарский, ногайский, туркменский, узбекский, киргизский языки*.

29. В узбекском, каракалпакском, карачаево-балкарском, тувинском, алтайском, шорском, туркменском языках деепричастие на –*ынджа*⁴, –*ганча*², –*гынча*⁴ принимает аффиксы лица (исторически аффиксы принадлежности).
30. Деепричастие на –*gali/-geli-алы*²/–*галы*² главным образом выражает значение времени и цели. В некоторых тюркских языках деепричастие на –*gali/-geli, -алы*²/–*галы*² может выражать два же значения: времени и цели. К таковым относятся: *пам. др.-тюрк. письменности, каракалпакский, киргизский, крымско-татарский*. В узбекском, уйгурском, казахском языках данная форма употребляется в основном в

целевом значении, а значение времени является второстепенным.

В хакасском, турецком, азербайджанском, карачаево-балкарском, ногайском, туркменском, гагаузском, алтайском, крымском диалекте каримского языка, кумыкском, восточном диалекте татарского языка она выражает либо только значение цели, либо только значение времени.

31. Деепричастная форма на *-гач/-геч* встречается преимущественно в тюркских языках кыпчакской, карлукской и уйгуро-огузской групп. В огузской группе тюркских языков и в языке орхоно-енисейских памятников деепричастие на *-гач/-геч* не зарегистрировано.

Деепричастие на *-гач/-геч* характеризует действие во временном, причинно-следственном отношении, а также действие, предшествующее действию основного глагола, а также принимают аффиксы исходного и местного падежей. В якутском языке, в отличие от других тюркских языков, исследуемая деепричастная форма принимает аффиксы родительного падежа.

Приблизительно во всех рассматриваемых тюркских языках деепричастная форма на *-гач/-геч* выступает в различных фонетических вариантах (*-каш/ -гаш, кас/-кэс, -гас/-гэс, -гац/-гэц/-кац/ -кэц, -гъачох/-гъачох/-качох/-кячох* и др.).

32. Отдельные деепричастные формы тюркских языков употребляются не только в качестве деепричастия, но и в качестве личной формы глагола (*-ын*).

**Список использованной
литературы**

на русском языке

1. Абдуллина Г.Р. Категория безличных форм глагола башкирского языка // Вестник Томского государственного университета, 2009, № 321, с.7-13
2. Абдулхаков Р.Р. Языковые особенности произведений Мусы Джаруллаха Бигиева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007, 27 с.
3. Алиев В.Г. Неспрягаемые формы глагола в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1989, 57 с.
4. Алиев У.Б. Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 1960, 38 с.
5. Андреев И.А. Об одной синтаксической особенности деепричастия на *-ca(-ce)* // Учен. зап. Чуваш. науч. исслед. ин-та, 1964, Вып. 27, с. 161-177
6. Аннауров А., Бердыев Р., Дурдыев Н., Шамурадов К. Эрсаринский диалект туркменского языка. Ашхабад: 1972, 171 с.
7. Аннауров А. Категория деепричастия и его функции в туркменском языке в историческом аспекте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ашхабад, 1979, 38 с.
8. Аскарлова М. Деепричастие в современном узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1950, 22 с.
9. Аскарлова М. Деепричастие в современном узбекском языке // Труды Ташкентского

- государственного педагогического института имени Низами, 1954, Вып. 2, с. 16-28
10. Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа: БашГУ, 1963, 195 с.
 11. Ахмедов И.А. Связь деепричастия с наречием в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1981, 22 с.
 12. Ахметов М.А. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку//Советская тюркология, 1974, №3, с. 39-51
 13. Бабушкин Г.Ф. О значениях и синтаксических функциях деепричастий в тувинском языке // Ученые записки Тув. НИИЯЛИ, 1959, вып.7, с. 93-98
 14. Бабушкин Г.Ф. Значения и функции хакасских деепричастий. // Ученые записки Хак.НИИЯЛИ, 1964, вып. №10, с. 13-25
 15. Багыев Х. Оламский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965, 27 с.
 16. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Т. 2, ч.1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1952, 543 с.
 17. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). М.: Наука, 1966, 173 с.
 18. Батманов И.А. Грамматика киргизского языка. Вып. 1. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1939, 76 с.
 19. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе: Издательство Академии Наук Киргизской ССР, 1959, 220 с.
 20. Батырмурзаев А.Н. Грамматика кумыкского языка. Фонетика и морфология. Махачкала: Издательство ДагУчПедГиз, 1971, 152 с.

21. Белецкий А.А. Описательное языкознание как отрасль общего языкознания // Вопросы составления описательных грамматик, 1961, с.5-22
22. Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч.II, Саратов: Издательство Саратовского университета, 1981, 184 с.
23. Гаджихмедов Н.Э. Соотносительное употребление личных и деепричастных форм глагола в кумыкском языке // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение, 1984, № 10, вып. 26, с. 27-32
24. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики (среднеазиатский ареал). М.: Наука, 1975, 303 с.
25. Гатыпова А.В. Сравнительная характеристика деепричастий в монгольском, бурятском и тюркских языках // Вестник Бурятского государственного университета, 2009, Вып. 10, с.131-134
26. Гордлевский В. А. Грамматика турецкого языка. М.: Издательство института востоковедения, 1928, 159 с.
27. Грамматика алтайского языка (составленная членами Алтайской духовной миссии), Казань, 1869, 296 с.
28. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис (под редакцией профессора Н.А.Баскакова). Нальчик: Эльбрус, 1976, 571 с.
29. Грамматика киргизского литературного языка. Фонетика и морфология. Ч. 1, Фрунзе: Илим, 1987, 402 с.
30. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево - Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973, 320 с.
31. Грамматика современного башкирского литературного языка, М.: Наука, 1981, 495 с.
32. Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982, 496 с.

33. Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология. Ч.1, Ашхабад: Ылым, 1970, 503 с.
34. Грамматика хакасского языка (под ред. Н.А.Баскакова). М.: Наука, 1975, 418 с.
35. Гращенков П.В. Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков // Вестник ТГГПУ, 2011, №4 (26), с.182-185
36. Гузев В.Т. Староосманский язык. М.: Наука, 1979, 95 с.
37. Джанмавов Ю.Д. Деепричастия в современном кумыкском литературном языке (морфологическая характеристика): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Баку, 1965, 36 с.
38. Джанмавов Ю.Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М.: Наука, 1967, 330 с.
39. Дмитриев Н.К. Очерки по кумыкскому синтаксису// Языки Северного Кавказа и Дагестана, 1935, вып.1, с. 12-13
40. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940, 303 с.
41. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948, 276 с.
42. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Издательство восточной литературы, 1962, 607 с.
43. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940, 302 с.
44. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941, 308 с.
45. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан: Хаконаоблиздат, 1948, 123 с.
46. Жамьянова М.З. Состав деепричастий монгольского и турецкого языков // Вестник Бурятского государственного университета, 2011, №1, с. 10-13

- ного университета. Востоковедение. Филология, 2008, Вып. 8, с. 86-89
47. Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Ч. 2, Л.: Издательство ЛГУ, 1977, 85 с.
48. Инкижекова-Грекул А.И. Причастия в хакасском языке //Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому, к его семидесятилетию, сборник статей, 1953, с.108-123
49. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961, 470 с.
50. Казембек М.А. Грамматика турецко-татарского языка. Казань: Университетская типография, 1839, 528 с.
51. Керимов И.А., Магомедов А.Г. Грамматика кумыкского языка. Махачкала: Издательство ДагУчПедГиз, 1971, 140 с.
52. Киекбаев Д.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа: Китап, 1996, 367 с.
53. Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1970, 65 с.
54. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VII-XI вв. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1981, 191 с.
55. Кондратьев В.Г. Эволюция системы имен действия и системы деепричастия в турецком языке // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Востоковедение, 1990, № 16, вып. 32, с. 45-51
56. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956, 570 с.
57. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960, 446 с.

58. Кононов А.Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на - *п*, - *б*, -*й(б)*, -*пан*, -*бан*, - *баны*, -*банын* (Материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков) // Вопросы языкознания, 1965, №5, с. 100-111
59. Коркина Е.И. Деепричастие на -*бытынан* в якутском языке // Исследования по грамматике якутского языка, 1983, с. 64-72
60. Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1985, 204 с.
61. Коркина Е.И. Деепричастие на -*бычча* в якутском языке/ Вопросы советской тюркологии (тезисы докладов и сообщений), Ашхабад, 10-12 сентября 1985, с. 43-47
62. Корш Ф.Е. По поводу второй статьи проф. П.М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слово о полку Игореве» // Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук, 1906, Т. 11, кн.1, с. 259-315
63. Котвич В.И. Исследования по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы, 1962, 371 с.
64. Кузнецов П.И. Происхождение прошедшего времени на -*ды* и имени действия в тюркских языках // Тюркомонгольское языкознание и фольклористика, 1960, с. 40-71
65. Кулиев А. Неличные формы глагола в языке орхон-енисейских памятников (в сравнении с азербайджанским языком): Автореф. ...дис. канд. филол. наук. Баку, 1978, 27 с.
66. Любимов К.М. Система деепричастий в современном турецком языке // Советская тюркология, 1977, № 4, с.36-46

67. Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976, 288 с.
68. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1951, 451 с.
69. Мамедов Г.Г. Деепричастия в письменных памятниках азербайджанского языка XIV-XIX веков: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Баку, 1967, 24 с.
70. Матгазиев А. Исследование по морфологии старозубекского языка (конец XVIII - до семидесятих годов XIX века): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ташкент, 1979, 41 с.
71. Махмутова Л.Т. Бастанский говор татарского языка/ Материалы по татарской диалектологии. Казань: Татарское книжное издательство, 1974, с. 29-47
72. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (Мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978, 271 с.
73. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч.2, СПб.: Тип. Имп. АН, 1897, 92 с.
74. Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1900, 297 с.
75. Мешадиева А.Э. Формальное описание закона гармонии в тюркских языках. Баку, Элм, 2004, 244 с.
76. Мешадиева А.Э. Процесс развития словообразовательных аффиксов в современных тюркских языках (на основе узбекского, уйгурского, саларского языков) // *Türk dillərinin tarixi-müqayisəli leksikologiyası məsələləri. Karluq qrupu türk dillərinin leksikası*, 2008, II часть, с. 249-292

77. Мешадиева А.Э. Особенности деепричастия на -а, -е, -й, в тюркских языках огузской группы / Международная заочная научно-практическая конференция «Инновации гуманитарных и естественных наук», сборник научных трудов. Екатеринбург: 2010, с. 48-50
78. Мешадиева А.Э. Сравнительный анализ деепричастий на -а, -е, -й в тюркских языках кыпчакской группы / Материалы II международной научно-практической конференции «Наука в современном мире». М.: 30 июля, 2010, с. 319-324
79. Мешадиева А.Э. Сходные и отличительные черты деепричастной формы на -ын, -ип, -уп, -юп, -п в тюркских языках кыпчакской группы / Материалы международной научно-теоретической конференции «Гуманитарное измерение современного мира». Караганда: 2010, с. 89-94
80. Мешадиева А.Э. Деепричастия на –ын, -ип, -уп, -юп, -п в тюркских языках огузской группы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: 2010, с. 217-223
81. Мешадиева А.Э. К вопросу о принятии деепричастиями аффиксов морфологических категорий в тюркских языках / IV международная научно-практическая конференция «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук». М.: 2010, с.127-130
82. Мешадиева А.Э. К вопросу о деепричастии на –*ta-dan/-meden* в тюркских языках / Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук. Баку: 2011, с.105-112
83. Мешадиева А.Э. Морфолого-семантические особенности деепричастия на -алы²/–галы² в тюркских языках / Материалы III Международной научно-прак-

- тической конференции «Лингвистика в современном мире». М.: 2011, с. 94-104
84. Мешадиева А.Э. О некоторых особенностях деепричастия на - *арак* / -*ерек* в тюркских языках огузской группы / *International scientific journal "Global Science Communications"*, Matters of international scientific internet conference: "Current scientific problems 2011". Cranendonck: 24-31 January 1(7) 2011, p. 4-9
85. Мешадиева А.Э. О сходных и отличительных особенностях деепричастной формы на -*iken/-ken* в тюркских языках: синхронический и диахронический аспекты // *Bakı Universitetinin Xəbərləri, humanitar elmlər seriyası*, 2012, № 4, с.13-20
86. Мешадиева А.Э. Структурно-семантические и синтаксические особенности деепричастной формы на -*dikça*⁴ в современных тюркских языках // *Вестник Иркутского Государственного Лингвистического Университета*, 2013, № 2, с.161-168
87. Мешадиева А.Э. К вопросу о деепричастной форме на -*gali/-geli* в тюркских языках // *Вестник Пятигорского Государственного Лингвистического университета*, 2014, №1, с. 71-75
88. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1945, 321 с.
89. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979, 302 с.
90. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964, 344 с.
91. Мусаев К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка. М.: Наука, 1977, 100 с.

92. Набиуллина Г.А., Фатхуллова К.С. Особенности употребления неличных форм глаголов в языке татарской диаспоры в КНР // Современные проблемы науки и образования, 2012, Вып. № 6, с.1-7
93. Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. М.: Издательство восточной литературы, 1960, 133 с.
94. Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ашхабад, 1960, 16 с.
95. Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. М.: Наука, 1974, 101 с.
96. Насилов Д.М. Заметка о форме *-калак* в шорском языке // Чтения памяти Э.Ф. Чиспиякова, 2000, с. 56-61
97. Невская И.А. Состав и семантика деепричастий в шорском языке // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири, 1986, с.71-8
98. Невская И.А. Деепричастие на *=n* как компонент осложненного и сложного предложения в шорском языке // Компоненты предложения (на материале языков разных систем), 1988, с.154-169
99. Невская И.А. Деепричастие на *=a / =e* в шорском языке // Тюркология-88, 1988, с. 201-203
100. Невская И.А. Грамматикализация деепричастия на *=n* от глагола *пол=* в шорском языке // Предложение в языках Сибири, 1989, с.113 -131
101. Невская И.А. Структура и семантика шорских конструкций с деепричастиями на *=ганче* и *=баанче* // Морфология глагола и структура предложения, 1990, с. 24-38
102. Невская И.А. Состав и функции деепричастий в шорском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990, 21 с.

103. Невская И.А. Шорское деепричастие на =a/=e и производные от него формы // Хакасская диалектология, 1992, с. 129-144
104. Нигматов Х.Г. Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI-XII вв. Ташкент: Фан, 1989, 192 с.
105. Павлов И.П. Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1953, 19 с.
106. Павлов И.П. О двух типах деепричастных конструкций в чувашском языке // Ученые записки Чувашского научного исследовательского института, 1955, вып. 12, с.48-74
107. Павлов И.П. Деепричастие // Материалы по грамматике современного чувашского языка, 1957, с. 240-272
108. Покровская Л.А. О некоторых деепричастных формах в гагаузском языке // Тюркологические исследования, 1963, с. 69-75
109. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964, 298 с.
110. Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, 203 с.
111. Поппе Н.Н. Учебная грамматика якутского языка. М.: Центральное Издательство народов СССР, 1926, 120 с.
112. Поппе Н.Н. Грамматика письменного монгольского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1937, 198 с.
113. Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад: ТуркменОГИЗ, 1943, 100 с.

114. Раджабли А.А. Афинитные формы глагола в языке орхоно-енисейских памятников. Баку: Нурлан, 2008, 127 с.
115. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Издательство иностранной литературы, 1957, 254 с.
116. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978, 287 с.
117. Рассадин В.И. Деепричастия в монгольских и тюркских языках // Электронный информационный журнал «Новые исследования Тувы», 2012, № 4
118. Рассадин В.И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: Издательство Калмыцкого Университета, 2014, 218 с.
119. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Издательство иностранной литературы, 1955, 220 с.
120. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Петроград: Репринт, 1916, 104 с.
121. Сауранбаев Н.Т. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. Алма-Ата: Издательство АН Каз.ССР, 1944, 68 с.
122. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках / Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Тезисы сообщений. М.: Наука, 1967, с. 30–32
123. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986, 285 с.

124. Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата: Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1962, 452 с.
125. Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М.: Наука, 1969, 380 с.
126. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Морфология (под ред. Н.А. Баскакова). Алма-Ата: Наука, 1966, 459 с.
127. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988, 562 с.
128. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции (отв. ред. Э.Р. Тенишев). М.: Наука, 2002, 767 с.
129. Сюй И. Деепричастные полипредикативные конструкции в уйгурском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1995, 16 с.
130. Тадыкин В.Н. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1971, 173 с.
131. Татарская грамматика. Морфология. Т.2, Казань: Таткнигоиздат, 1993, 397 с.
132. Текуев М.М. Сложные глаголы в карачаево-балкарском языке (деепричастия с вспомогательными глаголами) в сравнительном плане: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1973, 27 с.
133. Телицин Н.Н. К характеристике деепричастий в древнеуйгурском языке // Советская тюркология, 1987, № 6, ноябрь-декабрь, с. 10-18

134. Тенишев Э.Р. Саларский язык. М.: Восточная литература, 1963, 56 с.
135. Тенишев Э.Р. Годаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1966, 84 с.
136. Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар. Ч. 2. Казань: Издательство Казанского университета, 1968, 182 с.
137. Тумашева Д.Г. Татарский глагол: (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий): Учеб. Казань: Издательство Казанского университета, 1986, 189 с.
138. Турсунов А. Деепричастия в современном киргизском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Фрунзе, 1958, 20 с.
139. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. II. Новосибирск: Наука, 1976, 214 с.
140. Ульмезова Л.М. Деепричастия (обстоятельственные формы глагола) в карачаево-балкарском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология, востоковедение, журналистика, 2011, Вып. 3, с. 173-180
141. Урусбиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1963, 232 с.
142. Харабаева В.И. Личное оформление деепричастий якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015, № 9 (51), Ч. II, с. 199-201
143. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск: ЯкГиз, 1947, 312 с.

144. Хасанова Л.М. Переход деепричастных форм глагола в другие части речи (на материале башкирского языка) // Вестник Башкирского университета, 2009, Т. 14, № 3, с.871-873
145. Хасанова Л.М. Система деепричастных форм глагола в башкирском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Уфа, 2010, 21 с.
146. Хисамова Ф.М. Морфология татарского языка. Казань: Магариф, 2006, 335 с.
147. Хосрови А.М. Деепричастия в туркменском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ашхабад, 1950, 19 с.
148. Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 3-28
149. Черемисина М.И. Деепричастие как зависимый предикат моносубъектно-полипредикативной конструкции (на материале алтайского языка) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология, 1999, № 4, с.82-88
150. Черемисина М.И. Разносубъектные конструкции с деепричастиями на *-и* в алтайском языке // Вестник Хакасского университета им. Катанова, 2000, Вып II, с.74-78
151. Черемисина М.И. Предложения, осложненные оборотами деепричастного типа темпоральной семантики// Алтайская филология (сборник научных трудов), 2001, с. 8-10

152. Шерванидзе И.Н. Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. Тбилиси: Мецниереба, 1986, 133 с.
153. Ширалиев М.Ш. Об этимологии деепричастной формы на - *ыбан*, - *ибэн*, - *убан*, - *үбэн* // Вопросы языкознания, 1960, № 3, с. 98-99
154. Ширалиев М.Ш. Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку: Элм, 1983, 197 с.
155. Широбокова Н.Н. О соотношении синтетических и аналитических форм в тюркских языках Сибири// Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2013, выпуск 25, с. 82-86
156. Щербак А.М. Деепричастия на -*a-ё*, в тюркских языках / Вопросы грамматики (Сб. статей к 75-летию акад. И.И.Мещанинова). М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960, с. 226-239
157. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961, 204 с.
158. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962, 276 с.
159. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. М.: Издательство АН СССР, 1981, 184 с.
160. Юлдашев А.А. Деепричастие на - *и* в башкирском языке // Тюркологические исследования, 1976, с. 249-268
161. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных личных форм глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1977, 270 с.

162. Юсупов Ф.Ю. Морфология татарского диалектного языка: Категория глагола. Казань: ФЭН, 2004, 592 с.

на азербайджанском языке

163. Aslanov V. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər. I cild. Bakı: ЕЛМ, 2002, 152 s.
164. Aslanov V. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər. II cild. Bakı: ЕЛМ, 2003, 271 s.
165. Aslanov V. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər. III cild. Bakı: ЕЛМ, 2012, 180 s.
166. Azərbaycan dilinin Dərbənd dialekti. Bakı: Elm, 2009, 448 s.
167. Azərbaycan dilinin naхçıvan qrupu dialekt və şivələri (M.Ş. Şirəliyevin red. altında). I c. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası Nəşriyyatı, 1962, 326 s.
168. Azərbaycan klassik ədəbiyyatından seçmələr. Üç cildə. II- cild. Bakı: Şərq-Qərb, 2005, 408 s.
169. Bəşirov K.K. Oğuz qrupu türk dillərində feili bağlama şəkilçiləri (I məqalə) //Azərbaycan Dillər Universitetinin elmi xəbərləri, 2010, № 4, s. 56-60
170. Bəşirov K.K. Oğuz qrupu türk dillərində feili bağlama şəkilçiləri (II məqalə) // Azərbaycan Dillər Universitetinin elmi xəbərləri, 2010, № 5, s.146-151
171. Dəmirçizadə Ə. Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarının dili (Pedaqoji institutların tələbələri üçün tədris vəsaiti). Bakı: ADPU Nəşriyyatı, 1959, 160 s.
172. Dəmirçizadə Ə. Kitabı-Dədə Qorqud dastanlarının dili (təkrar nəşr). Bakı: Elm, 1999, 140 s.

173. Ergin Y.Q.Kitabi-Dədə Qorqud dastanında təsriflənməyən feillər: filol. elm. üzrə fəl. dok. ... dis. avtoref. Bakı, 2007, 26 s.
174. Əbdürrəhimova M. Türk və Azərbaycan dillərində feili bağlamanın müqayisəli təhlili // Dil və ədəbiyyat. Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal, 2014, №4 (92), s.108-111
175. Əhmədov İ. Azərbaycan dilində feili bağlamaların zərflə doğru inkişafı // ADU-nun Elmi əsərləri, 1976, № 3, s. 20-21
176. Əliyev V. Feili bağlama və onun tədrisinin bəzi məsələləri / "Dilçilik fənlərinin tədrisinin metodikası. Elmi əsərlər məcmüəsi. Bakı: APİ-nin nəşri, 1987, s.34-42
177. Əliyev V. Azərbaycan dilində feili bağlama. Bakı: APİ-nin nəşri, 1989, 96 s.
178. Əlizadə S. Orta əsrlərdə Azərbaycan yazı dili. Bakı: ADU-nun nəşri, 1985, 250 s.
179. Əsgərov M.B. Zaman formaları, adverbial feil formaları və onlar arasında funksional-semantik əlaqələr. Bakı: Nurlan, 2002, 146 s.
180. Əsgərov M.B. Türk dillərində zaman formaları və adverbial feil formaları arasında funksional-semantik əlaqələr: türk və Azərbaycan materialları əsasında: filol. elm. üzrə fəl. dok. ... dis. avtoref. Bakı, 2004, 26 s.
181. Hacıyev T.İ. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi. I hissə. Bakı: Elm, 2012, 476 s.
182. Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili. Morfologiya. III hissə. Bakı: Maarif nəşriyyatı, 1983, 275 s.
183. İslamov M. Azərbaycan dilinin nuxa dialekti. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1968, 274 s.

184. Kazımov İ.B. Mahmud Kaşğari «Divan»ı və çağdaş türk dilləri. Bakı: Elm və təhsil, 2014, 224 s.
185. Kazımov Q.Ş. Müasir Azərbaycan dili. Morfologiya. Bakı: Elm və təhsil, 2010, 400 s.
186. «Kitabi-Dədə Qorqud». Bakı: Азәрһәһһр, 1962, 175 s.
187. Məmmədquluzadə C. Əsərləri. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967, 751 s.
188. Məmmədova E.A. Mahmud Kaşğarinin "Divanü lüğət it Türk" əsərində feil: filol. elm. üzrə fəl. dok. ... dis. avtoref. Bakı, 2015, 27 s.
189. Məşədiyeva A.Ə. Qədim türk və müasir türk dillərində hal sisteminin oxşar cəhətləri // Varlıq-Quarterly Journal in Turkish and Persian, 2009, s. 75-82
190. Məşədiyeva A.Ə. Türk dillərində feili bağlamaların dəyişməzliyi məsələsinə dair// Varlıq-Quarterly Journal in Turkish and Persian, 2012, s. 84-92
191. Mirzəzadə H. Azərbaycan dilinin tarixi morfologiyası. Bakı: Azərbaycan dövlət tədris-pedaqoji ədəbiyyatı nəşriyyatı, 1962, 370 s.
192. Musayeva Ş.A. Azərbaycan dilində feili bağlama və onun ingilis dilində ifadə üsulları: filol. elm. üzrə fəl. dok. ... dis. avtoref. Bakı, 2015, 25 s.
193. Müasir Azərbaycan dili. Morfologiya. II cild. Bakı: Elm, 1980, 510 s.
194. Paşayev Q. İraq-Türkman Lehçəsi. Bakı: Elm, 2004, 230 s.
195. Rəcəbov Ə., Məmmədov Y. Orxon-yenisey abidələri. Bakı: Yazıçı, 1993, 400 s.
196. Rüstəmov R.Ə. Quba dialekti. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1961, 281 s.

197. Rüstəmov R.Ə. Türk dilinin morfolojiyası. Bakı: Nurlan, 2007, 208 s.
198. Şirəliyev M.Ş. Bakı dialekti. Bakı: Elm, 1957, 226 s.
199. Tanrıverdi Ə. Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası. Bakı: Elm və təhsil, 2010, 458 s.

на турецком языке

200. Ağca F. Eski Türkçede {-a/ -ı/ -(y)u} ünlü zarf-fiil eklerinin farklı bir işlevi üzerine // Türkbilig Türkoloji Araştırmaları, 2006, sayı 13, s. 3-37
201. Akar A. Ağızlardaki {-dıklıkın} zarf-fiil ekinin yapısı // Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, Winter 2011, Volume 6/1, p. 305-309
202. Akar A. Muğla ve yöresi ağızları. Gramer –Metin-Sözlük. Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 2013, 480 s.
203. Aktaş A. -Dıktan/-Duktan sonra zarf-fiili üzerine bir araştırma // Türk dili, 2001, s. 257-264
204. Alkaya E. -gali ekinin Sibiryta tatar türkçesindeki kullanımını üzerine // Turkish Studies - International Periodical For The Languages, literature and History of Turkish or Turkic, Summer 2011, Volume 6/3, p.155-174
205. Argunşah M. Kıbrıs Ağzında Ünlü Değişmeleri // Kıbrıs Konuşuyor, Kıbrıs Ağzı Üzerine İncelemeler, 2009, s. 85-108
206. Argunşah M. Türkçede zarf-fiil eklerinin durum ekleriyle kalıplaşması // Turkish Studies – International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, Winter 2011, Volume 6/1, p. 55-68

207. Arıkoğlu E. Türkçenin *-rak ve -arak* ekleri hakkında / 5. Uluslararası Türk Dil Kurultayı. Ankara, 2004, s.187-191
208. Atmaca E. “Antalya’nın Korkuteli lehçesi Ağzında Görülen Belirgin Ses Hadiseleri” // Dil araştırmaları, C. 1, S. 1, Güz 2007, s.115-155
209. Aydemir A. Türkiye türkçesinde zarf-fiil cümlelerinde sözcük sıralaması üzerine // Gazi Türkiyat, güz 2012, sayı 11, s. 227-233
210. Aydemir İ.A. Altay Tuvacası'nda ulaş cümlelerinin ilkeyleyenlerine göre tipolojik bir analizi / VIII. Uluslararası Türk Dilbilim Konferansı Bildirileri, 7-9 Ağustos 1996, s. 99-108
211. Aydın M. Anadolu ağızlarında *-iken~ -ken* zarf-fiilinin kullanımı ve görevleri // Türk dili, 2000, s.639-645
212. Balcı O. Kazak türkçesinde *-a, -e/-y* zarf-fiil eki ve işlevleri // Turkish Studies - International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, Spring 2012, Volume 7/2, p.183-192
213. Banguoğlu T. Türkçenin grameri. İstanbul: Baha Matbaası, 1974, 630 s.
214. Banguoğlu T. Türkçenin grameri. Ankara: TDK yayınları, 2007, 628 s.
215. Baydar A.S. Eskişehir ve yöresi kırım tatar ağzında *-p* zarf-fiil eki // Turkish Studies International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, Spring 2008, Volume 3/3, s.139-151
216. Bayraktar F.S. Trakya ve rumeli türkçesi ağızlarında *iken* zarf fiilinin işlevleri // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi, 2013, sayı:2/4, s. 69-83

217. Bayraktar N. Türkçede fiilimsiler. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2004, 397 s.
218. Beysanoğlu Ş. Diyarbakır ağzı. Ankara: Güzel İstanbul Matbaası, 1966, 246 p.
219. Boz E. Bir birleşik zarf-fiil "fiil+sıfat-fiil eki+ (iyelik eki+) hal eki" yapısı üzerine // İlmî araştırmalar, 2005, sayı 19, s. 43-48
220. Cin A. *-Araktan* ekinin kullanımı ve yapısı // SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi, Mayıs 2012, Sayı: 25, s.185-192
221. Coşkun M.V. Özbek türkçesi grameri. Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 2014, 250 s.
222. Çakmak C. Birleşik zarf-fiil kavramı ve çağdaş türk lehçelerindeki görünüşleri // Dede Korkut Türk Dili ve Edebiyatı Araştırmaları Dergisi, 2013, cilt: 3, sayı: 6, s.13-30
223. Çolpan A.S. Yene Aldim Sazimni. Taşkent: 1991, 120 s.
224. Demir N. Şalpaazarı, Giresun ve Ordu yöresi ağızlarında kullanılan zarf-fiil ekleri // Türklük Bilimi Araştırmaları, 1999, sayı 8, s. 313-334
225. Demir N. Ordu ili ve Yöresi Ağızları. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2001, 359 s.
226. Deny J. Türk dili grameri (Osmanlı Lehçesi), çev. A. Ulvi Elöve. İstanbul: Maarif matbaası, 1941, 1142 s.
227. Durmuş O. *{-(y)arak}* zarf-fiil ekinin kökeni üzerine// Türkbilig, 2012, cilt 23, s.19-60
228. Ediskun H. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1963, 413 s.
229. Enis R. Kanun namına. İstanbul: 1932, 168 s.
230. Enis R. Gonk vurdu. İstanbul: Semih Lütfi Sühulet Kütüphanesi, 1933, 285 s.

231. Ercilasun A.B. Kutadgu bilig grameri (fil). Ankara: Gazi Üniversitesi yayınları, 1984, 162 s.
232. Erdem M.D. –*Duhcan/-Dükcen sona/sora* zarf fiili üzerine // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten, 2006, s. 21-28
233. Erdem M.D., Dağdelen G. Karabük ve Yöresi Ağızları, İstanbul: Karabük Valiliği Yayınları, 2012, 1065 s.
234. Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1962, 384 s.
235. Ergin M. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1972, 192 s.
236. Ergin M. Türk dil bilgisi. İstanbul: Boğaziçi yayınları, 5. Baskı, 1980, 395 s.
237. Fikret T. Adverbs and Adverbial Constructions in Old Anatolian Turkish, Germany: Otto Harrassowitz Verlag, 2000, 136 p.
238. Gemalmaz E. Erzurum ili ağızları (İnceleme-Metinler-Sözlük ve Dizinler). I. Cilt. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1995, 247s.
239. Gökçe F. Altay dillerinde ortak bir gramatikal morfem {zarf-fiil eki/mastar eki + gör-} üzerine // Türkbilig, 2014, sayı 27, s. 1-12
240. Gülensoy T. Kütahya ve yöresi ağızları (inceleme-metinler-sözlük), Ankara: TDK yayınları, 1988, 257 s.
241. Gülseren C. Malatya ili Ağızları, Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2000, 447 s.
242. Gülsevin G. Uşak ili Ağızları, Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2002, 396 s.
243. Gülsevin G. Türkiye türkçesinde birleşik zarf-fiiller // Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2010, s. 126-144

244. Gülsün M. “Salar Türkçesinde Zarf-Fiilli Öge Cümleler ve Zarf-Fiil İşaretleyicilerinin Görünümü”// Turkish Studies, 2010, V. 5/4, s. 502-534
245. Gültekin M. Kırgız türkçesinde zarf-fiiller ve Türkiye türkçesi karşılıkları üzerine bir araştırma // TÜBAR (Türklük Bilimi Araştırmaları), Güz 2011, XXX, s.99-126
246. Günay T. Rize ili ağızları (İnceleme-Metinler –Sözlük). Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 2003, 340 s.
247. Günşen A. Doğu Trakya ağızlarının şekilbilgisini belirleyen temel özellikler // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2008, volume 3/3, s.402-470
248. Hacılova K.A. Türkçede İken’in durumu ve Fonksiyonu (13-16. yüzyıllarında) // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi, 1970, c. XVIII, s.1-8
249. Hatipoğlu V. Gerundiumların özellikleri ve ‘-iser’ Eki // Türk Dili, C.III, 1954, s.510–518
250. Johanson L. Zur typologie türkischer gerundial- segmente // Türk dilleri araştırmaları, 1991, s. 98-110
251. Hünerli B. Doğu Trakya ağızlarında arkaik olarak kullanılan sınırlama işlevindeki $\{-(y)ınca\}$ zarf-fiil eki // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2010, vol. 5/1 winter, s. 496-507
252. Hünerli B. $\{-(G)ı(n)CA\}$ zarf-fiilinin farklı bir işlevi üzerine [sistematik olarak “karşıtlık-kıyaslama” bildirme] // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi, 2012, Sayı:1/2, s. 1-14

253. Kahya H. Karamanlıca zarf-fiil eklerinden örnekler // Selçuk Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Edebiyat Dergisi, 2008, s. 131-152
254. Kalay E. Edirne ili Ağızları, Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1998, 268 s.
255. Karadoğan A. -*Ip* ile Kurulan Zarf-Fiilli Parçaların Türkmen Türkçesinden Türkiye Türkçesine Aktarımı Üzerine // Bilig Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi, Güz 2004, sayı 31, s. 207-218
256. Karahan L. Zarf-Fiil Eklerinde Genişleme Eğilimi ve -*s(a)r* Ekinin Yapısı // Türk Dili Üzerine İncelemeler, 2011, s. 192-200
257. Karahan L. Anadolu ağızlarının sınıflandırılması. Ankara: Türk Dil Kurumu yayınları, 2014, 203 s.
258. Karahan L. Türkiye türkçesi ağızlarında {-*ı*} zarf-fiil ekli ikilemeler / VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi. İstanbul, Bildiri Kitabı, 2014, C. II, s. 75-84
259. Karamanlıoğlu A.F. Kıpçak Türkçesi grameri. Ankara: TDK yayınları, 1994, 191 s.
260. Karaosmanoğlu Y.K. Ankara. İstanbul: Hakimiyeti Milliye Matbaası, 1934, 208 s.
261. Kemal N. Rüya ve Magosa mektubu. İstanbul: Matbaayı-İctihad, 1908, 80 s.
262. Kerimoğlu C. Dede Korkut hikayelerinde zarf-fiilli birimler // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic, 2008, Volume 3/1 Winter, s. 59-71
263. Kirişçioğlu F. Yakut (saha) türkçesinde yapısı tartışılan iki zarf-fiil eki / I Uluslararası Büyük Türk Dil Kurultayı. Kıbrıs: TİKA, 25–28 Eylül 2008, s. 359–370

264. Korkmaz Z. Türkiye türkçesinde –*madan/ -meden* zarf-fiil ekinin yapısı üzerine // Türkoloji dergisi, 1969, II cilt, s. 259-269
265. Korkmaz Z. Türkçede *-n* zarf-fiil eki ile *-pan// -pen* eki ve türemeleri // Türk araştırmaları yıllığı. Belleten, 1987, s.155-165
266. Korkmaz Z. Güney-Batı Anadolu Ağızları. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1994, 130 s.
267. Mansuroğlu M. Edirne Ağzında Yapı, Anlam, Deyim ve Söz Dizini Özellikleri // TDAY- Belleten, 1960, s.181-187
268. Nesin A. Orkestra adam. Sofya: Narodna Prosveta Devlet Neşriyatevi, 1960, 231 s.
269. Nesin A. Zübük. İstanbul: Cem Yayınevi, 1967, 304 s.
270. Olcay S. Doğu Trakya Yerli Ağzı. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1995, 130 s.
271. Öner M. –*matı/-meti* gerundiyumu hakkında / Uluslararası Türk Dil Kurultayı. Ankara: TDK yayın 678, 1999, s. 833-840
272. Öner M. Türkçede –*prak* Zarf-Fiil Eki // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi, Eylül 2007, c. 4, sayı 3, s. 68-73
273. Özçelik S. Urfa merkez ağzı. Ankara: TDK, 1994, 271 s.
274. Özmen M. Türkçede *-ken* zarf-fiili. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2014, 76 s.
275. Sabahattin A. Kuyucaklı Yusuf. İstanbul: Yeni kitapçı, 1937, 290 s.
276. Sabahattin A. Kürk Mantolu Madonna. İstanbul: Remzi Kitabevi, 1943, 177 s.
277. Sağır M. Erzincan ve Yöresi Ağızları (İnceleme-Metinler-Sözlük). Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1995, 435 s.

278. Salan E. {-Mağın} zarf-fiil eki üzerine // A.Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi [TAED], Erzurum 2015, sayı 54, s.71-84
279. Savran H. Kırım tatar türkçesinde kullanılan “-keç” zarf fiil eki ve bu ekin tarihî seyri üzerine // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, 2007, Sayı 23, s.59-64
280. Sezer Ö. Türkiye Türkçesi Ağızlarında Zarf-Fiiller / I. Uluslararası Türk Dünyası Kültür Kurultayı –Bildiriler. 2007, c. IV, s.1876-1877
281. Tabaklar Ö. Göktürk harflı yazıtlarda –*gali* eki üzerine //, İstanbul Üniversitesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi, 2011, cilt 45, Sayı 45, s. 269-274
282. Tekin Ş. Türkçede –*ma* olumsuzluk ile –*dık* eki nereden geliyor? // Tarih ve Toplum, 1990, cilt 13, sayı 74, s. 78-81
283. Tekin T. {*Matı(n)*} gerundiumu üzerine, çev. Umit Özgür Demirci // Dil araştırmaları, 2010, sayı 6, s. 203-210
284. Tiken K. Türkiye Türkçesinde basit ve birleşik zarf-fiillerin ifade ve işlevleri // TDAY-Belleten 1999, sayı I-II, s. 281-364
285. Tiken K. Eski Türkiye Türkçesinde edatlar, bağlaçlar, ünlemler ve zarf-fiiller. Ankara: Türk Dil Kurum Yayınları, 2004, 177 s.
286. Tokay H. Çömlekçi köyü (Bodrum) ağız özellikleri. Muğla: 2008, 120 s.
287. Uçar E. Eski türkçe –*gınça* zarf fiil ekinin kökeni üzerine // Gazi Türkiyat, Güz 2012, sayı 11, s. 47-52
288. Uğurlu M. -*Arak* ve -*p* ile kurulan zarf-fiilli parçalarda sınır vurgulayışı rolü / 3. Uluslararası Türk Dil Kurultayı. 1996, s. 1181-1187
289. Uğurlu M. Memlûk Türkçesinde zarf-fiilli parçaları dizimi. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2000, 84 s.

290. Üstüner A. Çağatay Türkçesi'nde "-rda, -arda, -urda" zarf-fiil eki / IX. Millî Türkoloji Kongresi, 15-19 Eylül 1997, s. 163-170
291. Üstüner A. Türkçede Pekiştirme. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2003, 250 s.
292. Volkan C. Tarihi ve çağdaş Türk lehçelerinde zaman kavramı taşıyan *-a/e, -ı/i, -u/ü, -y* zarf-fiil ekleri // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, 2001, sayı: 11, Bahar, s. 76-93
293. Volkan C. Türk lehçelerinde zaman kavramı taşıyan *-p* zarf-fiil eki // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, sayı: 7, Bahar, 1999, s. 173-192
294. Yapıcı A.İ. Aydın ve Yöresi Ağızları I-II: Basılmamış Doktora Tezi, Muğla, 2013, 140 s.
295. Yıldırım F. Adana ve Osmaniye illeri Ağızları I-II. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2006, 857 s.
296. Yıldız O. Isparta Merkez Ağzı, Isparta: Fakülte Kitabevi Yayınları, 2002, 193 s.
297. Yüce N. Gerundien im türkischen Eine morphologische und syntaktische Untersuchung: Doktorarbeit. Mainz, 1973, 167 p.
298. Yücel B. Türkiye türkçesinde zarf-fiil eklerinin yapı bakımından sınıflandırılması üzerine // Türklük Bilimi Araştırmaları, 2000, sayı 9, s. 75-114

На иностранных языках

299. Bang W. Das negative verbum der Türkspachrachen // Sitzungsberichte der (Berliner, d. h.) Preussischer

- Akademie der Wissenschaften (SBAW), 1923, vol. XVII, p.114-131
300. Benzing J. Der aorist im Türkshen // Ural-Aitaische Jahrbucher (UAJb), 1952, 24, p.130-132
301. Böhling O. Über die Sprache der Yakuten: Grammatik: Text und Wörterbuch. SPb.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851, 184 p.
302. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden: Brill Archive, 1951, 429 p.
303. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. 2. Verbesserte Auflage, Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950, 357 p.
304. Johanson L. Funktionen Syndetischen Gerundien im Türkischen / Uluslararası Türk Dili Kongresi. Ankara: TDK, 1988, s. 95-101
305. Meshadiyeva A.E. On comparative analysis of the adverbial participle form ending in *-gach/-gech* in the Turkic languages / 2nd International scientific-practical conference «*Innovations in science, technology and the integration of knowledge*». London: Berforts Information Press Ltd, 2015, p.184-194
306. Meshadiyeva A.E. On some specific non-finite forms of verbs in the Turkic languages // International Journal of Science and Research (IJSR) ISSN (Online): 2319-7064, July 2015, Volume 4, Issue 7, p. 500-505
307. Mundy C.S. The *-e/-ü* Gerund in Old Ottoman: I. Formal Analysis // Bulletin of the School of Oriental and African Studies (BSOAS), 1955, vol. 17, issue 1, p. 298-319
308. Ramstedt G.J. Über die konjugation des Khalkha-Mongolischen // MSFO, Suomalaie-ugrilaisen Seuran toimituksia XIX. Memoires de la Soaibte Finno-ougrienne XIX. Osnabrük: Otto Zeller 1968, 127 p.

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

309. Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Helsinki: Formenlehre, 1952, 262 p.
310. Thomsen V. Turcica, etudes concernant l'interpretation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Siberie // MSFOu, vol. XXXVII, 1916, p. 1-96
311. Yüce N. Über Das Gerundium *-araq/-erek* // Central Asiatic Journal, 1973, sayı: 17, s. 274- 281
312. Батырмурзаев А.Н. Къумбук тилни грамматикасы. Магъачкъала: Дагучпедгиз, 1933, 177 с.
313. Кербабаев Б. Решающий шаг. Ашхабад: Издательство Туркменистан, 1976, 701 с.
314. Махтумкули Сайланан эсерлер. Т. 1-2. Ашхабад: 1959
315. Сейтеков Б. Гыз салгыды. Ашхабад: 1962, 248 с.
316. Тумашева Д.Г. Хэзерге татар теле морфологиясе. Казан: Казан ун-т няшр., 1964, 298 с.

СОКРАЩЕНИЯ

- Азерб. – азербайджанский
Алт. – алтайский
Анатол. – анатолийский
Аф. – аффикс
Бакин. – бакинский
Башк. – башкирский
Вост. – восточный
Гаг. – гагаузский
Гяндж. – гянджинский
Дееп. – деепричастие
Ед.ч. – единственное число
К.-калп. – каракалпакский
Каз. – казахский диалект азербайджанского языка
Казах. – казахский (язык)
Карабах. – карабахский
Караим. – караимский
Карач.-балк. – карачаево-балкарский
Кирг.яз. – киргизский язык
Крым.-тат. – крымско-татарский
Кубин. – кубинский
Кумык. – кумыкский
Лит. – литературный
Мн.ч. – множественное число
Монг. – монгольский
Нахч. – нахчыванский
Ног. - ногайский
Нух. диал. – нухинский диалект
Род. п. – родительный падеж

*Система деепричастных форм глагола в тюркских языках
(в сравнительно-историческом освещении)*

Румел. – румелийский

Совр. – современный

Тат. – татарский

Тоф. – тофаларский

Тув. – тувинский

Тунг. – тунгусский

Тур. – турецкий

Туркм. – туркменский

Тюрк. – тюркский

Узб. – узбекский

Уйг. – уйгурский

Хакас. – хакасский

Шор. – шорский

Як. - якутский

РЕЗЮМЕ

Монография *«Система деепричастных форм глагола в тюркских языках (в сравнительно-историческом освещении)»* посвящена сравнительно-историческому анализу системы деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах.

Монография состоит из предисловия, введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

В предисловии освещается предмет изучения, используемые научные методы, языковой материал, определяется значение исследования в теоретическом и практическом плане.

В первой главе монографии именуемой *«Проблема изученности деепричастных форм глагола в тюркологии»* содержится краткое изложение состояния вопроса, описываются основные понятия и термины деепричастных форм глагола.

В данной главе анализируются вопросы о неизменяемости деепричастий и принципы их классификации в тюркских языках. Здесь также затрагивается проблема принятия деепричастными формами глагола аффиксов лица, принадлежности, падежей.

Вторая глава монографии под названием *«Грамматические особенности деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах»* посвящена анализу лексико-семантической сущности, морфологических свойств первичных и вторичных деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах. Тщательный анализ каждой деепричастной

формы дал возможность выявить как их схожие, так и дифференциальные морфолого-семантические признаки.

В данной главе прослеживается ход исторического развития каждой деепричастной формы глагола современных тюркских языков. Здесь на конкретных примерах определяется степень распространенности той или иной формы, а также проводится подробный анализ характера управления деепричастий различными падежами. Во второй главе достаточно подробно изучаются гипотезы относительно этимологии деепричастных аффиксов тюркских языков.

Третья глава монографии именуемая *«Сравнительно-исторический анализ некоторых специфических аффиксов деепричастных, причастных и инфинитивных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах»* посвящена сравнительно-историческому анализу некоторых специфических аффиксов деепричастных, причастных и инфинитивных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах.

В этой главе раскрывается происхождение специфических аффиксов деепричастных причастных и инфинитивных форм глагола в отдельных тюркских языках. Здесь также прослеживается их генетическое родство с другими формами в современных тюркских языках. Вместе с тем в рассматриваемой главе анализируются лексико-семантическая сущность и морфологические особенности специфических аффиксов деепричастий, причастий и инфинитивов в отдельных тюркских языках.

В *“Заключении”* обобщаются выводы, полученные в результате исследования.

XÜLASƏ

“*Türk dillərində feilin feili bağlama formaları sistemi (müqayisəli-tarixi aspektdə)*” monoqrafiyası müasir türk dillərində və onların dialektlərində feilin feili bağlama formaları sisteminin müqayisəli-tarixi təhlilinə həsr olunmuşdur.

Monoqrafiya önsöz, giriş, üç fəsil, nəticə və istifadə olunmuş ədəbiyyat siyahısından ibarətdir.

Önsözdə mövzunun öyrənilməsi, istifadə olunmuş elmi metodlar, dil materialı işıqlandırılır, tədqiqatın əhəmiyyəti, nəzəri və praktiki planda müəyyənləşdirilir.

Monoqrafiyanın “*Türkologiyada feilin feili bağlama formalarının öyrənilməsi problemi*” adlanan birinci fəslində məsələnin qısa şərhı verilir, feilin feili bağlama formalarının əsas anlayışları, terminləri göstərilir. Həmin fəsildə türk dillərində feili bağlamaların dəyişilməzliyi barədə məsələlər və onların təsnifat prinsipləri təhlil edilir. Burada həmçinin feilin feili bağlama formalarının şəxs, mənsubiyyət şəkilçilərini qəbul etməsi probleminə toxunulur.

Monoqrafiyanın “*Müasir türk dillərində və onların dialektlərində feilin feili bağlama formalarının qrammatik xüsusiyyətləri*” adlı ikinci fəslı müasir türk dillərində və onların dialektlərində feilin birincili və ikincili feili bağlama formalarının leksik-semantik mahiyyətinin, morfoloji əlamətlərinin təhlilinə həsr edilmişdir. Hər bir feili bağlama formasının müfəssəl təhlili onların həm oxşar, həm də differensial morfoloji-semantik əlamətlərinin aşkar edilməsinə imkan vermişdir.

Bu fəsildə müasir türk dillərində hər bir feilin feili bağlama formasının tarixi inkişaf gedişi izlənilir. Burada bu və ya

başqa formanın yayılma dərəcəsi konkret misallarla müəyyən-
ləşdirilir. Eyni zamanda, feili bağlamaların ismin müxtəlif
halları ilə idarə olunması xüsusiyyətlərinin əhatəli təhlili
aparılır.

İkinci fəsildə türk dillərində feili bağlama şəkilçilərinin
etimologiyası kifayət qədər ətraflı öyrənilmişdir.

Monoqrafiyanın üçüncü fəslı “*Müasir türk dillərində və
onların dialektlərində feilin feili bağlama, feili sifət və
infinitiv formalarının bəzi spesifik şəkilçilərinin müqayisəli-
tarixi təhlili*” adlanır. Bu fəsil müasir türk dillərində və
onların dialektlərində feilin feili bağlama, feili sifət və infi-
nitiv formalarının bəzi spesifik şəkilçilərinin müqayisəli-tarixi
təhlilinə həsr olunmuşdur.

Üçüncü fəsildə ayrı-ayrı türk dillərində feilin feili bağ-
lama, feili sifət və infinitiv formalarının spesifik şəkilçilərinin
mənşəyi təhlil edilir. Göstərilən fəsildə həmçinin müasir türk
dillərində onların başqa formalarla genetik qohumluğu izləni-
lir. Bununla yanaşı həmin fəsildə ayrı-ayrı türk dillərində feili
bağlamaların, feili sifət və infinitiv spesifik şəkilçilərinin
leksik-semantik mahiyyəti və morfoloji xüsusiyyətləri təhlil
edilir.

“*Nəticədə*” tədqiqat işində alınan nəticələr ümumiləş-
dirilir.

ABSTRACT

The monograph entitled "*The system of adverbial-participial forms of the verb in the Turkic languages (in comparative-historical aspect)*" is devoted to a comparative-historical analysis of the system of participial forms of the verb in modern Turkic languages and their dialects.

The monograph consists of a Preface, introduction, three chapters, conclusion and list of used literature.

In the Preface the subject of study, used scientific methods, the language material are covered, likewise the value of the research in theoretical and practical aspect are determined.

The first Chapter of a monograph entitled "*The problem of a coverage of adverbial-participial forms of the verb in Turkology*" contains a summary of the status of the issue, describes several basic concepts and terms of adverbial-participial forms of the verb.

This Chapter examines the issues of the adverbial-participial forms's invariability and principles of their classification in the Turkic languages. It also addresses the issue of the personal, possessive, case affixes's adoption of adverbial-participial forms of the verb.

The second Chapter of a monograph entitled "*The grammatical features of adverbial-participial forms of the verb in modern Turkic languages and their dialects*" is devoted to the analysis of lexical-semantic essence, morphological properties of the primary and secondary adverbial-participial forms of the verb in modern Turkic languages and their dialects. A thorough analysis of each

adverbial-participial form gave the opportunity to identify their similar and differential morphological and semantic features.

This Chapter traces the course of the historical development of each adverbial-participial form of the verb in the modern Turkic languages. Here, the degree of prevalence of these forms is determined on concrete examples, and detailed analysis of the different case government's nature by adverbial-participial forms is performed.

In the second Chapter the etymology of adverbial-participial affixes of the Turkic languages is studied in sufficient detail.

The third Chapter of the monograph entitled "*The comparative-historical analysis of some specific affixes of adverbial-participial, participial and infinitive forms of the verb in modern Turkic languages and their dialects*" is devoted to the comparative and historical analysis of some specific affixes of adverbial-participial, participial and infinitive forms of the verb in modern Turkic languages and their dialects.

This Chapter reveals the origin of specific affixes of adverbial-participial, participial and infinitive forms of the verb in separate Turkic languages. The Chapter also observes their genetic relatedness with other forms in modern Turkic languages. However, the analyzed study examines lexical-semantic essence and morphological features of specific adverbial-participial, participial and infinitive affixes in some Turkic languages.

The "*Conclusion*" summarizes the main findings of the study and highlights the implications of the research for practice and future Turkological studies.

ÖZET

“*Türk dillerinde fiilin zarf-fiil sistemi (karşılaştırmalı-tarihsel açıdan)*” adlı monografi çağdaş Türk dillerinde ve ağızlarında fiilin zarf-fiil sisteminin karşılaştırmalı-tarihsel incelemesine hasredilmiştir.

Kitap “*Önsöz*”, “*Giriş*”, üç bölüm, “*Sonuç*” ve “*Kaynakça*”dan oluşmaktadır.

Yazar önsözde çalışmanın konusunu, eserde kullanılan bilimsel yöntemleri, dil malzemesini açıklamaktadır ve aynı zamanda araştırmanın değerini teorik ve pratik açıdan belirlemektedir.

Eserin “*Türkolojide zarf-fiillerin inceleme problemi*” başlığı adı altında birinci bölümünde mevzunun kısa bir özeti verilmektedir. Bundan başka yazar bu bölümde zarf-fiillerin temel kavramları ve terimleri hakkında açıklama yapmıştır.

Araştırmanın birinci bölümünde Türk dillerinde zarf-fiillerin değişmezliği ve sınıflandırılması sorunu incelenmektedir. Ayrıca burada zarf-fiillerin şahıs, iyelik ve hal ekleri ile kullanılması konusu tetkik edilmektedir.

Monoğrafının “*Çağdaş Türk dillerinde ve ağızlarında zarf-fiillerin gramer özellikleri*” başlığı adı altında ikinci bölümünde çağdaş Türk dillerinde ve ağızlarında basit ve türemiş zarf-fiillerin sözcüksel, anlamsal yapısı ve morfolojik özellikleri analiz edilmektedir. Her zarf-fiilin titiz bir incelenmesi, onların benzer ve ayırıcı morfolojik ve semantik özelliklerinin tespitine fırsat verir.

Eserin bu bölümünde çağdaş Türk dillerinde zarf-fiillerin tarihsel gelişimi izlenilmektedir. Burada zarf-fiillerin yaygınlık derecesi spesifik örneklerle tanımlanmaktadır. Ayrıca

zarf-fiillerin hal ekleriyle kullanılmasının ayrıntılı analizi yapılmıştır. İkinci bölümde Türk dillerinde zarf-fiil eklerinin etimolojisi üzerine detaylı hipotezler incelenmektedir.

Monoğrafının «Çağdaş Türk dillerinde ve ağızlarında bazı spesifik zarf-fiil, sıfat-fiil ve isim-fiil eklerinin karşılaştırmalı-tarihsel analizi» başlığı adı altında üçüncü bölümü çağdaş Türk dillerinde ve ağızlarında bazı spesifik zarf-fiil, sıfat-fiil ve isim-fiil eklerinin karşılaştırmalı-tarihsel analizi için ayrılmıştır.

Bu bölümde bazı Türk dillerinde zarf-fiil, sıfat-fiil ve isim-fiil spesifik eklerinin kökeni ortaya çıkarılmaktadır. Burada ayrıca spesifik zarf-fiillerin çağdaş Türk dillerinin diğer zarf-fiilleri ile genetik akrabalığı izlenilmektedir. Yanı sıra üçüncü bölümde bazı Türk dillerinde spesifik zarf-fiil, sıfat-fiil ve isim-fiil eklerinin sözcüksel, anlamsal yapısı ve morfolojik özellikleri açıklanmaktadır.

"Sonuç" bölümünde araştırmadan elde edilen bulgular özetlendirilmektedir.

ZUSAMMENFASSUNG

Monographie über das Thema „*Systeme der Formen der Adverbialpartizipen in den türkischen Sprachen (vergleichende historische Aufklärung)*“ ist der vergleichenden historischen Analyse des Systems der Adverbial-partizipen in der modernen türkischen Sprache und ihren Dialekten gewidmet.

Monographie besteht aus dem Vorwort, Einführung, drei Kapiteln, Zusammenfassung und Literaturverzeichnis.

Im Vorwort ist das Studium des Themas, der angewandten wissenschaftliche Methoden, Aufklärung des Sprachmaterials, Bedeutung der Erforschung im theoretischen und praktischen Plan vorgesehen.

Zweites Kapitel „*Grammatische Eigenschaften der Formen der Adverbialpartizipen in den modernen türkischen Sprachen und in ihren Dialekten*„ der Monographie wird lexikalisch-semantic Bedeutung der primären und sekundären Formen der Adverbialpartizipen, Analyse der morphologischen Eigenschaften geforscht. Vortreffliche Analyse jeder Form der Adverbial-partizipen ermöglichte den Nachweis der gleichen, ebenso differential morphologisch-semantic Eigenschaften.

In diesem Kapitel wird historische Entwicklungs - periode jeder Adverbialpartizipenn in der modernen türkischen Sprache ermittelt. In diesem Teil wurde diese oder andere Form durch konkrete Beispiele veranschaulicht. Gleichzeitig wurde eingehende Analyse der Anwendung der Adverbialpartizipen in den verschiedenen Kasus durchgeführt.

Im zweiten Kapitel wurde Etymologie der Endungen der Adverbialpartizipen ausreichend studiert.

Im dritten Kapitel wurde vergleichend-historische Analyse der einigen spezifischen Affixe der Formen der Adverbialpartizipen, Partizipien und Infinitiv in den modernen türkischen Sprachen und in ihren Dialekten durchgeführt.

Dieses Kapitel der vergleichend-historische Analyse der einigen spezifischen Affixe der Formen der Adverbialpartizipen, Partizipien und Infinitiv in den modernen türkischen Sprachen und in ihren Dialekten gewidmet.

Im dritten Kapitel wurde die Herkunft der spezifischen Affixe der Formen der Adverbialpartizipen, Partizipien und Infinitiv in den einzelnen türkischen Sprachen analysiert. In diesem Kapitel wird genetische Verwandtschaft ihrer Formen in der modernen türkischen Sprache geforscht.

Darüber hinaus wird in diesem Kapitel lexisch-semantische Bedeutung und morphologische Eigenschaften der Adverbialpartizipen, Partizipien und Infinitiv in den einzelnen türkischen Sprachen analysiert.

In Zusammenfassung werden erreichte Resultate verallgemeinert.

RESUME

La monographie du «*Système des formes verbales de gérondif aux langues turcs (interprétation historique comparative)*» est consacré à l'analyse historique comparative du système des formes verbales de gérondif aux langues turcs modernes et à leurs dialectes.

La monographie se compose de l'avantpropos, de l'introduction, trois chapitres, de la conclusion et de la liste de la littérature utilisée.

Il s'agit du sujet, de méthodes scientifiques employées, des matériaux linguistiques à l'avantpropos. L'importance de la recherche est déterminée dans le cadre théorique et pratique.

Le premier chapitre de la monographie sous le titre de «*Problème d'étude des formes verbales du gérondif en turkologie*», il est déterminé l'exposé sommaire et il est indiqué les notions principales des formes verbales et les termes du gérondif. Les questions de non modification du gérondif dans les langues turques et leurs principes de classification sont analysées dans ce chapitre. Ici, on touche aussi le problème d'ajouter les suffixes pour le sujet et pour la possession des formes verbales du gérondif.

Le deuxième chapitre de la monographie sous le titre des «*Particularités grammaticales des formes verbales du gérondif primaires et secondaires dans les langues turques modernes et leurs dialectes*» est consacré au sens lexique sémantique des formes verbales du gérondif dans les langues turques modernes et leurs dialectes, l'analyse des particularités morphologiques. L'analyse en détails de la

forme du gérondif permet à découvrir leurs marques morphologiques sémantiques soit pareils, soit différentiels.

Dans ce chapitre, il est étudié aussi l'évolution historique de la forme du gérondif de chaque verbe dans les langues turques modernes. Ici, l'extension cette forme ou l'autre est déterminée suite aux exemples concrets. D'ailleurs, ici il effectue l'analyse en détail de la gestion du gérondif par les différents cas du nom.

L'étymologie des suffixes du gérondif dans les langues turques est suffisamment étudiée dans le deuxième chapitre.

Le troisième chapitre de la monographie s'appelle «*Analyse historique comparative de certains suffixes spécifiques des formes verbaux du gérondif, participe et infinitif dans les langues turques modernes et leurs dialectes*». Ici, il s'agit de l'analyse historique comparative de certains suffixes spécifiques des formes verbaux du gérondif, participe et infinitif dans les langues turques modernes et leurs dialectes.

Il est analysé l'origine des suffixes spécifiques des formes verbaux du gérondif, participe et infinitif dans les langues turques isolées. Ici, il est étudié aussi la génétique avec des autres formes dans les langues turques modernes. En outre, dans ce chapitre, il s'agit des particularités morphologiques et l'essence lexicale sémantique des suffixes spécifiques dans les langues turques isolées.

Les résultats de la recherche sont reflétés en «conclusion».

RESUMEN

La monografía *"El sistema de las formas del Gerundio de los verbos en las lengua turcas (en la iluminación comparativo - histórica)"* está dedicada al análisis comparativo - histórico del sistema de las formas dichas.

La monografía se compone del prefacio, introducción, tres capítulos, conclusión y de la lista de la literatura utilizada.

En el prefacio se ilumina el objeto del estudio, los métodos científicos elaborados, el material del lenguaje, y se determina el significado del estudio en la esfera teórica y práctica.

El primer capítulo de la monografía llamada *"El problema del escrutinio de las formas del gerundio de los verbos en la turcología"* contiene el comentario corto sobre el estado de la materia, se muestra las nociones principales y los términos de las formas del gerundio en los verbos.

En este capítulo se analizan las cuestiones sobre la invariabilidad del gerundio y los principios de su clasificación en las lengua turcas. Aquí asimismo se abordan los problemas sobre si los verbos en gerundio reciben los sufijos personales, de posesión o de caso.

El capítulo segundo de la monografía nombrado como *"Las características gramaticales de las formas del gerundio en las lenguas modernas turcas y en sus dialectos"* está dedicado al análisis de la esencia léxico - semántica, a las propiedades morfológicas de las formas del gerundio primarias y secundarias. El análisis perfecto de cada forma del gerundio concedió la oportunidad para revelar su carácter morfológico - semántico de ser semejante y diferencial.

En el capítulo tratado se sigue el curso del progreso histórico de cada forma. En el cuerpo de los ejemplos concretos se define el grado del empleo de unas u otras formas y asimismo se realiza el análisis detallado del carácter estilísticamente administrativo del gerundio en diferentes casos. Aquí se explora detalladamente la etimología de los sufijos del gerundio en las lenguas turcas.

El tercer capítulo de la monografía "*El análisis comparativo - histórico de algunos sufijos particulares de las formas del gerundio, participio e infinitivo en las lenguas modernas turcas y en sus dialectos*" se dedica al análisis comparativo-histórico de algunos sufijos especiales de las formas del gerundio, participio e infinitivo.

En el capítulo presentado se revela el origen de esos sufijos estudiados del gerundio, participio e infinitivo en diferentes lenguas turcas. Del mismo se observa su relación genética con otras formas de las lenguas modernas turcas. Paralelo a esto, en el título estudiado se analiza la esencia léxico-semántica y las características morfológicas de los sufijos especiales del gerundio, participio e infinitivo.

En la conclusión se generalizan los resúmenes adquiridos en el trabajo de la investigación.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Введение	11
Глава I	
Проблема изученности деепричастных форм глагола в тюркологии	22
Глава II	
Грамматические особенности деепричастных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах	34
Глава III	
Сравнительно-исторический анализ некоторых специфических аффиксов деепричастных, причастных и инфинитивных форм глагола в современных тюркских языках и их диалектах.....	158
Заключение	176
Список использованной литературы	186
Сокращения	216
Резюме	218
Xülasə	220
Abstract	222
Özet	224
Zusammenfassung.....	226
Resume	228
Resumen.....	230

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**СИСТЕМА ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ
ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ)**

AYNEL MƏŞƏDİYEVƏ

**TÜRK DİLLƏRİNDƏ FEİLİN
FEİLİ BAĞLAMA FORMALARI SİSTEMİ
(MÜQAYISƏLİ-TARİXİ ASPEKTDƏ)**

AYNEL MESHADIYEVA

**THE SYSTEM OF ADVERBIAL-PARTICIPIAL
FORMS OF THE VERB IN THE TURKIC LANGUAGES
(IN COMPARATIVE-HISTORICAL ASPECT)**

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА
СИСТЕМА ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ
ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ
(В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ)

Полиграфическое издательство „Ляман”ООО
Директор издательства: док. физ. наук Х. А. Гасанов
Редактор издательства: Альпарслан Озтюрк
Дизайн: Ильгар Тамоев.

Сдано в набор: 15.05.2016.
Подписано к печати: 05.12.2016.
Формат 60X84 1/16. Объём 14.4 п.л.
Тираж 500